

А.А. Музафаров

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

АЛЕКСАНДР МУЗАФАРОВ

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Москва
ВЕЧЕ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44
М1.1

Музафаров. А.А.

М11 Забытые битвы империи / Александр Музафаров. —
М.: Вече, 2013. — 288 с.: ил. — (От Руси к империи).

ISBN 978-5-4444-0155-2

Знак информационной продукции 16+

Вторгшиеся в Россию наполеоновские войска ждал неприятный сюрприз — на берегах полноводной Березины, где еще недавно располагался лишь небольшой городок, возвышалась грозная твердыня. «Ни одна крепость не была России столь полезной, как Бобруйск в 1812 году», — писал об ее обороне первый официальный историк Отечественной войны В.Н. Михайловский-Данилевский.

В 1854 году на самых дальних западных островах Российской империи принял неравный бой гарнизон недостроенной крепости Бомарзунд. Русские солдаты и финские стрелки 10 дней сражались против десятикратно превосходящих сил противника, поддержанного мощным флотом. Они до конца выполнили свой долг перед Государем и Отечеством.

В 1904 году русская крепость Порт-Артур 11 месяцев выдерживала осаду превосходящих сил японской армии и флота. В советское время много говорили о трусости, измене и бездарности руководителей, но за весь XX век не было случаев более длительной обороны крепости.

В нашей стране почти нет памятников героям Бобруйска, Бомарзунда и Порт-Артура. Может быть, потому, что наши современники ничего не знают об этих забытых битвах империи? Пришло время вспомнить и о них.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-4444-0155-2

©Музафаров А.А., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

Посвящается моей матери Маргарите Музафаровой, дочери русского офицера, родившейся в крепости Порт-Артур.

КАК НАШИ ДЕДЫ ВОЕВАЛИ...

«История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество», — написал в свое время «отец русской истории» Н.М. Карамзин. Высокий интерес современного российского общества к делам давно минувших дней говорит о том, что слова классика не устарели и сегодня. После отмены советских цензурных ограничений за последние два десятка летт вышло множество книг, статей, фильмов и другой продукции, посвященной разным событиям русской истории. Казалось бы, этот вал информации должен был заполнить лакуны исторического незнания и удовлетворить общественный интерес.

Однако не все так хорошо, как хотелось бы. Основной поток литературы сконцентрирован вокруг наиболее популярных и широко известных тем. Авторы исследований предпочитают отыскивать новые детали популярных событий или предлагают «новый» (порой весьма оригинальный) взгляд на их ход и причины. При этом огромный пласт исторического пространства остается неосвещенным и по-прежнему неизвестен широкой публике.

Применительно к военной истории Российской империи мы видим следующую картину. Хорошо известны крупные сражения и кампании — Нарва, Полтава, Кунерсдорф, Рымник, Измаил, Аустерлиц, Бородино, Севастополь, — подобно крупным городам, соединенным автомагистралью, они обозначают ход русской истории. Но стоит чуть свернуть в сторону с этого накатанного еще в школьной программе шоссе, и сразу начинается terra incognita — земля неведомая.

Между тем на неведомых нашим современникам дорожках происходили события, существенно влиявшие на ход военных кампаний. Может быть, не такие масштабные, но от этого не менее интересные и значимые. Оборона крепости Бобруйск упоминается далеко не в каждой книге, посвященной наполеоновскому нашествию на Россию, но, по мнению военных специалистов, сыграла едва ли не ключевую роль. «Ни одна крепость не была России столь полезной, как Бобруйск в 1812 году» — так оценил ее значение первый официальный историк Отечественной войны В.Н. Михайловский-Данилевский. Между тем ни одной книги, посвященной обороне крепости, на прилавках книжных магазинов или в библиотеках мы не найдем.

Предлагаемая читателю книга содержит рассказы о таких, незаметных на первый взгляд, сражениях, забытых ныне не только любителями истории, но и профессиональными специалистами. Разумеется, на страницах небольшой книги невозможно дать подробное описание всех перипетий таких масштабных сражений, как оборона Порт-Артура. Автор видит свою основную задачу прежде всего в том, чтобы заинтересовать читателя, привлечь его внимание к интересным и незаслуженно забытым событиям прошлого, а также указать доступные источники информации, которые позволят узнать об этих событиях более подробно.

ОБ ИСТОЧНИКАХ

Предлагаемая вниманию читателя книга не является научной работой в строгом смысле этого слова, а поэтому не снабжена ссылочным аппаратом. Однако в конце издания приведена библиография с указанием книг, послуживших источниками информации.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Эти источники можно разделить на три большие группы.

Во-первых, это дореволюционные исторические издания, посвященные описанию интересующих нас событий. В дореволюционной России вопросам изучения военной истории уделялось большое внимание. Современному читателю сложно представить объем всего комплекса военно-исторической литературы, вышедшей до 1917 года. Тут и истории отдельных частей и соединений, и описания основных кампаний и сражений, и серьезные военно-исторические исследования, выполненные как гражданскими историками, так и офицерами Генерального штаба, и обширная военная публицистика на страницах собственно военной и гражданской печати. Вопреки расхожим представлениям о строгой и недремлющей цензуре авторы этих изданий позволяли себе порой весьма острую критику действий войск и генералов, которая, в свою очередь, не оставалась без ответа.

Эта литература была долгое время закрыта для современного читателя, так как в советское время эти издания не переиздавались, редко попадали в библиотеки и часто уничтожались («хлам проклятого прошлого»). Сегодня они доступны читателям крупных российских библиотек, а ряд произведений был переиздан заново. Некоторые дореволюционные издания, находящиеся в европейских и американских книжных собраниях, были оцифрованы и в электронном виде доступны пользователям Интернета.

Во-вторых, это исследования современных специалистов. В отличие от советского времени над современным историком не довлеют идеологические догмы. В наши дни не обязательно при описании обороны Бомарзунда цитировать Энгельса, а Порт-Артура — Ленина. Упростившийся доступ в архивы значительно расширил круг используемых документов, а воз-

возможность работы за рубежом позволила широко использовать зарубежные источники.

Разрыв традиции в военно-исторической науке, произошедший в советскую эпоху, привел к тому, что современная отечественная историография войн Российской империи начинается с азов — статей и небольших монографий, посвященных отдельным событиям или аспектам. Фундаментальных обобщающих трудов даже по самым значительным войнам, таким как наполеоновское нашествие или Русско-японская война, пока не выходит. Время для постройки столь крупных зданий еще не пришло, идет интенсивный процесс накопления материала. К сожалению, редкая исследовательская работа выходит большим тиражом. Тираж сборников статей и вовсе мизерный и не превышает нескольких сотен экземпляров, поэтому их далеко не всегда можно найти даже в крупных библиотеках. Наличие Интернета и электронных версий публикаций несколько сглаживает эту проблему, но не решает ее полностью.

В-третьих, это краеведческая литература. Профессиональные историки редко избирают своей целью историю небольшого населенного пункта или небольшой местности. События местной истории приобретают значение лишь тогда, когда оказываются вовлеченными в процесс истории глобальной и играют в этом процессе важную роль, а такое бывает редко. Аудитория профессионального историка — профессиональное сообщество и общество в целом, а обществу интересно то, что пусть в некоторой степени, но затрагивает каждого. История небольшого городка на Волге или села в Рязанской губернии вряд ли станет предметом научной монографии. Но для людей, живущим в этом городе или в этом селе, история своего населенного пункта всегда будет представлять

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

живой интерес. И всегда найдется неравнодушный человек, который не пожалеет времени и сил на поиск и сбор крупиц прошедшего. Разный материал соберет он — тут будут и документы из местного архива, и газетные вырезки, и записанные в блокнотик рассказы стариков, и местные легенды и старые фотографии. Публиковаться эти материалы если и будут, то маленьким тиражом, книжкой или брошюрой, изданной местным музеем, храмом или расщедлившейся муниципальной администрацией. Тираж таких произведений весьма невелик — не более тысячи экземпляров, а как правило, сто — двести. В центральные библиотеки эти книжки не попадают, и добыть их можно только на месте, в запыленной лавочке местного музея.

Естественным образом в поле внимания краеведов попадают и события более масштабные, но непосредственно связанные с их родным городом. Поэтому оборона того же Бобруйска гораздо полнее освещена в местных малотиражных изданиях, чем в больших монографиях.

Автор попробовал соединить сведения из источников в единый непротиворечивый рассказ, который, скорее всего, не выдержит проверку на соответствие строгим критериям, предъявляемым к научной работе, но в то же время и не будет лишь полетом авторской фантазии. Все приведенные в книге факты почерпнуты из надежных источников. Выбранный жанр оставляет в то же время и место для предположений и логических реконструкций событий, информация о которых еще в недостаточной степени известна историкам. Профессиональный историк вынужден остановиться там, где кончается информация. Сам принцип научного знания воспрещает историку делать это. И лишь отход от строгих научных правил

позволяет заглянуть чуть дальше, не забывая при этом, что этот взгляд может открыть нашему сознанию как подлинные картины, так и фантомы.

Нельзя описывать события прошлого, так и не увидев мест, где они происходили. Сколь многое останется непонятным при отсутствии представления о месте действия. Конечно, есть картины, фотографии, видеоматериалы, но при всем совершенстве человеческого гения в сфере передачи изображений ни один из этих способов не даст такого полного представления о местности, как личное присутствие. Поэтому автор счел своим долгом по возможности побывать на местах описанных в книге событий и дополнить повествование своими личными наблюдениями и путевыми заметками, которые могут быть полезны для тех, кто также решит прикоснуться к местам воинской славы наших предков.

Если рассказ о событиях давно минувших дней заинтересует читателя и подтолкнет его к более глубокому ознакомлению с историей Отечества, автор будет считать свою миссию исполненной.

Поскольку речь в нашей книге пойдет о сражениях, связанных с обороной крепостей, собственно исторической части предшествует небольшой очерк, описывающий развитие крепостного дела в России и Европе, а в конце книги — краткий словарь фортификационных терминов.

Все даты в книге до 1917 года приведены по старому стилю.

Автор выражает искреннюю благодарность Фонду исторической перспективы за поддержку в написании этой работы.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

О КРЕПОСТЯХ

События, описанные в предлагаемой вниманию читателя книге, так или иначе связаны с обороной крепостей, поэтому будет уместно уделить несколько страниц рассказу о том, что же такое крепость.

В наши дни это понятие постепенно отходит в разряд устаревших. Государства более не строят мощных укреплений вдоль границ и главных дорог, а прежние часто используются как музеи. Современные укрепления, хранящие межконтинентальные ракеты и пункты управления на самый крайний случай, крепостями уже не называют.

Поэтому когда наш современник слышит слово «крепость», то первая ассоциация, возникающая у него в голове, как правило, связана... с горячительными напитками, где крепостью называют уровень насыщенности спиртом. Потом уже всплывают в памяти зубчатые стены и высокие шпили европейских замков, граненые башни русских монастырей, увенчанные флажками-прапорами, под сводчатыми воротами отдается гулкое эхо шагов...

В русском языке слово «крепость» имеет несколько значений — свойство быть твердым, степень насыщенности, свойство принадлежности (сейчас употребляется редко, но в исторических документах постоянно встречается — крепость на землю или даже купчая крепость — документ на право владения крепостными). Интересующее нас значение снабжено в толковом словаре пометкой «воен.» (т. е. военный) и раскрывается как *«укрепленное место с дополнительными оборонительными сооружениями»*. Не самое понятное определение, из серии «масло масленое», сразу же возникает вопрос — что значит «укрепленное место»?

Попробуем обратиться за помощью к классикам, в частности к прославленному французскому инженеру и полководцу маршалу Вобану, которого почитают как одного из величайших знатоков искусства строительства и взятия крепостей. За свою долгую жизнь (1633—1707) Вобан построил 33 крепости и перестроил более 300, принимал участие в 54 осадах и 104 стычках и сражениях, уж он-то знал суть вопроса. Главный труд французского инженера был переведен на русский язык еще при Петре Великом под названием «Истинный способ укрепления городов». В его предисловии знаменитый стратег дал четкое определение крепости: *«Фортификация есть художество укреплять города и всякие места, для того чтобы неприятель такое место не мог добывать без потери многих людей, а которые в осаде, могли бы малолюдством против многолюдства стоять»*.

Как точно сформулировано — малолюдством против многолюдства. То есть крепость *усиливает* тех, кто ее занимает. Подтверждение этому мы обнаруживаем в этимологии самого слова «крепость». Среди его дальних родственников мы находим немецкое слово *kraft* — «сила». Какими же средствами крепость усиливает своих защитников? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется обратиться к истории и рассмотреть постепенную эволюцию крепостных сооружений.

Первые крепости для первобытных людей были созданы самой природой: высокие холмы с обрывистыми склонами, пещера с узким лазом, остров посреди реки или озера — все, что затрудняло хищному зверю и злому человеку из другого племени добраться до самого ценного — потомства. Но таких мест немного, да и расположены они по большей части неудобно, вот и пришлось человеку самому заботиться о безопасности своих поселений. Кто были изобретатели первых оград, валов —

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

неизвестно. Древние эллины считали, что тут не обошлось без помощи бессмертных богов, ведь именно боги принимали личное участие в строительстве самой знаменитой крепости всех времен и народов - Трои.

Из «Илиады» мы знаем, что стены крепости были высоки, крепки и прекрасно сложены. В них были как минимум одни ворота — Скейские, защищенные мощной башней, с которой знатные вельможи троянские и сам царь Приам наблюдали за битвой.

Из той же поэмы мы знаем, что осадными технологиями армия Агамемнона не владела — ахейцы стремились разгромить войско противника в полевом сражении, когда им это удалось, но ничего не могли сделать против высоких стен, и лишь хитрость многоумного Одиссея позволила им взять город, причем совершенно фантастическим способом,

Археологические раскопки, проведенные несколькими поколениями археологов в Трое и других крепостях микенской эпохи, дают нам вполне определенное представление о фортификации того времени. Во-первых, важную роль играло местоположение крепости — для нее выбирали холм, желательно повыше и с крутыми, обрывистыми склонами. Во-вторых, естественные препятствия усиливались сооружением мощных крепостных стен, толщина которых доходила до 10—12 метров, а высота — до 10. Стены складывались из крупных, грубо отесанных каменных блоков всухую, т. е. без раствора. И под собственной тяжестью превращались практически в монолит. Взять такую крепость штурмом было практически невозможно, осады, сводившиеся, по сути, к блокаде, тянулись годами.

На смену немногочисленным и очень трудоемким в постройке крепостям микенцев пришли крепости более легкие, технически совершенные и протяженные. Развитие фортифи-

кации позволило располагать города там, где это было удобно с экономической точки зрения, а не там, где их было удобнее всего защищать. Этим обстоятельством и вызван упадок большинства центров микенской цивилизации (таких как Микены или Тириф) в последующую эпоху.

Осадная техника тоже не стояла на месте — изобретение металлических машин и таранов, использование подкопов и осадных башен дало в руки осаждающей армии грозное оружие. Отныне эпоха неприступных крепостей закончилась. При правильной осаде обреченной становилась любая крепость, и целью обороны стала не победа, а как можно более долгое ее затягивание, что позволяло либо дожидаться помощи, либо капитулировать на более почетных условиях. Если же помощи было ждать неоткуда, то никакая отвага и никакие укрепления не могли спасти осажденных.

Отказавшийся открыть Александру Великому ворота Тир был взят македонской армией, которая не поленилась построить громадную дамбу (сохранившуюся до нашего времени), лишив город преимуществ островного расположения.

В ходе Третьей Пунической войны (149—146 до н.э.) мощная римская армия осадил Карфаген — столицу государства, дерзнувшего бросить вызов будущим владыкам античного мира и одну из сильнейших крепостей того времени. Со стороны суши город окружала тройная стена, высота которой достигала 13,5 метра, усиленная 18-метровыми башнями. В обороне города приняли участие не только уцелевшие воины, но и все население, понимая, что в случае поражения противник их не помилует. Жители сопротивлялись отчаянно, но то было отчаяние обреченных — весной 146 года до Р.Х. город пал и в соответствии с пожеланиями римского сената был разрушен до основания. (Руины Карфагена, которые сейчас осматрива-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

ют посещающие Тунис туристы, — это руины уже римского города, построенного спустя много лет на месте разрушенной твердыни.)

К счастью для древних городов, очень немногие армии того времени располагали возможностями и дисциплиной македонцев и римлян.

Образование Римской империи и завоевание ею фактически всех стран Европы и Средиземноморья привело к определенному застою в развитии фортификации. Грандиозные по размеру римские пограничные укрепления не отличались техническим совершенством, для отражения диких варваров большего и не требовалось, а внутренние города больше полагались на мощь легионов, чем на крепость своих стен.

Начало Средних веков характеризуется упадком военного дела вообще и фортификационного искусства в особенности как наиболее сложной и дорогой его части. Но к концу первого тысячелетия ситуация начинает заметно меняться. Основным типом укрепления в эту эпоху становится замок — жилище и центр владений феодала. В отличие от городов, на защиту которых в случае вражеского нападения становились все способные держать оружие жители, небольшие замки могли рассчитывать лишь на небольшой гарнизон профессиональных воинов, поэтому их строителям и приходилось думать о том, как с помощью укреплений компенсировать малочисленность гарнизона.

Вокруг замков появились рвы, причем заполненные водой, что потребовало, во-первых, укрепления их стен каменной кладкой, а во-вторых, устройства шлюзовой системы для поддержания уровня воды. И все большее значение стало отводиться башням. Башни были и в античных укреплениях, но в замках они приобретают значение главных пунктов обороны.

Вопреки образам из современных кинофильмов про рыцарскую эпоху, во время осады стены замка были практически пустыми, а гарнизон оборонялся в башнях, выходя из них только для отражения атак. Центральное ядро замка — донжон — представляло собой огромную башню, которая служила и жильем владельцу, и хранилищем припасов, и последним рубежом обороны.

Разработанные для замков приемы фортификационного искусства успешно применялись и для укрепления городов, тем более что замок часто играл роль цитадели для городской крепости.

Новые условия войны, когда роль каждого воина многократно возрастала, стимулировали развитие оружия. Рыцари довели систему доспехов и холодного оружия до предельно возможного совершенства. Их вооружение, как по степени защиты, так и по атакующей мощи, многократно превосходило все, что было в античном мире. Оборона укреплений потребовала совершенствования дальнобойного оружия, вызвав к жизни арбалет, а потом и порох.

Изобретенный на Дальнем Востоке черный порошок с уникальными свойствами кардинально перевернул всю сферу военного искусства и произвел настоящую революцию в фортификации.

Начиная с XV века огнестрельное оружие получает все более широкое распространение. Тяжелые пушки, обладавшие мощной отдачей, не могли размещаться на стенах замка, но располагались в башнях, значение которых возросло многократно. С другой стороны, башни гораздо лучше могли сопротивляться артиллерийскому огню осаждающих, чем тонкие стены. Поэтому строители крепостей начинают все более и более увеличивать размеры башен, пока последние не превращаются в

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

мощные полукруглые в плане выступы стен, лишенные крыши, но несущие много орудий. Такие башни получили итальянское название бастей, или рондели,

Роль артиллерийских позиций многократно возрастает — бастей становятся все больше, пока не превращаются в отдельные укрепления — бастионы, способные к самостоятельной обороне.

Постепенно бастионы становятся главным типом укреплений, а бывшие стены превращаются лишь в соединительную деталь, все более уменьшающуюся в размерах и получившей новое название — куртина. Чтобы защитить укрепления от настильного пушечного огня, перед рвами начинают делать земляные насыпи, прикрывающие стены — гласисы, а сами стены становятся все ниже и толще.

Крепости меняют облик — вместо высоких зубчатых стен и башен, видимых издалека, они становятся низкими, приземистыми, укрытыми земляными валами и очень большими по размерам. Постройка таких сооружений была уже не по карману даже крупным феодальным сеньорам, их могли строить только короли централизованных европейских государств. Развитие артиллерии и фортификации свело на нет возможность мелких и средних феодалов сопротивляться воле сюзерена, и укрепленные замки стали перестраиваться в роскошные дворцы. Число крепостей в Европе заметно сократилось, но и качество и мощь выросли многократно. В эту эпоху и рождается тот тип крепостей, о котором пойдет речь в нашей книге, — специально построенные укрепления для защиты границ страны или важных стратегических объектов.

В XVII веке основу крепости составляет бастионный фронт — бастионы, примененные к местности, оказывающие друг другу огневую поддержку. Наиболее эффектив-

ную систему бастионных фронтов, продержавшуюся более столетия, разработал французский маршал Вобан, один из наиболее известных военных инженеров в мировой истории. Его последователи довели идею бастионной крепости до совершенства, и в начале XIX века такие укрепления строились по всей Европе.

В отличие от античных и средневековых времен, когда метательное оружие носило лишь вспомогательный характер, а исход сражения за крепость решался в рукопашной схватке, начиная с XVI века основную роль в защите крепостей стала играть артиллерия. Крепость предоставляла артиллеристам наилучшие условия для стрельбы — орудия располагались на удобных, стационарных позициях, зона ведения огня была хорошо изучена и пристреляна еще в мирное время, артиллеристы были надежно защищены от вражеской пехоты и конницы. Крепостные орудия, как правило, имели толстый (а значит, надежный от разрывов) ствол, большой калибр и в изобилии снабжались боеприпасами. Их точный огонь отражал любую попытку приблизиться к крепостным веркам.

Единственной силой, способной подавить крепостные орудия и разрушить укрепления, была осадная артиллерия. Но осаждающему приходилось гораздо сложнее, чем осаждаемому. Судите сами — сначала тяжелые пушки (а легкие крепостным стенам не страшны) надо было доставить на место, потом их необходимо было выдвинуть на позиции, позволяющие обстреливать укрепления, а это приходилось делать под огнем артиллерии защитников. Русская военная история содержит немало примеров, когда крепостная артиллерия уверенно одерживала верх над атакующими.

Так было при обороне Троице-Сергиевой лавры в Смутное время. Гарнизон обители едва доходил до 3000 ратных людей,

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

в то время как литовский воевода Сапега привел под стены монастыря свыше 20 тысяч поляков, казаков и «русских воров» из числа сторонников Лжедмитрия II. Но с артиллерией у осаждающих было плохо — несколько легких пушек делу не помогали, а привезенное из Тушина единственное тяжелое орудие расстреляли монастырские артиллеристы, хладнокровно дождавшись его установки на позицию.

Новые системы укреплений потребовали разработки совершенно новых методов осады. Фактически они свелись к тому, что долговременной фортификации был противопоставлен особый род полевой фортификации, сооружавшейся непосредственно под стенами осажденной крепости. Место штурмовых лестниц и лихих атак заняли лопаты и кропотливая, постепенная работа. Осаждающие строили систему глубоких земляных траншей, позволявшую подтянуть орудия поближе к укреплениям и открыть огонь либо по артиллерийским позициям, либо по стенам.

«Побольше поту, поменьше крови» — так сформулировал главное правило осадных работ сам маршал Вобан. Разработанная им система постепенной атаки позволяла одолеть практически любые укрепления, если в распоряжении осаждающего были ресурсы и время. Время — вот то, что выигрывали осажденные крепости для своих стран. Время — самый бесценный ресурс на войне.

Осада из грубого столкновения сил превратилась в противостояние умов, жуткую игру в полномасштабные шахматы, где игроки вместо деревянных или костяных фигурок передвигали живых людей. Поэтому на должность коменданта крепости старались назначать людей решительных, стойких и умных.

С другой стороны, начиная с конца XVII века в европейских армиях стали появляться инженерные части во главе с

наиболее образованными и умными офицерами — военными инженерами. В следующем XVIII столетии должность военного инженера стала одной из немногих в армии, которая требовала специальной подготовки и предварительного обучения. Если любой дворянский недоросль, записанный в полк, когда матушка была им еще брюхата, явившись в свою часть в 16-летнем возрасте, без особых проблем получал офицерский шарф, то решивший стать инженером должен был грызть гранит науки в течение 3—5 лет и лишь потом приступать к службе. Недаром по петровской Табели о рангах инженерные и артиллерийские офицеры имели преимущество в один класс по сравнению с пехотными и кавалерийскими (т. е. инженер-подпоручик был равен пехотному поручику).

В Англии, где офицерские должности в сухопутной армии официально продавались за деньги, инженеры были единственным исключением из этой системы.

Появление во второй половине XIX века нарезных артиллерийских орудий и постепенное вытеснение пороха новыми синтетическими взрывчатыми веществами, что привело к многократно возросшей мощи пушечного огня, заставило фортификаторов искать новые средства для усиления крепостей. Бастионный фронт уже не мог гарантировать ядру крепости защиту от артиллерийского огня осаждающих. Расширение же его до необходимых пределов многократно увеличивало периметр обороны и требовало огромного гарнизона, что плохо соотносилось с формулой «малолюдством против многолюдства стоять».

Ответом стало отделение бастионов от ограды и превращение их в самостоятельные укрепления, выдвинутые далеко вперед и приспособленные к круговой обороне. Эти укрепления получили название фортов, а их цепь, окружавшая ядро

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

крепости, — фортовый пояс. Оборона промежутков между фортами обеспечивалась перекрестным огнем и полевыми позициями гарнизона, которому все же пришлось значительно увеличиться в размере.

Впервые такие крепости проявили себя в ходе Франко-прусской войны 1871 года, а их расцвет приходится на начало XX века, Огромные укрепления, построенные из особо прочного бетона, оснащенные самой современной техникой — электрическим освещением, телефонной связью, принудительной вентиляцией, вращающимися броневыми башнями и прожекторами, казались несокрушимыми и занимали важное место в стратегических планах ведущих держав.

Однако в ходе Первой мировой войны 1914—1918 годов эти расчеты не оправдались. Многие сильнейшие крепости (бельгийские Льеж и Намюр, русский Новогеоргиевск, австрийский Перемышль, сербский Белград и др.) были взяты осаждающими в весьма короткие сроки, и решающую роль тут играло психологическое состояние гарнизона.

С другой стороны, крепости, сражавшиеся не изолированно, а в составе громадных оборонительных позиций, которыми так славилась эта война, проявили себя с лучшей стороны, сыграв колоссальную роль в сражениях, развернувшихся под их стенами. В качестве примеров можно вспомнить русский Осовец или французский Верден.

По итогам войны были сделаны соответствующие выводы, и на смену крепостям пришли новые фортификационные формы — укрепленные районы и линии из них. Классическая крепость, способная к изолированной и долгой обороне, быстро ушла в прошлое. Ставшая на крыло авиация, способная нести бетонобойные бомбы и сбрасывать их с невозможной Для артиллерии точностью, окончательно лишила крепости

военного значения, а появление ядерного оружия — их шансов на дальнейшее развитие, радикально изменив характер войны.

Просуществовав несколько тысячелетий, пройдя долгий путь эволюции от «циклопической кладки» стен Трои до сверхпрочного бетона фортов Бельфора, крепости навсегда ушли в историю.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ

Во многих европейских языках для обозначения городского поселения используются два слова, отличающиеся и по своей семантике, и по своему смыслу. Например, в немецком языке существуют слова *stadt* и *burg*, первое из которых обозначает просто город, а второе — город-крепость. Возможно, у воинственных германцев далеко не все города были защищены стенами.

Но на землях Древней Руси все было по-иному. Ни одно поселение не могло позволить себе оставаться без защиты. Поэтому русское слово «город» означает огороженное, т. е. укрепленное, поселение, и никакого другого слова для обозначения поселения в нашем языке не возникло. Ибо слова «село», «деревня», «поселок» появились значительно позднее. Воинственные скандинавские викинги так и называли русскую землю — Гардарика — страна городов, поскольку неукрепленных поселений они в ней не встречали.

Что представляли собой эти древнерусские грады и какие средства использовались для их укрепления? Во-первых, местоположение. Оно должно было максимально прикрыть поселение от неожиданной атаки. Хорошо подходил для

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

таких целей угол — узкий мыс, образованный при слиянии двух рек. Очень неплохо, если этот мыс был еще и высоким, как Боровицкий холм — древнейшее местоположение российской столицы. Если не было угла, то годился и просто высокий холм на берегу реки или озера. Реки играли в жизни восточных славян важнейшую роль. Они были удобными дорогами, порой единственными в лесной местности, изобилие рыбы играло важную роль в рационе жителей, да и как строить крупное поселение без источника пресной воды рядом?

Выбрав удобное место, его укрепляли дополнительно — поселение окружали земляным валом, поверх которого располагалась деревянная ограда. Самым слабым местом таких укреплений были ворота, где в земляных валах оставался разрыв. Здесь располагалась воротная башня — наиболее крупное оборонительное сооружение. Иногда перед валом откапывали ров, но почти всегда он был сухим (без воды), наполняясь водой лишь во время весеннего паводка.

В таком виде строились почти все укрепления русских городов вплоть до рокового XIII столетия. У крупных городов — княжеских столиц — валы были повыше и потолще, уже не просто земляные насыпи, а сложные дерево-земляные конструкции, достаточно прочные, чтобы дожить до нашего времени. Деревянная ограда из простого частокола превратилась в деревянные стены, составленные из срубов, наполненных землей. Воротная башня стала высокой, а в наиболее богатых городах и каменной. До нашего времени сохранились руины такой башни в Киеве и целая, хотя и немного перестроенная башня Золотых ворот во Владимире.

Осадная техника в домонгольской Руси была практически неизвестна. Крепости либо «брали на щит» внезапной лихой атакой, либо вынуждали к сдаче долгой блокадой. Но чаще

всего — их просто оставляли в покое, предпочитая решать военные споры в чистом поле. Поэтому появление зимой 1237 года монгольской армии, спаянной железной дисциплиной и имевшей на вооружении китайские осадные технологии, привело страну к катастрофе.

Для современников главный ужас Батыева нашествия состоял не в разгроме в полевых сражениях русских войск (такое бывало и прежде), а во взятии и разорении считавшихся дотоле неприступных городов. Монголы действовали строго «по учебникам» — метательные машины легко сбивали с валов деревянные ограды (или боевой ход оных), лишая защитников возможности препятствовать подготовке штурма. Под прикрытием этого обстрела заготовленными материалами заваливался ров, и делалась высокая насыпь к валу — примет. Для этих работ использовался труд несчастных пленных, жестко подгоняемых воинами. Дальнобойные катапульты закидывали город зажигательными снарядами, вызывая панику среди жителей. Пробив брешу, монголы пускались на штурм (при этом перед собой опять же гнали пленных) и врываются в город. Ограды русских крепостей с их редкими башнями и деревянными заборами поверху ничего не могли противопоставить такой тактике. Примечательно, что когда у монголов не оказывалось под рукой осадной техники, они предпочитали либо вовсе не связываться с осадой городов (первый поход на Киев или Смоленск), либо осада затягивалась надолго и стоила больших жертв (Торжок и Козельск).

Разорение Русской земли, упадок государственности привели к тому, что строительство крепостей в большинстве княжеств надолго прекратилось. В большинстве городов ограничились восстановлением старых оград, порой заметно сократив их периметр (как во Владимире на Клязьме).

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Единственным исключением стали города-княжества северо-запада Руси — Господин Великий Новгород и Господин Псков. Именно на псковских землях в XIII веке была построена первая русская каменная крепость Изборск. В XIV веке каменных крепостей стало значительно больше. Оделись в камень и детинцы Новгорода и Пскова. Развитию каменной фортификации в этих областях способствовали следующие факторы: во-первых, богатство Новгорода и Пскова. В эти земли не проникали ордынские набеги. Расположение на торговых путях, связывавших Русь и Европу, способствовало развитию ремесла и торговли. Во-вторых, главным противником Новгорода и Пскова были европейские государства — Шведское королевство, Ливонский орден и Великое княжество Литовское. Против такого противника требовались более серьезные укрепления, нежели традиционные деревянные ограды. И наконец, в-третьих, тесное соседство с североевропейскими государствами позволяло легко заимствовать технологии каменного строительства, а то и приглашать мастеров.

Строились каменные крепости и в юго-западных русских землях, владениях «короля малой Руси» Даниила Галицкого, чему также способствовали тесные отношения его государства с Венгрией и Польшей. Однако уже при внуках Даниила его государство было поделено между соседями и никакой роли в развитии собственно Руси более не сыграло.

Первую каменную крепость во Владимирской Руси построили в 1366—1367 годах в Москве. Историкам достоверно неизвестно, кто были мастера, разработавшие и осуществившие проект первых стен Кремля, сложенных из белого камня. Нет точных сведений и об облике и типе укреплений. Известный художник Аполлинарий Михайлович Васнецов, чья картина-реконструкция «Белокаменный Кремль Дмитрия Донского»

стала хрестоматийной, предполагал участие в работе греческих мастеров из Крыма. Иные историки предполагают, что мастера-градостроители были местные.

Уже в 1368 году под стенами новопостроенной крепости появилось войско стремительного литовского князя Ольгерда. Новые укрепления русской столицы оказались для него неприятным сюрпризом. «Злокозненный» и «злонеистовый» Ольгерд повторил набег в 1370 году, но ничего не добился и предпочел пойти на мировую с будущим победителем на Куликовом поле.

С оборонительной точки зрения первая каменная крепость Московского княжества оказалось довольно удачной — она выдержал несколько осад, а взята была всего один раз, да и то не военным искусством, а хитростью хана Тохтамыша. Примечательно, что во время этой неудачной для русских осады с крепостных стен была впервые применена артиллерия. Это говорит о том, что строители белокаменного Кремля, кем бы они ни являлись, были хорошо информированы о новейших достижениях европейской военной науки и использовали их при постройке.

Однако ее, так сказать, эксплуатационные качества оставляли желать лучшего — крепость приходилось часто ремонтировать, причем при ремонте вместо камня применяли дерево, в результате иностранные путешественники, видевшие Москву в середине XV века, описывают ее цитадель как деревянную, настолько мало в ней осталось от каменной постройки.

Впрочем, в других княжествах, пытавшихся соперничать с Москвой за власть в Северо-Восточной Руси, каменных укреплений и вовсе не строили. Известно, что один из тверских князей, не желая отстать от Москвы, велел обмазать деревянные

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

стены своей столицы глиной и покрасить их в белый цвет «под камень». Но от огня пищалей штукатурка помогала плохо.

В 1485 году великий князь Московский и всея Руси Иван III находился в зените своего могущества. Покорены Тверь и Новгород, Верными вассалами Москвы стали Рязань и Псков, отбито ордынское нашествие, и сам характер отношений Руси и Орды радикально пересмотрен (потом историки назовут это падением ордынского ига). Вторым браком Иван Васильевич женился на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог (первый брак русского государя с европейской принцессой за 200 лет!). Такому государю требовалась и подobaющая ему столица.

Для строительства новых стен Москвы были приглашены итальянские специалисты Аристотель Фиораванти и Пьетро Антонио Солари, которые и приступили к постройке. То, что они построили, и по сию пору является одним из символов нашей страны, а тогда послужило образцом для сооружения десятков новых русских крепостей.

С фортификационной точки зрения Московский Кремль представлял собой крепость переходного периода. Высокие стены, беззащитные против пушечного огня, достались ему в наследство от средневековых крепостей, но заметно увечившееся число башен, предназначенных для размещения сильной артиллерии, было веянием нового времени. Поставленные на углах стены крупные башни — Водовзводная, Боровицкая, Собакина, Спасская, Москворецкая и Тайнинская вместе с воротной Троицкой позволяли простреливать окружающую местность из дальнобойных (по меркам того времени, конечно) орудий. Малые башни, делившие прясла стены, играли роль своего рода канониров, предназначенных для отражения открытых штурмов. Помимо собственно стен, итальянские

инженеры построили два гидротехнических сооружения — плотину около Боровицкой башни, запрудившую реку Неглиная и заполненный из нее же водой ров на Красной площади. Итальянские архитекторы приняли участие в постройке еще нескольких крепостей того же типа — в Новгороде Великом, в Нижнем Новгороде, Китай-город в Москве и т. д.

По образцу и подобию Московского Кремля в XVI веке началось масштабное строительство каменных крепостей в Русском государстве. То, что не могли позволить себе отдельные княжества, теперь, благодаря централизации управления и концентрации материальных ресурсов, стало возможным. Примечательно, что новые крепости сооружались под руководством русских зодчих, которые по-своему стали развивать заложенные итальянцами идеи. В результате к концу столетия сложился своеобразный русский тип каменной крепости, заметно отличающийся от современного ему европейского.

Русские крепости сохранили высокие стены, которые стали использоваться для размещения легкой и противотурмовой артиллерии, располагавшейся в три яруса — верхнего, среднего и подошвенного боя. Такая стена напоминала борт линейного корабля и была способна обрушиться на атакующих ураганный огонь. Крупнокалиберная артиллерия размещалась в башнях, которые значительно увеличились в размерах, хотя и не превратились в рондели.

Значительно возросла толщина стен, достигая в отдельных случаях 8—10 метров комбинированной каменно-кирпичной кладки. Для увеличения прочности там, где была возможность в качестве строительного материала использовались гранитные валуны и блоки. Такая ширина стены позволяла в отдельных крепостях (Орешек, Кирилло-Белозерский монастырь) размещать артиллерию фактически в каменных казематах, до чего в Европе дошли только в XIX веке.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Таким образом, русские зодчие довели до совершенства доставшийся им в наследство итальянский образец, но новейшие тенденции в развитии европейской фортификации не были ими востребованы.

Сосредоточение управления крепостного строительства в руках централизованной власти позволило создавать не просто отдельные крепости, но целые системы из укреплений разного уровня, способные обеспечить эффективную защиту границ государства. Первой такой системой стали засечные линии на границе с Диким полем, защищавшие центральную территорию страны от набегов крымских кочевников. Они включали в себя полосу застав, собственно засечную черту, усиленную дерево-земляными крепостями, и мощные каменные крепости (Тула, Коломна и т. д.), служившие опорными пунктами для войск, развернутых на рубежах.

Русские фортификаторы пытались также усилить оборону городов за счет создания вокруг них системы вспомогательных крепостей. Так, столица Русского государства, помимо четырех поясов собственно городских укреплений (Кремль, Китай-город, Белый город, Скородом), была прикрыта с наиболее опасного, южного направления полукольцом сторожевых монастырей. Каждая из обителей была превращена в мощную крепость, а расстояние между ними позволяло обеспечить оборону промежутков за счет артиллерийского огня. Таким образом, была во многом предвосхищена идея фортовой крепости, ставшая общепринятой в Европе во второй половине XIX столетия.

Русские крепости XVI века оказались достаточно устойчивыми и с успехом отражали атаки не только кочевников, но и европейских армий. В качестве примеров можно привести успешную оборону Пскова в 1581—1582 годах от войск

польского короля Стефана Батория или почти годичную оборону Смоленска от войска польского короля Сигизмунда (1609-1611).

Главной проблемой русской фортификации в это время и на протяжении следующего XVII столетия стало то, что крепостное дело в России (так же как и архитектура в целом) не вышло за рамки ремесла. Не возникали школы, не накапливались знания, не велось систематической работы по анализу и развитию фортификационной мысли. Да и сами зодчие, включая наиболее выдающихся из них, таких как Федор Конь, были самоучками, не получившими систематического образования.

Это привело к тому, что XVIII век стал для отечественного крепостного дела, по сути, тупиковым. После окончания Смутного времени были приведены в порядок и модернизированы многие из старых каменных крепостей. Однако становилось все нагляднее преимущество бастионной фортификации европейского типа. Она была дешевле, быстрее в постройке и эффективнее. Отсутствие собственной инженерной школы вынуждало к постоянно приглашать иностранных специалистов. Начиная с 50-х годов XVII века в русских документах появилось неизвестное доселе слово «инженер».

Работавшие в России строили крепости на свой манер — с земляными укреплениями бастионного типа. Так, бастионами была укреплена южная часть Земляного города в Москве. В 1632 году русское правительство осуществило интересный эксперимент — построило в Ростове Великом земляную бастионную крепость по проекту голландского инженера Яна Корнилия ван Роденбурга. Смысл строительства современной крепости в городе, расположенном вдали от любой внешней

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

угрозы, остался для потомков неведом. Впрочем, способностями голландца остались довольны и направили его строить подобные укрепления на засечных чертах.

На юге, где главным противником были крымские татары, практически не имевшие артиллерии, в бастионных крепостях нередко устанавливали традиционные деревянные стены, игравшие роль противоштурмовых препятствий.

В отличие от пехоты или кавалерии, где иностранцы постепенно вытеснялись обученными на европейский манер русскими офицерами, ситуации в военно-инженерном деле складывалась по-другому. Фортификация XVII века была искусством, требующим знания высшей математики, черчения, основ физики и химии. Людей, знакомых с этими науками на европейском уровне, в России попросту не было. Отсутствие образованных русских кадров не давало возможности создать собственную инженерную школу. Иностранные специалисты приглашались в страну «по случаю», либо когда сами предлагали свои услуги, либо когда в них была острая необходимость. Отсутствие собственных инженерных кадров порой приводило к военным неудачам (например, провалом закончилась попытка взять Ригу в 1656 году), а главное — ставило страну в зависимость от милости соседей. Осознав русские проблемы, во второй половине XVII века Речь Посполитая и Швеция начали целенаправленно препятствовать приезду в нашу страну иностранных военных специалистов.

Этот кризис был разрешен лишь в эпоху Петра Великого, которого по праву можно считать основателем военно-инженерного дела в России. Фортификация была одним из любимых увлечений царя-реформатора. Он тщательно изучил эту область военного дела и не раз демонстрировал свои позна-

ния и практические навыки на деле. Высокая квалификация позволила Петру более тщательно подходить к приглашению в Россию иностранных специалистов, что, в свою очередь, привело к появлению на русской службе целой плеяды ведущих европейских военных инженеров.

Но главная заслуга Петра Великого заключалась в формировании в составе российской армии особой инженерной части и создании системы подготовки национальных инженерных кадров. В 1712 году открывается первая инженерная школа в Москве, которая через пять лет переносит свою деятельность в Петербург. В 1722 году создается Инженерная контора, тем самым военные инженеры выделяются в особый род войск,

И хотя проекты основных крепостей, построенных в царствование первого императора, выполняли в основном иностранные специалисты, сам процесс строительства уже находился под контролем национальных кадров,

В ходе многочисленных войн XVIII века русским инженерам приходилось гораздо чаще осаждать вражеские крепости, чем защищать свои. Причем противниками России оказывались не только азиатские и восточноевропейские державы (Турция, Речь Посполитая), но и Пруссия, располагавшая первоклассными крепостями.

Собственное крепостное строительство не отличалось размахом — было сооружено несколько крепостей на юге России (крупнейшая из них — крепость Святителя Дмитрия Ростовского — будущий Ростов-на-Дону) и укреплена граница со Швецией, где опорными крепостями стали Выборг и Роченсальм (ныне город Котка в Финляндии).

Геополитическая обстановка на западных рубежах империи оставалась спокойной, поэтому вопрос об их укреплении не

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

ставился. Так продолжалось до тех пор, пока в далекой Франции не начал разгораться революционный пожар, которому суждено было охватить всю Европу,

Здесь и начинается первая история, о которой пойдет речь в нашей книге, — рассказ о строительстве и обороне Бобруйской крепости.

БОБРУЙСК. 1812

НА ПУТИ ДВУНАДЕСЯТИ ЯЗЫКОВ

В наши дни Бобруйск — это тихий провинциальный город Восточной Белоруссии. Он стоит на правом берегу полноводной Березины и сонно отражается в ее водах. Уютные улицы, узкие в старой части и широкие в районах новостроек, Купола городского собора, что был в советское время перестроен в плавательный бассейн, но все-таки уцелел и ныне возродился, зеленые скверы, бульвары, спокойные жители и играющие допоздна на улицах дети. Самая известная достопримечательность — бронзовый бобер, что стоит, облачившись в визитку и любезно приподняв котелок, на одной из старых улиц, недалеко от городского рынка... Казалось бы, обычный средней руки город, каких много на просторах бывшего СССР. Но достаточно посмотреть на план города, как сразу видишь отличие. В центре, где в «нормальных» городах располагаются административные здания, торговые центры и элитные жилые кварталы, сияет пустота, заполненная надписью — «территория Бобруйской крепости».

Когда-то здесь действительно стояла крепость... И сейчас еще можно обойти ее контур, увидеть некогда мощные люнеты и капониры, низкие здания пороховых складов и не лишённые некоторого изящества дома офицеров гарнизона.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Но напрасно внимательный путник будет искать здесь хоть один памятный знак, хоть одну табличку, посвященную событиям двухсотлетней давности. Их нет. И ничего не напоминает здесь о жарком июле 1812 года, когда Бобруйск сыграл весьма важную, а то и решающую роль в отражении французского нашествия. Почему так? Ведь молодое белорусское государство не страдает распространенным ныне пороком переписывания собственной истории на новый лад. И в Бобруйском городском музее событиям 1812 года посвящена большая и хорошо продуманная экспозиция.

Однако, с точки зрения современных белорусских историков, Отечественная война не является таковой для Белоруссии. В школьных учебниках нашего западного соседа она названа «русско-французской», а местные жители приняли в ней лишь «вынужденное участие». Такой подход является логическим следствием идеологической парадигмы современной белорусской государственности. В отличие от многих республик бывшего СССР, которые объявили себя правопреемниками и историческими наследниками некогда существовавших национальных государств, в Белоруссии исходными моментами создания собственной государственности считают образование Белорусской ССР (1920 год) и ее международное признание, под которым понимается вступление республики в ООН в 1945 году. Такой подход является во многом вынужденным, так как у более ранних государственных образований, существовавших на этой территории, — Великого княжества Литовского и Речи Посполитой — нашлись свои наследники (соответственно, Литва и Польша).

Поскольку советский период занял основополагающее место в истории белорусской государственности, то и в белорусской версии истории его изложение осталось неизменным

с советских времен. Однако более раннюю историю Белоруссии местные историки предпочитают рассматривать не с привычной для нас позиции исторической России, а с позиции западнорусской истории, которая, по сути своей, представляет русифицированный вариант истории Великого княжества Литовского.

А чтобы читатель лучше понял, что это за история, рассмотрим ее на конкретном примере, примере истории все того же Бобруйска.

НА ГРАНИЦЕ ДВУХ РУССКИХ МИРОВ

Первое упоминание о Бобруйске относится к 1387 году, когда великий князь Литовский (и будущий польский король) Ягайло по договору уступил его своему брату князю Скиргайло. Поскольку в грамоте Бобруйск назван центром волости, можно предположить, что возник значительно раньше своего первого упоминания в источниках. Археологические раскопки подтверждают, что поселение сельского типа существовало в этих местах еще во времена Киевской Руси. Однако городом Бобруйск стал именно в составе Великого княжества Литовского.

Это название мало что говорит современному российскому читателю. Любой школьник твердо помнит путь развития русской государственности — Киев — Владимир — Москва — Санкт-Петербург. В целом эта схема проста и понятна, но в ней есть слабые звенья. Описав величие Киевской державы, взгляд учебника фокусируется на Руси Владимирской, одном из княжеств-полугосударств, образовавшихся в XII веке. После Батыева нашествия поле зрения сужается еще больше — до границ крошечного удельного княжества Московского.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

С педагогической точки зрения такой подход, безусловно, оправдан, так как именно из этого княжества и начнет свой отсчет магистральная дорога русской государственности. Но при этом за пределами внимания остаются другие русские земли. Они исчезают вплоть до того времени, когда государи московские, создав новое централизованное государство и скинув ордынское иго, обратили свой взор на запад.

А на западе вот уже два с половиной века разворачивалась совсем другая история. Для начала укажем, что полное название государства, которое в наших учебниках именуется Великим княжеством Литовским, было Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское. Литовцами в нем были правящая династия (потомки великого Гедиминаса), часть высшей аристократии и население собственно литовских земель — Жмуди. Официальным языком, на котором велись все документы и акты, вплоть до конца XV века был западнорусский диалект русского языка — один из источников современного белорусского. Процесс подчинения западнорусских княжеств Литве проходил быстро и относительно мирно. Писатель Дмитрий Балашов так образно описал этот процесс;

«Древние земли и грады русичей почти без боя сдавались и отдавались под руку Литвы. Это было даже не завоеванием. Многие литовские князья, покоренные очарованием высокой культуры, крестились, принимали — кто лицемерно, кто искренне — православную веру, женились на русских княжнах, зачиная литовско-русские династии на захваченных землях. И мало кто из них, подобно сыну Гедимина Кейстуту, продолжал свято хранить древнюю языческую веру свою. Творилась пышная свадьба двух народов, казалось, научившихся жить рядом и в мире, и малого не хватало уже, чтобы Литва, а не Русь стала во главе православной Восточной Европы».

Но литовские князья повернули историю в другое направление. В конце XIV века великий князь Ягайло принимает католичество с именем Владислав, женится на наследнице польского престола и становится польским королем, основателем династии Ягеллонов. И хотя вплоть до 1569 года оба государства формально оставались независимыми друг от друга, будучи объединенными лишь династической унией, польское влияние быстро стало определяющим. Приняв католичество сам, Ягайло-Владислав обратил в католичество и Литву, уничтожив древний языческий культ страшного бога Перкунаса. Через унию с Польшей Литва вошла в состав западноевропейского мира, пусть и в роли его восточной периферии. С одной стороны, это открыло русскому населению княжества доступ к таким благам европейской цивилизации, как образование, городское право, письменная культура, с другой — католичество постепенно начало наступление на православную веру. К тому же поляки, в отличие от литовцев, не рассматривали православных русских как равных себе, что с постепенным проникновением польской шляхты в западнорусские земли привело к возникновению национального гнета.

В результате сложился особый западнорусский мир — феномен, пока еще малоизученный нашей исторической наукой, чье основное внимание сосредоточено на изучении Русского государства, сложившегося вокруг Москвы. Между тем русское население Литовского княжества сохранило национальное самосознание, более того, сложившаяся в западных землях русская интеллектуальная культура в XVII веке окажет существенное влияние на развитие России.

В 1569 году Великое княжество Литовское и Польское королевство объединились в конфедеративное государство Речь Посполитая, после чего польское влияние в литовских и русских

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

землях значительно возросло. Возросла и активность католического духовенства. Начавшаяся в Европе Реформация заметно снизила уровень веротерпимости католиков. Помимо административного давления на православных (особенно усилившегося после объявления в 1596 году Брестской унии) католические миссионеры сосредоточили свое внимание на русской элите. Были созданы многочисленные учебные заведения для шляхты, находившиеся под контролем иезуитов и других католических орденов. Помимо первоклассного по тем временам образования они также исподволь склоняли молодое поколение русского дворянства и знати к принятию католичества.

Эта деятельность была настолько успешной, что к середине XVII века среди магнатов и князей польско-литовского государства не осталось ни одного православного. Надо отметить, что православные интеллектуалы пытались противостоять этому процессу, создавая русские учебные заведения, самым знаменитым из которых стала киевская академия Петра Могилы — единственное русское православное высшее учебное заведение. Отметим, что в России первое высшее учебное заведение (Славяно-греко-латинская академия) появится лишь полвека спустя.

Надо отметить, что отношения между двумя русскими мирами складывались не просто. В Российском государстве всех жителей Великого княжества Литовского без разбора именовали литвинами, а там в свою очередь подданных русского царя считали москвитами, москалями, но никак не русскими. Русскими обе стороны считали себя, что не мешало развитию торговых, культурных и интеллектуальных связей. И, несмотря на все предубеждения, обе стороны помнили о былом единстве.

Эта память порой превращалась в активные попытки объединить два русских мира в один. Несколько раз канди-

датуры русских царей выдвигались на выборах польского монарха. В свою очередь, в разгар Смутного времени польский королевич Владислав был избран на русский престол. Но ни одна из этих исторических альтернатив не была реализована. Процесс объединения начался в середине XVII века после восстания малороссийских казаков во главе с полковником Зиновием Богданом Хмельницким, а окончательно завершился в 1795 году после раздела Речи Посполитой и краха польской государственности.

Прошу прощения у читателя за столь длинный экскурс в прошлое, но без хотя бы краткого представления об истории западнорусских земель нам будет сложно разобраться в событиях 1812 года.

КОГДА КРЕПОСТИ ЕЩЕ НЕ БЫЛО

Но вернемся к истории собственно Бобруйска. Наиболее древние следы поселения обнаружены на правом, высоком берегу Березины, чуть выше впадения в нее речки Бобруйки, которая и дала название городу.

При великом князе Литовском Казимире Ягеллончике (правил в Литве с 1440 по 1492 год и был польским королем с 1477 по 1492 год) жители Бобруйска были обязаны содержать в порядке городские укрепления, нести дозорную службу против татар и поставлять стройматериалы для ремонта Киевской крепости (тут сыграло свою роль удобное расположение города на берегах полноводной Березины).

Начиная с конца XV века окраины Литовского государства, так же как и окраины России, подвергались опустошительным набегам крымских татар. Русские, польские и литовские дипло-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

маты стремились в буквальном смысле натравить хана на земли друг друга, чтобы, с одной стороны, ослабить соперника, а с другой — отвести угрозу от собственных земель. Централизация власти в русском государстве позволила создать эффективную систему защитных рубежей, защищающих русские города от набегов крымцев, в Литве же ситуация была много хуже. В 1502 году татары взяли Бобруйск, разграбили и сожгли город. На следующий год они снова явились с подобными целями, но тут им крупно не повезло — лихой и отважный князь Семен Михайлович Слуцкий наголову разгромил татарское войско, отнял добычу и освободил пленных.

В XVI веке на месте древнего городища построили высокий и крепкий замок, в котором находился постоянный гарнизон, хранился запас огнестрельного оружия и боеприпасов. Сам город был обнесен земляным валом, в котором были проделаны четверо ворот — Подольные, Свислочские, Киевские и Прудовые.

Однако основные бедствия городу причинили не внешние враги, а внутренние мятежи, сотрясавшие Речь Посполитую в XVII веке. В 1648 году город захватили казаки во главе с полковником Филоном Гаркушей. Город был взят без боя при поддержке местных крестьян, и в замке водворился казачий гарнизон во главе с неким Поддубским. Казаки и примкнувшие к ним крестьяне в течение четырех недель мужественно обороняли город от отрядов шляхты и королевских наемников. Однако далеко не все горожане были сторонниками новой власти. Некоторые из них мечтали о возвращении традиционного порядка. В январе 1649 года они открыли ворота войску князя Радзивилла, устроившего в городе резню и перебившего всех повстанцев.

Но на этом бедствия города не закончились. После вступления в войну России в начале 1655 года Хмельницкий послал в Белоруссию войско наказного гетмана Ивана Николаевича Золотаренко. Перед его двадцатитысячным войском город не устоял и был сожжен дотла, а гарнизон — полностью истреблен. Атаман доносил царю Алексею Михайловичу — *«Бобруйск и Королевскую слободу войска спалили, чтоб впредь не было при чом держатися врагам и недругам вашего царского величества»*.

От этого разорения город долго не мог оправиться. Восстановленные сразу после окончания войны, городские укрепления быстро пришли в упадок и в конце XVII века постепенно пришли в запустение. В краеведческой литературе приводится описание состояния замка в 1692 году: *«У въездной брамы уже не было “фортки”, а ворота великие, двоистые, старые опали. В башне “от костела” отсутствовала дверь, а глиняная обмазка “з исподу выбита”. Башни к тому времени “опали” и требовали ремонта, совершенно не упоминаются редуты»*.

В XVIII веке остатки замка и вовсе обратились в руины, а сам Бобруйск числился уже не городом, а местечком¹, в котором жило чуть более 2000 жителей.

Новую жизнь в него вдохнуло вхождение в 1792 году в состав Российской империи. Во-первых, Бобруйск перестал быть собственностью княжеского семейства Радзивиллов, а во-вторых, получил городской статус и собственный герб. С 1795 года Бобруйск — уездный город Минской губернии.

Герб Бобруйску был дарован Высочайшим указом государыни императрицы Екатерины II от 22 января 1796 года. Описание герба, сохранившегося в городе и по сию пору,

¹ Местечком в Речи Посполитой назывался населенный пункт с характерным для города торгово-ремесленным населением, но не имеющий официально городского статуса. Местечко не имело своего герба, городского самоуправления и привилегий, положенных городам (Магдебургского права).

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

гласит: *«В серебряном поле французского щита вертикальная корабельная мачта с двумя положенными крестом деревьями натурального цвета».*

Герольдмейстерская контора так пояснила выбор рисунка герба для возрожденного города:

«В сем округе находится довольно мачт годных деревьев, и промысел оными составляет не малую часть пользы тамошних жителей, которые сплавливают их по реке Березиной, для отправления к Рижскому порту, куда такие же деревья провожатся из Брянска и других мест; в сходство сему изображается изображается на середине серебряного поля, мачта и к ней приставленные два для мачт изготовленный дерева крестообразно ».

По свидетельству местных историков, новый герб очень понравился жителям города. Во-первых, он подчеркивал их новый, городской статус, а во-вторых, рисунок герба был прост и понятен новоявленным горожанам.

Помимо получения новой символики Бобруйску предстояло обрести новый облик, достойный уездного города Российской империи. Комиссия по строительству городов в Санкт-Петербурге в 1800 году разработала новый план города, и началась подготовка к работам. Однако этот план никогда не был реализован, потому что летом 1810 года государь император Александр I утвердил решение о строительстве в городе мощной крепости.

ПОЧЕМУ БОБРУЙСК, ИЛИ СЛОВО О ВОЕННЫХ ПЛАНАХ

В классическом труде русского военного инженера В.В. Яковлева «История крепостей» об основании Бобруйска говорится следующее:

«В период 1810—1812 гг., кроме существовавших тогда крепостей в Риге и Киеве (Печерская крепость), решено было усилить западную границу постройкой между этими двумя пунктами новых крепостей — Бобруйска и Динабурга и вспомогательной Борисовской укрепленной позиции между ними. Крепость Бобруйск должна была служить опорным пунктом в Полесье и плацдармом для сбора войск в случае войны России на западе».

На первый взгляд все предельно ясно, но если обратить внимание на некоторые аспекты, появятся вопросы, а если еще и посмотреть на географическую карту, то вопросов станет еще больше, и главный из них — почему для строительства крепости был избран именно Бобруйск?

Сначала скажем несколько слов о прикрытии границы крепостями. После образования Русского единого государства его власти уделили большое внимание укреплению западных рубежей — были построены мощные крепости в Можайске, Вязьме, Дорогобуже, Великих Луках, Ржеве и как главный опорный пункт — Смоленск, отвоеванный у Литвы в 1514 году. Его мощная крепость, построенная выдающимся русским зодчим Федором Конем, выдержала годичную осаду польской армии в 1609 году, а его потеря стала одной из самых тяжелых для России по итогам Смутного времени. На протяжении первой половины XVII века русские трижды пытались отвоевать город обратно, и лишь в 1654 году армия под командованием царя Алексея Михайловича добилась успеха.

Однако в XVIII веке укрепления Смоленска и других приграничных крепостей пришли в упадок и не восстанавливались. Русское правительство считало агонизирующую Речь Посполитую неопасным противником.

Но войны с революционной и наполеоновской Францией, в которых Россия с отдельными перерывами участвовала на-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

чиная с 1798 года, заставили задуматься об укреплении собственных границ. Особенно остро встал этот вопрос после того, как в 1807 году французская армия вышла к границам России. Тогда, после фридландского разгрома, царь вынужден был подписать в Тильзите мир с Бонапартом, который в обществе восприняли как позорный.

К 1810 году стало ясно, что не только союзные отношения, но и простое мирное сосуществование с Французской империей невозможно в принципе, обе стороны практически одновременно начали подготовку к новой войне. Тут-то и вспомнили о крепостях на западной границе, а вернее — об их полном отсутствии.

Упомянутые выше крепости в Киеве и Риге были построены еще в XVIII веке, но поддерживались в относительном порядке и могли быть быстро приведены в оборонительное состояние. Логичной выглядит и постройка крепости в Динабурге. Этот город (ныне — латвийский Даугавпилс, а до этого — русский Двинск) находится на Западной Двине в том месте, где через нее проходит прямая дорога на Псков и далее на Петербург. Если бы удалось укрепить эту позицию, то вместе со стоящей в устье все той же Двины Ригой русские войска получили бы мощный оборонительный рубеж, надежно прикрывающий дорогу к столице империи.

А вот выбор Бобруйска выглядит странным. Прямая дорога от западной границы к центру России вела через Вильно к Витебску и далее к Смоленску. Другой тракт проходил через Борисов на Оршу и опять же к Смоленску. Несколько южнее этой дороги располагался Могилев, бывший центр белорусского наместничества, связанный новыми трактами с Псковом (и через него — Петербургом) и Смоленском.

А Бобруйск? Бобруйск лежал в стороне от этих путей. Он был связан дорогами с Луцком и через Рогачев со Смоленском, но эти дороги не имели важного значения.

Получается, что вторгшаяся в Россию неприятельская армия могла и вовсе оставить Бобруйск в стороне. Точно так же крепость плохо подходила и для сосредоточения русских войск. Ведь для того чтобы использовать сосредоточенную в городе армию, нужны дороги, а их-то и не было.

Понятно, почему русское командование не рассматривало в качестве места для постройки крепости такие стратегически выгодно расположенные города, как Вильно, Ковно, Минск или Брест, — эти территории были присоединены к империи всего полтора десятка лет назад, и обладание ими казалось неустойчивым. Стремление строить крепость в Восточной Белоруссии было логичным и верным, но почему в Бобруйске? Ведь Витебск, Орша или Могилев подходили для этой цели куда лучше. Известно, что перед составлением проекта крепости русские инженеры провели рекогносцировку местности и первоначально планировали построить укрепления еще восточнее Бобруйска, в Рогачеве, но в итоге решили перенести позиции на берега более полноводной Березины.

Но в плане стратегического положения Рогачев и Бобруйск — одного поля ягоды: оба лежат в стороне от основных транспортных путей и никаких выгод на первый взгляд не несут.

И все-таки русские военные инженеры целенаправленно изучали именно этот район Белоруссии. Почему?

Попробуем посмотреть на проблему с другой стороны. Мы знаем, что в кампании 1812 года Бобруйск сыграл выдающуюся, если не ключевую роль, но вот потом крепость никак себя не проявила. Ни в годы Первой мировой войны, ни во

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

время советско-польского конфликта начала 20-х годов, ни во время Великой Отечественной войны Бобруйск не был центром притяжения сил или жарких боев.

Интересно также, что во второй половине XIX века русское военное руководство также утрачивает интерес к Бобруйской крепости. Она не проходит модернизацию, обращается в крепость-склад, а в 1897 году и вовсе упраздняется.

Что же получается? Получается, что Бобруйск был как бы специально построен для отражения наполеоновского нашествия, а потом перестал быть нужным.

А может, здесь и кроется ответ на загадку выбора места для крепости? Попробуем рассмотреть историю крепости в контексте военных планов русского командования в отношении войны с Наполеоном.

Военные планы России на кампанию 1812 года — один из малоизученных вопросов в нашей историографии. Поразительно, но хотя с момента наполеоновского нашествия прошло уже 200 лет, о стратегическом планировании написано до обидного мало. Более того, проблема слабо осознается историческим сообществом и не привлекает большого внимания специалистов.

В русской дореволюционной историографии этот вопрос по некоторым причинам не рассматривался подробно. О существовании отдельных планов упоминали, но не более того. Советские историки также не интересовались этим вопросом. Отсутствие полноценных и проработанных планов военных действий, по их мнению, указывало на некомпетентность царя Александра I и отсталость всей военной системы царизма. И те и другие историки в обязательном порядке ссылаются на существование плана Фуля, причем первые ограничивались лишь критикой его, а вторые — опять же усматривали проявление бездарности и некомпетентности царских генералов.

В постсоветское время эта тема наконец-то привлекла внимание специалистов. Знаковым событием стал выход в 2005 году книги московского историка Виктора Михайловича Безотосного «Разведка и планы сторон в 1812 году», в которой впервые в отечественной литературе был проведен подробный анализ русского военного планирования накануне и во время наполеоновского нашествия.

Что же установили историки? И Россия, и Франция начали подготовку к войне практически одновременно в 1810 году. Именно в это время начинается процесс сосредоточения войск и разработки военных планов. План французского императора был прост — его главной целью было уничтожение в одном или нескольких сражениях русской полевой армии, после чего предполагалось продиктовать Петербургу свою волю. Именно так Наполеон поступал с Австрией (в 1805 и 1809 годах), Пруссией (1806) и Россией (1807), которая была вынуждена пойти на «позорный» (по мнению русского общества) Тильзитский мир после сокрушительного поражения под Фридландом.

К этому времени русские генералы имели изрядный опыт войны с Наполеоном и очень хорошо представляли себе его стратегию. Высоко оценивали они и тактические навыки французского военного гения и прекрасно понимали, что без существенного численного превосходства разбить его армию в полевом сражении было практически невозможно. Но как раз превосходства в силах у русских и не было! Наполеон поставил под свои знамена все силы объединенной Францией Европы, так что стягиваемая им к границам России армия значительно превосходила те войска, которые империя могла выставить для защиты своих рубежей.

2 марта 1810 года на стол императора Александра I ложится докладная записка военного министра М.Б. Барклая де Тол-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

ли «О защите западных пределов России». В этом документе впервые был предложен так называемый оборонительный план ведения войны, который историки в последствие назовут «скифским». Суть его заключалась в том, чтобы, не вступая в сражения с французскими войсками, отступать, сдерживать противника арьберггардными боями, беспокоить его ударами партизан и мелких частей, оставлять перед ним «выжженную землю». Сбереечь армию и там, на дальнем от границы расстоянии, где силы сторон сравняются, дать сражение. В качестве конечного рубежа отступления рассматривалась Волга. Впрочем, в беседе с французским послом графом Коленкуром, император Александр выразил готовность «отступить хоть на Камчатку и есть картофель с последним из моих крестьян», но не подписать мира, угодного Бонапарту.

В 1810 году подобная тактика была применена против наполеоновских войск на другом краю Европы — в Португалии. Командующий объединенными англо-португальскими войсками в этой стране сэр Артур Уэлсли, более известный как герцог Веллингтон, отвел свои войска от границы на линию укреплений, построенных вокруг Лиссабона и прибрежной части страны. Отступая, армия увела с собой всех жителей, уничтожила посевы и запасы продовольствия. Французский корпус маршала Массены так и не решился на штурм британских позиций, понес большие потери от нехватки продовольствия и был вынужден бесславно убраться из Португалии.

В 1811 году близкий сотрудник Баркляя де Толли, начальник Секретной экспедиции Военного министерства (т. е. руководитель русской военной разведки) полковник Петр Чуйкевич, пишет на высочайшее имя докладную записку — прогноз о будущей войне. Впервые опубликованная В.М. Безотосным, она содержит поразительно точное предвидение предстоящих событий:

«Россия теперь должна вести война за целостность своих владений и собственную независимость. В готовящейся борьбе сей должна возлагать свою надежду на собственные свои силы и прибегнуть к средствам необыкновенным, кои обрящет в твердости своего государя и преданности ему народа, который должно вооружить и настроить, как в Гишпании, с помощью духовенства.

Оборонительная война есть мера необходимости для России. Главнейшее правило в войне такого рода состоит: предпринимать и делать совершенно противное тому, чего неприятель желает. Наполеон, имея все способы к начатию и продолжению наступательной войны, ищет генеральных баталий, нам должно избегать генеральных сражений до базиса наших продовольствий. Он часто предпринимает дела свои и движения наудачу и не жалеет людей, нам должно щадить их для важных случаев, соображать свои действия с осторожностью и оставаться на верном.

Сколь не сходственен с духом Российского народа предполагаемый образ войны, основанный на осторожности: но вспомнить надобно, что мы не имеем позади себя других готовых ополчений, а совершенное разбитие 1-й и 2-й Западных армий может навлечь пагубные для всего Отечества последствия.

Потеря нескольких областей не должна нас устрашать, ибо целостность государства состоит в целостности его армий. Фабий и Веллингтон, Маренго, Ульм, Иена и Ауэриштат — да будут вождю российских сил служить примерами и защитой от немислимых толков.

Обыкновенный образ нынешней войны Наполеону известе?1 совершенно и стоил всем народам весьма дорого. Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык, и успехи свои основывать на свойственной ему нетерпеливости от

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

продолжающейся войны, которая вовлечет его в ошибки, коими должно без упущения воспользоваться, и тогда оборонительную войну переменить в наступательную. Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фуражировки и решительность в продолжение всей войны — суть меры для Наполеона новые, для французов — утомительные и союзникам их нестерпимые. Быть может, что Россия в первую кампанию оставит Наполеону большие пространства земли, но, дав одно генеральное сражение с свежими и превосходными (в данном случае — в значении превосходящими. — А.М.) силами против его утомленных и уменьшающихся по мере вступления внутрь наших владений, можно будет вознаградить себя с избытком всю потерю. Неудачи Наполеона посреди наших владений будут сигналом к всеобщему возмущению народов в Германии и ожидающих сей минуты к избавлению своему от рабства, которое им несносно».

Читаешь эти строки и не веришь, что они написаны за год до вторжения, настолько точен прогноз русского разведчика и настолько полно была реализована предложенная им стратегия.

После обнародования этих документов вопрос о русском военном планировании можно было бы закрыть, описав красивую и логичную схему — государь назначает Барклая де Толли военным министром, тот выдвигает план оборонительной войны, и по этому плану русские войска блестяще выигрывают кампанию 1812 года.

Очень красивая схема, в одном беда — она никогда не существовала в реальности. Помимо плана, предложенного Барклаем, существовали и другие, всего более сорока (!!!) проектов, поданные российскими генералами на высочайшее имя. И не

один из них не был утвержден императором. И оперативный план для армий не был разработан. И в начале войны приказы готовились исходя из текущей обстановки, а не по заранее продуманному плану.

Идея отступления в глубь страны, оставление противнику значительных территорий, естественно, не могла не вызывать негативной реакции как в обществе, так и среди генералитета. И среди представленных государю планов были и планы наступательной войны (например, план князя Петра Багратиона). В основе этих планов лежали не только военные, но и моральные аспекты. На протяжении 100 лет (с момента разгрома шведского короля Карла XII под Полтавой) русская армия не допускала врага в пределы своей страны. Отступить перед неприятелем, не приняв боя, допустить врага в Россию многим офицерам и генералам казалось невозможным. Эта позиция подкреплялась не только чувством чести, но и вполне рациональными соображениями о состоянии духа солдат. Князь Багратион отмечал в своей записке государю, что «русский солдат не любит отступать» и «оборонительная война характеру нашего народа не соответствует».

Вот и получалось, что перед государем стоял выбор между двумя стратегиями — ценой гибели армии спасти Россию от вторжения или ценой отдачи территорий спасти и армию и Россию. Вторая стратегия была единственной, дававшей шансы на победу, но при этом содержала в себе значительные, говоря современным языком, «политические риски». Император знал, что в кругах высшей аристократии зреет недовольство проводимыми им преобразованиями внутри страны, не все одобряли его внешнюю политику, недовольство вызвал Тильзитский мир, который считался позорным. Назначение на пост военного министра Барклая де Толли вызвало недовольство в

среде генералитета. А один из наиболее популярных в армии генералов князь Петр Иванович Багратион был тесно связан с кружком фрондирующих придворных во главе с сестрой царя великой княжной Екатериной Павловной.

А еще Александр I никогда не забывал о событиях в ночь на 11 марта 1801 года, когда в Михайловском замке был убит его отец, император Павел Петрович. И потому был очень осторожен. И в связи с этим предложенный Барклаем де Толли оборонительный план ведения войны не был утвержден на бумаге даже с грифом «секретно», ведь даже с секретным планом пришлось бы ознакомить генералитет. Скорее всего, Александр I утвердил предложенную военным министром стратегию оборонительной войны устным распоряжением. И потому о готовящемся отступлении знали лишь немногие.

Теперь становится понятным и рождение знаменитого плана генерала Фуля. Генерал Фуль был военным советником Александра I, преподавал государю основы военной науки и хорошо знал теорию военного дела. Его план предусматривал строительство в районе Дриссы укрепленного лагеря, который после отступления от границы должна была занять 1-я Западная армия. Опираясь на эту позицию, она должна была сковать главные силы противника, в то время как 2-я Западная армия должна была поражать супостата во фланг и тыл. Как мы видим, этот план представлял собой некий компромисс между идеями сторонников отступления и сторонников превентивного удара.

План этот был подвергнут уничтожающей критике еще летом 1812 года, а потом и всеми последующими историками, как совершенно нереалистичный. Однако В.М. Безотосный обратил внимание на одно важное обстоятельство, которое отчасти спасает профессиональную репутацию генерала Фуля, —

он составлял свой проект, не имея не только данных об армии противника (добытых русской разведкой), но и сведений о составе и численности русских армий. Иными словами, Фуль прожектировал в условиях информационного вакуума, и при таких условиях его план мог пригодиться только для одного — для дезинформации противника.

Для того чтобы дезинформация была более убедительной, у Дриссы в самом деле начали строительство укрепленного лагеря, о чем многочисленные агенты французов не замедлили донести своему императору.

В качестве дезинформации план Фуля решал сразу несколько задач: во-первых, Наполеон, прекрасно видя его недостатки, мог рассчитывать на окружение 1-й Западной армии в Дрисском лагере и, соответственно, дать ей спокойно отступить от границы; во-вторых, русские генералы относительно спокойно восприняли приказы об отступлении (впрочем, князь Багратион и тут предложил безумно смелый план наступления на Варшаву силами 2-й и 3-й Западных армий). И наконец, в-третьих, он приковывал внимание французской разведки к Дрисскому лагерю, отвлекая его от других военных приготовлений русских, в том числе и от строящегося Бобруйска.

План оборонительной войны Барклая де Толли, предусматривавший отступление в глубину русской территории, и объясняет выбор места для строительства Бобруйской крепости. По этому плану 1-я Западная армия должна была отступать по главной дороге, а на 2-ю Западную возлагалась сложнейшая задача отвлечения на себя крупных неприятельских сил и действия во фланг главным силам агрессора в помощь 1-й армии. Задача сложнейшая, которую мог выполнить только лучший тактик русской армии генерал от инфантерии князь Петр Иванович Багратион.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

А усилить позицию его армии, дать ей тыловую оперативную базу, возможность беспрепятственно переправиться через полноводную Березину и должна была Бобруйская крепость, план строительства которой утвердил государь император 20 июня 1810 года.

РОЖДЕНИЕ ТВЕРДЫНИ

Автором проекта крепости был талантливый инженер Карл Иванович Опперман. По его плану укрепления состояли из трех бастионных фронтов (западный, северный и южный), каждый из которых состоял из двух полигонов и седьмого, приречного полигона. Напротив крепости, на правом берегу Березины, должен был располагаться тет-де-пон (предмостное укрепление) в виде редюита. Руины старого замка по проекту сносились окончательно, здания бывшего иезуитского монастыря перестраивались в арсенал и цейхгауз, жители города выселялись за пределы крепостных сооружений в новые кварталы, получившие название Минского и Слуцкого форштадтов.

В отдельных краеведческих статьях можно встретить упоминание, что земляные работы в Бобруйске начались еще в 1807 году, а в 1810-м государь лишь утвердил то, что было сделано. Скорее всего, земляные работы в городе действительно велись, но связаны они были не со строительством крепости, а реализацией плана уездного города Бобруйска от 1800 года. После принятия решения о строительстве крепости эти работы были свернуты.

Выселяемым на новые места жителям предоставлялась компенсация за покинутые дома и оказывалось содействие в постройке новых. Впрочем, появление многочисленного рус-

ского гарнизона загрузило работой местных ремесленников и купцов, так что жаловаться им не приходилось.

Начальником строительства был назначен опытный инженер генерал-майор Ефим фон Фелькерзарм¹, командующим войсками при строительстве — генерал-майор Гавриил Алексеевич Игнатьев.

В качестве рабочей силы при земляных работах использовали крестьян Минской, Черниговской и Могилевской губерний. Сбор крестьян на строительство осуществлялся в рамках несения ими государственных повинностей, причем к работам привлекались как государственные, так и помещичьи крестьяне. Помещику или старосте (если крестьяне были государственные) присылали разнарядку с требующимся числом рабочих, а тот уж по своему усмотрению направлял их к месту работ. Оставшиеся крестьяне должны были снабдить уходивших провиантом и одеждой. Руководители работ, как правило, старались изыскать средства, чтобы улучшить питание и стимулировать хорошую работу крестьян. Поэтому отношение крестьян к таким стройкам очень сильно зависело от личности конкретного руководителя: на иные стройки народ стремился, с иных — разбегался, несмотря на угрозу административного взыскания.

Как было в Бобруйске — сказать сложно. С одной стороны, польские помещики не горели желанием помогать возведению русской твердыни, с другой — высокие темпы работ говорят о том, что руководство строительства сумело найти общий язык с рабочими.

¹ Его внук, контр-адмирал Дмитрий Густавович фон Фелькерзарм, в 1904 году примет в командование 2-й броненосный отряд Второй эскадры Тихого океана. Будучи тяжело больным, он сумеет провести свои корабли через два океана к берегам Японии и умрет всего за несколько дней до Цусимского сражения.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Помимо крестьян крепость строили и солдаты. Первоначально на ее строительство было отряжено 12 батальонов из резервных войск генерала Милорадовича. Самыми квалифицированными кадрами были 3 пионерные роты 2-го пионерного полка¹. Всего для строительства крепости было привлечено 3600 военнослужащих.

В первую очередь были построены два кирпичных завода, продукция которых использовалась при сооружении крепостных укреплений. В краеведческой литературе отмечается, что на этих заводах изготовлялся кирпич очень высокого качества, особо крепкий. В кирпич, особенно в тот, который шел на военные объекты, по свидетельству старожилов, добавляли толченые речные раковины, яйца и скорлупу от них. При возведении стен бастионов, фортов, казарм, иных сооружений в раствор подмешивали отходы, которые оставались от производства льняного масла. По причине того, что не хватало транспорта, кирпич с завода передавали руками, «живая» цепь тянулась на сотни метров.

Осенью военный министр приказал оставить на зимние работы в крепости лишь резервные батальоны Ярославского мушкетерского и 5-го егерского полков, а также пионеров. При этом, чтобы снизить число заболевших, для всех работающих зимой частей были приобретены полушубки, теплые чулки и коты.

Зимой те, кто оставался в крепости, занимались заготовкой леса и сооружением временных деревянных пороховых

¹ Пионерные полки и пионерные батальоны - так в русской армии того времени назывались соединения инженерных войск. Второй пионерный полк был сформирован в 1803 году и состоял из трех батальонов, каждый из которых включал в себя три пионерные и одну минерную роту. Батальоны и роты полка придавались различным соединениям, в которых выполняли функции военных инженеров, В1812 году в гарнизоне Бобруйской крепости находились пионерная рота майора Берха и минерная рота капитана Грессера.

складов. Для этих целей была даже создана специальная слесарная команда (около 150 человек), рубили и возили лес еще 400 солдат с подводами.

Условия на строительстве Бобруйской крепости были достаточно тяжелыми, город перестраивался одновременно с укреплениями, поэтому не было возможности разместить солдат на постой в обывательские дома. Летом войска обходились привычными шалашами и лабазами, к зимнему времени отрыли землянки. За первый год строительных работ умерло 68 нижних чинов. В декабре скончался подорвавший свое здоровье на зимних работах инженер-генерал-майор Ефим фон Фелькерзарм. В должности начальника строительства его сменил инженер-полковник Федоров.

Ведение работ в зимнее время было мерой вынужденной, свидетельствующей о спешке, о желании во что бы то ни стало построить крепость как можно скорее. В марте 1811 года к строителям крепости присоединились еще 14 батальонов (10 запасных¹ и 4 действующих).

К лету 1811 года основная ограда крепости была закончена. 14 июля Бобруйск получил статус крепости первого класса, но интенсивные работы продолжались. В августе перед бастионными фронтами начали сооружать передовые укрепления — люнеты. Часть рвов получила каменную одежду, были построены каменный ворота (Слущкие, Минские и Водяные),

¹В начале XIX века пехотные и егерские полки русской армии состояли из трех батальонов, два из которых были действующими, а третий назывался запасным, или резервным, и служил для обучения рекрут. Как правило, он располагался отдельно от полка и переводил в основной состав уже подготовленных солдат. На местах дислокации запасные батальоны сводились во временные пехотные дивизии. Во время войны 1812 года некоторые из этих дивизий приняли участие в боевых действиях. Не имели запасных батальонов только гренадерские и гвардейские полки, которые комплектовались путем перевода отличившихся солдат из полков армейской пехоты.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

пороховой погреб и провиантские магазины (так в терминологии XIX века именовались склады). Гарнизон разместился в деревянных блокгаузах, прикрытых землей.

Из Риги, Нарвы, Ревеля и Санкт-Петербурга доставили 344 орудия. Артиллерия крепости включала в себя 24, 18, 12 и 6-фунтовые чугунные пушки на крепостных лафетах, 12-, 6- и 3-фунтовые бронзовые полевые пушки на полевых лафетах для вылазочных батарей, тяжелые мортиры и 50 единорогов.

Источники поступления артиллерии показывают, какое значение придавало русское командование приведению Бобруйска в боеготовое состояние. Пушки поступали не с заводов, а из прибалтийских крепостей, причем часть артиллерии забрали из Рижской крепости, которая сама готовилась к боевым действиям. Часть артиллерии передали из упраздненных Шлиссельбургской и Кексгольмской крепостей.

Гарнизон составили запасные батальоны 24-й и 26-й пехотных дивизий, минский и могилевский внутренние гарнизонные батальоны и две роты 2-го пионерного полка. Командование всеми войсками, размещенными в крепости и ее окрестностях, по-прежнему возлагалось на генерал-майора Игнатьева. В грядущих событиях он сыграет одну из важнейших ролей, а потому присмотримся к этому человеку подробнее.

Биографическая справка.

Гавриил Алексеевич Игнатьев

Неприметный герой

Древний род Игнатьевых ведет свое происхождение от боярина Федора Бяконта, что в начале XIV века выехал из Черниговской земли в Москву и поступил на службу к Ивану Калите. Его внук и носил имя Игнатия, а его потомки прозывались по отцу Игнатьевыми. Род был очень многочисленный,

быстро разделился на несколько ветвей, которые порой теряли связь друг с другом.

Как и большинство старинных родов, Игнатьевы верой и правдой служили России на ратном поле. В справочнике «Генералы и адмиралы Российского флота» упомянуты 25 (!!!) носителей этой фамилии. Двадцать два раза Игнатьевы награждались орденом Святого Георгия Победоносца — наиболее почетной военной наградой Российской империи.

Гавриил Алексеевич Игнатьев родился в Санкт-Петербурге в 1768 году¹ в семье надворного советника. Он принадлежал к незнатной ветви рода Игнатьевых, и в родстве с будущими графами не состоял. В 1782 году, 14 лет от роду, он приступил к занятиям в Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе, одном из немногих специализированных военно-учебных заведений в России в то время. Если молодые дворяне, поступавшие в пехоту или кавалерию, изучали военное дело лишь на практике, то артиллеристы и инженеры русской армии получали весьма качественное образование. Кадеты изучали историю, географию, математику, механику, аэрометрию, архитектуру и фортификацию, физику и некоторые начала химии, включая металловедение, черчение, топографию и т. д.

Начальником корпуса в то время был генерал Михаил Иванович Мордвинов, вся жизнь которого была связана с этим учебным заведением. Он уделял большое внимание и собственно учебному процессу и тому, как кадеты закрепляли полученные знания на практике. На Выборгской стороне был оборудован специальный полигон, на котором будущие артиллеристы и инженеры учились стрелять из орудий, строить

¹В некоторых источниках годом рождения назван 1760-й.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

укрепления, осадные сооружения, закладывать и взрывать мины.

Четкого деления на артиллерийскую и инженерную специальности в то время не существовало. Программы обучения были примерно схожи, а распределение при выпуске зависело от склонностей кадет и наличия вакансий в армии.

Гавриил Алексеевич окончил корпус в 1785 году и в чине прапорщика был выпущен в Инженерный корпус. Первое назначение — тоже связано с инженерной специальностью — строительство Северо-Екатерининского канала — водного пути, который должен был обеспечить доставку по воде сибирских товаров в Архангельский порт.

Однако через два года начавшаяся в 1787 году очередная русско-турецкая война заставила молодого инженера покинуть суровые пермские края и отправиться под жаркое солнце Новороссии. В 1790 году прапорщик Игнатьев участвует в осаде крепости Килия, в 1791 году отличается при штурме Измаила, за что награждается офицерским наградным крестом за Измаил и производится в следующий чин — подпоручика.

В 1793 году отличившийся в боях офицер принимает участие в русском посольстве в Константинополе, а потом в войне с польскими конфедератами. В каком качестве — инженера или артиллериста, — мы не знаем.

Зато дальше определенность появляется — в 1797 году произведенный в майоры Игнатьев принимает участие в формировании нового вида войск — конной артиллерии. В отличие от обычной, конная артиллерия имела усиленные орудийные запряжки, что обеспечивало высокую скорость передвижения орудий. Чины расчетов были также посажены на коней и обучены верховой езде на уровне кавалеристов (в пешей артиллерии расчеты передвигались пешком). В бою конная артиллерия

должна была поддерживать конницу или служить мобильным огневым резервом, позволяющим быстро развернуть орудия на угрожаемом участке.

В 1798 году Гавриил Игнатьев уже подполковник и командир конноартиллерийской роты, а в 1799 году принимает участие в Итальянском походе Суворова. За отличие в этой кампании досрочно произведен в полковники.

В новой войне с французами, в 1805 году, полковник Игнатьев участвует в сражениях при Эмсе, Амштеттене, Кремсе и Аустерлице. В 1807 году отличается в бою под Остроленкой, за который награжден орденом Святой Анны 2-й степени. В 1808 году произведен в генерал-майоры и назначен командовать 10-й артиллерийской бригадой, входившей в состав 10-й пехотной дивизии.

Осенью того же года удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. Но эта награда была вручена не за конкретный подвиг на поле боя, а за 25 лет военной службы в действующей армии. Статут ордена предусматривал такое награждение, поскольку *«не всегда всякому верному сыну отечества такие открываются случаи, где его ревность и храбрость блистать может»*.

В 1810 году генерал Игнатьев назначен командовать войсками, предназначенными для строительства Бобруйской крепости. Военное руководство учло и инженерное образование генерала, и проявленные в боях усердие и распорядительность и не прогадало.

В этой должности Гавриила Алексеевича и застала война. Деятельность генерала в грозу двенадцатого года будет подробно рассмотрена чуть ниже. Отметим лишь, что за успешную оборону Бобруйска он удостоился письменной благодарности фельдмаршала Кутузова и ордена Святого Владимира

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

2-й степени. До 1815 года Игнатъев занимает должность минского военного губернатора, поэтому в войнах с наполеоновской армией в Европе он уже не участвовал.

После войны генерал командовал артиллерией 2-го и 6-го пехотных корпусов, после воцарения Николая I генерал-лейтенант Игнатъев — начальник артиллерийского департамента военного ведомства, за отличное управление департаментом в ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 годов произведен в генералы от артиллерии, а с 1833-м стал членом Генерал-аудиториата — высшего военного суда Российской империи.

Скончался бывший руководитель обороны Бобруйска в 1852 году, на 82 (!!!) году жизни. Похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, где его могила, по сведениям местных краеведов, утрачена в советское время.

Удивительно, но портрета Гавриила Алексеевича Игнатъева мы не найдем в знаменитой Военной галерее Зимнего дворца. Как известно, условием размещения портрета в галерее было *«участие в боевых действиях против французов в кампаниях 1812, 1813 и 1814 годов, состоя в генеральском чине, или производство в генералы вскоре после окончания войны за отличия, оказанные в боях»*. Однако далеко не все генералы, соответствующие этому условию, оказались помещенными в галерею. Историки установили, что всего под условия попадали 550 генералов, но в дворцовых залах мы видим лишь 329 портретов. Списки генералов готовились в Главном штабе и представлялись на личное утверждение императору. А тот иногда вычеркивал одну-две фамилии, иногда с указанием мотивировки — «под следствием», «перешел на иностранную службу», но чаще — «Государь не соизволил на помещение в галерею». Почему такое решение было принято в отношении генерала Игнатъева — сказать сложно.

Памятника Гавриилу Алексеевичу Игнатьеву, отдавшему 65 лет военной службе на благо России, в нашей стране нет. Но в 2008 году Бобруйский горисполком принял решение о присвоении одной из улиц города, проложенных на месте крепостных укреплений, имени первого военного губернатора города. И сейчас на городской карте мы можем увидеть улицу Генерала Игнатьева.

ЛОВУШКА, КОТОРАЯ НЕ ЗАХЛОПНУЛАСЬ

С весны 1812 года напряжение на западных рубежах Российской империи постоянно возрастало. Наполеон сосредоточил более полумиллиона солдат и готовился к вторжению. 11 июня (23-го по новому стилю) разъезд казачьего полка обнаружил переправляющихся через Неман французских вольтижеров.

— Кто идет?

— Франция!

— Какого черта вам здесь нужно? — спросил по-французски казачий офицер.

В ответ вольтижеры подняли ружья. Так началось вторжение Великой армии в российские пределы.

Главные силы французов были сконцентрированы против 1-й Западной армии. 2-ю же армию Наполеон решил поймать в ловушку. С севера против нее действовал 1-й армейский корпус Великой армии под командованием лучшего маршала французской империи — Луи Николя Даву, с запада ее неотступно преследовал 8-й армейский корпус под командованием брата императора вестфальского короля Жерома (Иеронима) Бонапарта. Войска Даву перешли Неман одновременно с главными силами, а корпус Жерома задержался, чтобы как

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

можно дольше задержать у границы войска 2-й армии, развернутые на приграничных позициях. В этих условиях князь Багратион предложил смелый, граничащий с авантюризмом план наступления вверенной ему армии в направлении Варшавы. Расстояние от главной квартиры 2-й армии до польской столицы и до Минска было примерно одинаковым, встречного удара французы не ждали, да и Жером Бонапарт как полководец был не парой Багратиону. Предложенный план сочетал в себе некоторую долю авантюризма, стремление сломать логику действий противника и «погибнуть с честью, но не пустить врага на русскую землю». Вероятность успеха 2-й армии была невысокой, но и в этом случае шансов уцелеть у нее было крайне мало. Поэтому командование предпочло не рисковать и оставить приказ на отступление в силе. Впрочем, «не рисковать» в данном случае означало лишь несколько уменьшить степень риска. Ведь в соответствии с замыслами Александра I и Барклай войска князя Багратиона отвлекли на себя значительные силы противника. От 2-й армии требовалось, во-первых, не дать себя разгромить, а во-вторых, содействовать 1-й Западной армии, беспокоя неприятеля во фланг. Задача очень сложная, почти на грани возможного.

Пытаясь выполнить эту задачу, армия Багратиона предприняла попытку занять Минск, но «железный маршал» Даву опередил русских буквально на сутки. Путь на соединение с 1-й Западной армией был отрезан. И тут князь Багратион совершает маневр, сбивший толку и французов, и русское командование. Вместо атаки Минска он разворачивает армию в противоположную сторону и движется к Бобруйску. Французы уверены, что армия обречена — их войска вышли к Березине раньше, в районе Свислочи, и должны были помешать переправе. Однако, к своему удивлению, командовавший кавалерией

корпуса Даву генерал Пажоль узнал, что там, где еще два года назад был открытый город, ныне располагает готовая к бою крепость. Удивительно, но, зная от своих польских агентов о работах в районе Бобруйска, французская разведка не придавала им особого значения. Ее внимание было сконцентрировано на Дрисском укрепленном лагере, а работы в Бобруйске были сочтены малозначимыми.

Теперь же выяснилось, что в тщательно расставленной французами ловушке есть дыра, и даже не дыра, а бронированная дверь, открытая для армии Багратиона и наглухо запертая для его преследователей.

Автор первой официальной истории войны 1812 года генерал Михайловский-Данилевский писал на страницах своего труда:

«Удачный выбор места, где выстроен Бобруйск, оказал в Отечественную войну величайшую, неоцененную услугу. Ни одна крепость в России никогда не была столь полезной, как Бобруйск в 1812 году. Не будь там крепости, Князю Багратиону невозможно б было прежде исхода августа соединиться с 1-й армией, а тогда она была уже в окрестностях Москвы. Переправа через Березину сделалась бы совершенно недоступной, ибо когда Князь Багратион находился еще в Слуцке, Пажоль уже был в Свислоче и мог по устроенному им в Острове мосту перейти на левую сторону реки, уничтожить гати и плотины на болотных берегах Березины и затруднить нашим войскам наведение мостов. Князю Багратиону, не имевшему с собой понтонов, довелось бы идти на Речицу и Лоев, там переправляться через Днепр и большим обходом искать соединения с 1-й армией или вовсе от него отказаться. Пинскими болотами примкнуть к Тормасову и 1-й армии предоставить одной бороться с Наполеоном».

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Но сила Бобруйской крепости заключалась не только в мощности его укреплений, но и в деятельности его гарнизона. В самом начале кампании русское командование о Бобруйске попросту... забыло! Не получая никаких распоряжений, генерал-майор Игнатьев самостоятельно объявил себя бобруйским военным губернатором и заставил окрестные государственные и военные власти выполнять свои распоряжения. Игнатьев предписал исправникам игуменскому, борисовскому и бобруйскому спустить тотчас до Бобруйска все суда, шедшие по Березине к Борису, порожние и с грузом (тем самым французы были лишены возможности использовать их для наведения мостов и транспортировки грузов). Из отставших всадников и проходивших через Бобруйск конвоем был сформирован конный отряд в 140 казаков, что позволило крепости вести разведку. Солдаты и пионерной роты спешно прошли обучение артиллерийскому делу и при необходимости могли встать к крепостным орудиями. В крепостные магазины было сведено большое количество продовольствия. 30 июня генерал Игнатьев доносил начальнику инженерного департамента военного ведомства генералу Карлу Опперману «Теперь с помощью Божией я могу принять неприятеля».

Получив известия о движении армии князя Багратиона от Несвижа к Бобруйску, Игнатьев распорядился доставить в Слуцк продовольствие и фураж для отступающих войск, а на все почтовые станции между Слуцком и Бобруйском выставить по 600 подвод. Эти меры, предпринятые губернатором крепости по собственной инициативе, предвосхитили последовавшие приказы князя Багратиона, а уставшим войскам его армии значительно облегчили марш.

3 июля части 2-й Западной армии начали прибывать в Бобруйск. Впервые с момента начала боевых действий ее солдаты

и офицеры могли отдохнуть от изнурительных форсированных маршей, перевести дух. Армия пополнила свои запасы продовольствия из крепостных магазинов и включила в свой состав запасные батальоны, располагавшиеся в Бобруйске. В крепости были оставлены больные и раненые, вместе с которыми численность ее гарнизона составила около 4000 человек.

Дав короткий отдых своей армии в Бобруйске, князь Багратион двинулся на Могилев, стремясь опередить Даву и не дать ему занять этот город, который долгое время был административным центром присоединенных к России территорий Речи Посполитой.

Но «железный маршал» снова сумел опередить нашу армию. Его авангард подошел к Могилеву на сутки раньше — 7 июля. В отличие от многих городов этого края, жители которых радостно приветствовали французов как освободителей от русской оккупации, Могилев, уже 40 лет проживший в составе Российской империи, без боя не сдался. В местной краеведческой литературе сохранил рассказ о подвиге защитников города:

«7 июля французский авангард по Виленскому тракту подошел к городу и остановился на ночлег в селе Княжицы. По распоряжению губернатора Толстого могилевский полицмейстер Литвинов с 30 рядовыми внутреннего батальона выступил к местечку Княжицы и напал на аванпосты французов.

Утром 8 июля солдаты гарнизонного батальона и отряда А.И. Грессера на Виленском поле подпустили наступающих французов на расстояние 200 шагов и дали дружный залп из ружей. До 7 вражеских солдат было убито, а остальные егеря быстро отступили к лесу, ожидая подхода своей пехоты. В отличие от других городов Беларуси Могилев встретил французов не торжествами, а сопротивлением батальона охраны города.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Прозвучавшие выстрелы заставили французское войско построиться в боевой порядок и начать организованное наступление. В боевом строю они вышли из леса и при поддержке артиллерийской роты, стреляя на ходу, направились к Виленской бреме. Гарнизонная охрана города понесла потери. Стремительным натиском французы сбили с позиций защитников Могилева. Отстреливаясь от наседавшего противника, стражники начали поспешно отступать.

Оставшиеся на месте караульные солдаты у Шкловской браны и провиантского магазина возле Быховской заставы были убиты. Офицер, командовавший караулом у въезда со стороны Шклова, получил предложение сдаться, но отказался и вместе с подчиненными погиб.

Осторожно вступив в город, французы рассыпались по улицам, стреляя из ружей в отступавших солдат гарнизона. Перебив караул у Днепровского моста, а нескольких раненых русских солдат столкнув в реку, французы захватили мост.

Горожане, высшие чиновники, в том числе губернатор Толстой, вице-губернатор Юсупов и другие, оставили город, причем губернатору пришлось уходить от погони французской кавалерии пешком. Д.А. Толстой пребывал в Могилеве до последней возможности и не успел вывезти даже своего сына, который остался под чужим именем в городе у священника».

За мужественную защиту своего города солдатам Могилевской внутренней стражи было объявлено Высочайшее Благоволение.

Узнав о захвате войсками Даву Могилева, князь Багратион предпринял попытку отбить город и двинулся к нему со своей армией от Быхова, имея в авангарде казачий корпус генерала от кавалерии Платова и 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Раевского. Удар на Могилев имел целью не только отбить го-

род, но и оказать помощь 1-й Западной армии, которая в это время готовилась к сражению с главными силами французов у Витебска.

Сражение продолжалось с большим упорством весь день. Французы, развернув многочисленные силы, смогли отбить упорные атаки корпуса Раевского, а князь Багратион, оценив численность неприятеля и получив известия об отходе армии Барклая де Толли от Витебска, решил на следующий день не возобновлять сражения. Его армия переправилась через Днепр и начала марш к Смоленску.

Существовала опасность, что корпус Даву может опередить обе русские армии и первым занять этот город, истребить продовольственные и военные склады, чем серьезно затруднить положение русских. Однако «железный маршал», что называется, «забуксовал». Оценив натиск солдат Раевского в бою под Салтановкой, он решил дожидаться удара русских в Могилеве, и его солдаты принялись строить вокруг города защитные сооружения. Лишь через четыре дня маршал осознал свою ошибку и бросился к Смоленску. Но было уже поздно. 1-я и 2-я Западные армии, избежав окружения и разгрома, встретились под стенами Смоленска. Впереди их ждало Бородинское поле.

В ОСАДЕ, ИЛИ РУССКИЙ ФОРПОСТ В «ВЕЛИКОЙ ЛИТВЕ»

Не прошло и трех дней после ухода армии князя Багратиона, как иод стенами Бобруйской крепости появились французские кавалеристы из корпуса генерала Латур-Мобура. Во времена Наполеоновских войн случалось всякое. Например, в 1806 году мощная прусская крепость Штеттин капиту-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

лировала при появлении под ее стенами отряда французского генерала Лассалья, состоявшего из трех гусарских полков и не имевшего при себе ни единой пушки.

Однако гарнизон Бобруйска был сделан из другого теста и капитулировать не собирался. Вскоре французы заменили кавалерию польской пехотной дивизией генерала Яна Генрика Домбровского.

В середине дня 29 августа этот генерал под охраной нескольких батальонов провел свою первую (и последнюю) обсервацию Бобруйской крепости. Увиденное не радовало. Укрепления на всем протяжении (более 3 километров) выглядели неприступными. Крепостные валы были 8—10 метров высоты, перед валами были глубокие рвы, а перед рвами, как докладывали осведомители, — «волчьи пасти» (глубокие, замаскированные сверху ямы). Против более чем трех сотен крепостных орудий наполеоновский генерал мог выставить только два десятка полевых пушек. В крепости заметили кавалькаду в блестящих мундирах. Грохнул выстрел единорога, и пролетевшая граната взорвалась в нескольких саженях от Домбровского и сопровождавшего его офицера. В рапорте, написанном генералом после этой разведки, говорилось: *«... не желая компрометировать интересы Императора, штурмовать не решаюсь»*.

Оценив мощь крепостных укреплений, французский командующий решил ограничиться блокадой крепости, разместив свои войска в населенных пунктах, располагавшихся на основных дорогах к городу.

Войска генерала Домбровского в работах современных белорусских и российских историков называют то дивизией, то корпусом, Наиболее адекватным был бы русский военный термин «отряд» в том значении, в котором его употребляли в

XIX веке, — группа войск, собранная для решения конкретной задачи или пребывания в отдельной местности, составленная из разных частей и соединений.

Основу отряда составляла польская дивизия из корпуса генерала Юзефа Понятовского (5-й армейский (Польский) корпус Великой армии), к которой были присоединены несколько кавалерийских польских полков (уланских)¹, два маршевых полка французской пехоты (т. е. временные образования из резервистов, рекрут, выздоравливающих солдат, которые догоняли свои части), сборная артиллерийская батарея и другие части.

Взятие крепости имело не только военное, но и политическое значение. Дело в том, что вскоре после вступления в Вильно, 1 июля 1812 года, Наполеон торжественно провозгласил восстановление Великого княжества Литовского — полугосударства под протекторатом Французской империи. На местном уровне снова вводилось законодательство Речи Посполитой, отменялись российские законы, в том числе и решения, принятые в период с 1796 по 1812 год. Вопросы же государственного управления откладывались на потом, «до после победы». Кстати, для победы княжеству надлежало потрудиться незамедлительно — к октябрю император потребовал сформировать четыре кавалерийских (уланы) и два пехотных полка. Следить за выполнением этого решения должна была Временная литовская комиссия во главе с французским губернатором Вильно генералом Дирком Ван Гогендорпом.

¹ Надо также учитывать, что большая часть польских уланских полков не была регулярными частями в принятом тогда значении. Они были сформированы из добровольцев и по боевым качествам соответствовали нашим казакам.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Понимая, что четыре полка улан не защитят Литву, если Наполеон все-таки потерпит неудачу, дворяне формировали и другие вооруженные отряды.

Воссоздание марионеточной литовской государственности было действием, очень характерным для политики Наполеона. Он не восстановил Речь Посполитую как полноценное государство, с которым пришлось бы в какой-то мере считаться, но даровал полякам и литовцам иллюзию государственности (Герцогство Варшавское и Великое княжество Литовское), чем привлек их на свою сторону, получив не только поддержку населения и спокойный тыл, но и воинские контингенты. Минская губерния, в состав которой входил и Бобруйский уезд, также была включена в новое государство.

Таким образом, Бобруйская крепость оставался единственным местом в новоявленном государстве, где сохранялась русская власть. И ее командование не забывало напоминать жителям об этом. Генерал Игнатьев, которого князь Багратион, пользуясь полномочиями главнокомандующего 2-й Западной армией, утвердил в должности военного губернатора Бобруйска, издал специальную декларацию, в которой напоминал жителям уезда о том, чем грозит им сотрудничество с неприятелем:

«1. Поелику неприятельские войска удалились из здешних стран и нового нашествия их не предвидится, то всем помещикам, владельцам, крестьянам и евреям тотчас по получении сего, возвратиться в свои дома. Данной мне властью заверяю, что от состоящих под начальством моим войск никому ни малейшей обиды и притеснения не будет.

2. Всем гражданским и дворянским чиновникам, равно служащим по выборам мещанам и евреям немедленно возвратиться к своим местам к исправлению их должностей.

3. Строго предписывается помещикам, владельцам, арендаторам и экономам по всем нарядам и предписаниям Бобруйского Присутствия для военных повинностей и Нижнего Земского Суда делать точное и скорое исполнение, в случае же медленности и неповиновения виновные будут мной преданы смертной казни, а те селения или местечки, где неповиновение окажется, истреблены огнем.

4. Заготовление для неприятелей провианта и фуража во всех местах прекратить под опасением смертной казни.

5. В случае нового нашествия неприятелей, чего, однако, предполагать не можно, всем без изъятия удаляться с дорог в леса, и все имеющиеся по дворам запасы хлеба и провианта истребить огнем. Не исполнивший по сему пункту признается изменником, будет расстрелян, а имение описано в казну.

6. Напротив, при приближении наших войск никому домов своих не оставлять и спокойно заниматься сельскими работами; заверяю Именем Его Императорского Величества, что от проходящих войск никому обиды не будет.

7. Строжайше запрещается помещикам и владельцам вооружать крестьян под предлогом личной защиты от грабительств. Всякий вооруженный, найденный в селениях и по лесам, будет расстрелян».

Такой вот суровый документ. С одной стороны, лояльным подданным гарантируется защита от притеснений, с другой — за сотрудничество с неприятелем — смертная казнь, а то и сожжение селений.

Призыв действовал, источники свидетельствуют о лояльном отношении помещиков и обывателей Бобруйского уезда к России и отсутствию крупных антирусских проявлений. Уже после войны, в эмиграции, польские власти упрекали Наполео-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

на за то, что он *«Бобруйскую крепость, этот притон подлецов и убежище негодяев не разрушил и не выгнал гарнизон».*

Главным противником сил генерала Домбровского был 2-й резервный корпус русской армии, которым командовал генерал-лейтенант Федор Федорович (Фридрих) Эртель. Этот корпус состоял из запасных батальонов, укомплектованных малообученными рекрутами. Но это не помешало его командиру предпринять ряд смелых операций в Восточной Белоруссии, в том числе и по снятию блокады с Бобруйской крепости.

О действиях 2-го резервного корпуса почти ничего не говорится в нашей военно-исторической литературе. Лишь в 2005 году вышла крошечным (300 экземпляров) тиражом книга белорусского краеведа капитана 2-го ранга в запасе Владимира Александровича Лякина «Мозырь в 1812 году», которая содержит подробнейшее описание событий, в том числе и связанных с обороной Бобруйска. Воспользуемся этим источником и познакомим читателя с описанием дерзкой операции русских войск, завершившейся прорывом блокады Бобруйска.

Генерал Эртель разделил свои войска на несколько отрядов, два из которых под командой полковника Баранова (4 батальона пехоты 300 казаков, всего 1800 человек) и подполковника Дреера (2 батальона 300 казаков, всего 1100 человек) должны были усилить гарнизон крепости и доставить в нее обоз с боеприпасами и медикаментами. Последние были жизненно необходимы, так как в госпиталях Бобруйска было много раненых, оставленных в ней армией Багратиона. Одновременно эти отряды, следующие к крепости с востока, должны были отвлечь на себя часть сил блокадного корпуса и тем облегчить задачу главным силам 2-го резервного корпуса.

Отряды Баранова и Дреера выступили к крепости 27 июля. Их выдвижение не осталось незамеченным разведчиками

генерала Домбровского. Против почти 3000 русских солдат поляки располагали на левом берегу Березины полком Ю. Хорновского, численностью более 1000 человек, и приданной ему кавалерией. Получив известие о выдвижении русских, польское командование направило туда же в подкрепление полк А. Малаховского с четырьмя орудиями. Это, с одной стороны, позволило им получить численное превосходство над отрядами Баранова и Дреера, но с другой заметно ослабило осадную группировку вокруг Бобруйска, на что русское командование и рассчитывало.

Ранним утром 30 августа после совершения в городе молебна, посвященного тезоименитству государя императора Александра I, из Мозыря выступили главные силы 2-го резервного корпуса в составе 6 батальонов, 10 эскадронов регулярной кавалерии, полка донских казаков и артиллерии — всего 4700 штыков и сабель и 4 полевых орудия. Войска двинулись по Бобруйскому тракту в сторону местечка Глуск.

Тем временем около Рогачева батальоны Баранова и Дреера переправились через Днепр и двинулись к Бобруйску. Отряд подполковника Дреера шел несколько севернее, прикрывая движение Баранова и сопровождаемого им большого обоза. 30 августа авангард Дреера наткнулся на двигавшиеся колонны польской пехоты и конницы — бригаду полковника Малаховского. Дреер стал отступать к Жлобину, уводя противника за собой. Поляки преследовали русских до города, в то время как батальоны Баранова и огромный обоз по свободной дороге шли к Бобруйску.

Лишь на следующий день польский командир обнаружил их присутствие и, поняв, что его провели, развернул свою бригаду на запад. Но теперь уже подполковник Дреер атаковал поляков с тыла. 1 сентября рядом с местечком Казимировка

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

русские и поляки сошлись в бою. Как пишет В. Лякин, *«о подполковнике Дреере не известно ничего, кроме того, что он к началу войны был командиром 2-го батальона 5-го егерского полка и позднее — командиром сводной бригады запасных батальонов 26-й пехотной дивизии. Этот мужественный офицер был достойным воспитанником шефа своего полка Ф.Г. Гогеля. Он принял неравный бой и храбро сражался, пока не был смертельно ранен. Русский отряд понес в этом бою значительные потери и отступил».*

Пока солдаты Дреера отвлекали на себя поляков, отряд полковника Баранова с обозами достиг Березины, но на противоположном берегу реки наткнулся на польский батальон, несший блокадную службу. Перед русским командиром стал выбор — прорываться с боем или попытаться обойти поляков. Он выбрал второе, и совершил ошибку. На переправе его войска были атакованы подошедшей бригадой Малаховского. Русские потеряли до 300 человек и значительную часть обоза, в том числе и драгоценные аптечные фуры. Главные силы отряда и остатки обоза прорвались в местечко Паричи, откуда без проблем достигли Бобруйска. Гарнизон блокированной крепости получил ценное подкрепление.

Но главные события разворачивались на другом направлении. 2 сентября войска 2-го резервного корпуса атаковали Глуск. В местечке находились лазарет и продовольственный склад. Гарнизон составляли 300 пехотинцев и 30 улан под командой капитана Парадовского. Впрочем, возможно, поляков в селе было несколько больше — русские источники оценивали гарнизон местечка в 1000 человек.

Некий местный помещик проскакал через аванпосты русских войск и успел предупредить поляков о готовящейся атаке.

Гарнизон попытался отрыть окопы и оборудовать позиции для стрелков в домах местечка.

Около четырех часов дня русский авангард в составе иод-разделений Смоленского пехотного и 41-го егерского полков при поддержке артиллерии и казаков атаковал местечко.

После довольно упорного боя французы бежали, потеряв 80 человек пленными и примерно столько же убитыми. В плен попали и 150 пациентов лазарета.

Интересно распорядились русские войска захваченным хлебным магазином (складом) — часть зерна была использована для довольствия войск, а оставшееся — возвращено хозяевам (т. е. местным жителям) *«по совершенной их бедности»*. Вот так русские «оккупанты» относились к жителям новообразованного княжества.

На следующий день войска Эртеля двинулись по узкому лесному тракту в сторону Бобруйска.

Беглецы из-под Глуска информировали генерала Домбровского о подходе крупных русских сил с юга. Генерал немедленно направил навстречу противнику свой последний резерв — французский маршевый полк под командой майора Эрсана, подкрепив его двумя пушками и польским батальоном. Общая численность французских сил составила 3400 человек. Им навстречу двигалась ударная группа 2-го резервного корпуса, которая насчитывала в своем составе 4500 человек и 8 орудий. Преимущество небольшое, и к тому же в лесной местности на узкой дороге использовать его было сложно.

Около пяти часов пополудни 3 сентября оба войска встретились во встречном бою в 6 верстах от местечка Горбацевичи. Завязался ожесточенный бой. По дороге двигалась ударная колонна русских, составленная из батальона Смоленского пехотного полка. Ее фланги защищали рассыпавшиеся в лесу

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

егеря. Через полтора часа после начала боя французы попытались обойти русских лесом и атаковать части 2-го резервного корпуса с тыла. Расчет был на то, что неопытные солдаты запаникуют и побегут. Но подоспевший к месту атаки генерал Эртель не растерялся. Он развернул против неприятеля батальон 13-го егерского полка и два резервных орудия. Огонь егерей и пушечные ядра остановили и отбросили французов.

Их главные силы на дороге сопротивлялись отчаянно, но не могли устоять перед сокрушительным натиском русской пехоты. Генерал Эртель доносил на высочайшее имя:

« ... Проходил я тесные дефилеи, будучи окружен неприятелем, но ничто не могло удержать храбрые Вашего Императорского Величества войска, ни опасности, ни жестокость неприятельского огня, со всех сторон производившегося. Смоленский батальон показал себя отличным примером храброго своего батальонного командира , четыре раза опрокидывая неприятеля из самых крепких позиций...»

Около 8 часов вечера французский маршевый полк потерял строй и обратился в бегство. Русская кавалерия преследовала бегущих, пока на выручку последним не пришел батальон польской пехоты. Только ночь, по мнению генерала Эртеля, спасла этот французский отряд от окончательного уничтожения.

На следующий день генерал Домбровский, опасаясь одновременного удара по своим войскам со стороны Горбачевичей и Бобруйской крепости, отошел к Свислочи. Блокада Бобруйска была прорвана.

Хронологически действия 2-го резервного корпуса под Горбачевичами стали первой победой русского оружия после оставления Москвы. И приходится лишь сожалеть, что столь мало известны нашим современникам, а вот в 1812 году действия 2-го резервного корпуса получили высокую оценку:

1 октября император Александр I почти без изменений утвердил представленный Ф.Ф. Эртелем список отличившихся в боях за Пинск, Глуск и в сражении при Горбачевичах с одной оговоркой — «кроме пожалования Смоленскому батальону георгиевских знамен и роте 41-го егерского полка серебряных труб». Было высочайше повелено: «... помянутый список для надлежащего по сему исполнения... отправить при регистре к генерал-лейтенанту Эртелю для раздачи оных, а о благодарении войск, при сем сражении бывшим, отдать в приказ. Сверх сего за отличные распоряжения в сем деле, генерал-лейтенант Эртель награждается Мною кавалером ордена Святого Георгия 3-го класса».

Наполеон верно оценил значение Бобруйска для контроля переправ через Березину и в ноябре отдал приказ взять крепость. Однако французские генералы и не подумали его исполнять. Да и возможностей к исполнению не было. Крепость получала снабжение и имела устойчивую связь с русской армией. Французы не располагали не только осадной артиллерией, но испытывали нехватку полевой. Где уж в таких условиях штурмовать мощную крепость?

3 декабря 1812 года главнокомандующий всеми армиями, действующими против Наполеона, генерал-фельдмаршал князь Кутузов отмечал в приказе, обращенном к генералу Игнатьеву:

« Считаю приятнейшей для себя обязанностью дополнить, что сохранение крепости Бобруйской во все время вторжения неприятеля внутрь России и когда он гнездилился в наших пределах, и содействие тем самым на поражение и истребление сил его, поставляет Вас в числе генералов, наиболее в нынешнюю кампанию отличившихся».

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Государь император Александр I наградил генерала Игнатьева орденом Святого Владимира 2-й степени.

Таким образом, в грозный год наполеоновского нашествия Бобруйская крепость сыграла важную роль в ходе военных действий, подтвердив правильность решения о ее постройке. События 1812 года стали звездным часом крепости, но ее история на этом не закончилась.

ОТ ДОСТРОЙКИ ДО СКЛАДА

Ист ничего удивительного в том, что после окончания Наполеоновских войн русское командование решило усилить крепость, сыгравшую столь важную роль в 1812 году. Генерал Опперман разработал проект достройки и укрепления крепости, к реализации которого приступили в 1819 году.

Во-первых, главные укрепления крепости были усилены за счет строительства каменных люнетов и капониров, прикрывающих основные полигоны. Это были добротные сооружения из специального кирпича, чья конструкция позволяла разместить мощную артиллерию, и надежно укрыть гарнизон от неприятельского огня.

Во-вторых, вокруг главного обвода было построено кольцо внешних укреплений. Со стороны Минского форштата были построены два отдельных передовых люнета *А* и *Б* с круглыми капонирами-башнями в горже и с обороной рвов напольных и боковых фасов также из капониров. На левом берегу Березины был построен долговременный люнет с водяным рвом, являвшийся зачатком будущего тет-де-пона. За речкой Бобруйкой было построено нагорное укрепление, названное именем прусского короля «Фридрих-Вильгельм». Оно состояло из долго-

временного, с казематированной обороной рвов люнетам, горжа которого была сомкнута оборонительной стенкой; из двух бастионов с каменными башнями в горжах и с двухэтажным капониром перед теналью; из вынесенного за гласис равелина с казематированными фланками и с земляным редюитом в горже; из двух казематированных люнетов, дающих фланковую оборону прилегающим рвам. Все перечисленные верки укрепления «Фридрих-Вильгельм» обнесены общим гласисом с прикрытым путем; у подошвы левой части гласиса расположен капонир, в исходящих плацдармах находятся двухэтажные редюиты, служащие вместе с тем батареями и исходными пунктами контрминной системы; в промежутках между этими редюитами расположены казематированные траверсы; на правом фланге гласиса имеется люнет, сообщающийся каменной галереей с мощной каменной батареей, получившей по воле императора Николая I название «Башня Оппермана».

На реке Бобруйке была устроена плотина со шлюзами, что давало возможность наводнять пространство между главной крепостью и укреплением «Фридрих-Вильгельм».

Карл Опперман спроектировал не только крепостные сооружения, но и удобные казармы, дома для офицеров, пороховые погреба, склады и т. д. Общая стоимость работ составляла 3 750 435 рублей.

Строительство крепости по этому проекту продолжалось до 1825 года (хотя отдельные работы велись вплоть до 40-х годов XIX века) и не обходилось порой без курьезов. Так, одна из спроектированных Опперманом оборонительных казарм рухнула в процессе постройки из-за незначительной ошибки в проекте, усугубленной ошибками строителей. К счастью, обошлось без жертв, но дело было расследовано официально. Великий князь Николай Павлович (будущий император

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Николай I) оштрафовал Оппермана на 958 рублей 48 копеек за «неосторожно» поднесенный им на утверждение проект. Причем и сам великий князь уплатил штраф в 584 рубля 60 копеек за то, что утвердил «неосновательный» проект.

В первой половине XIX века значение Бобруйска как крепости сомнению не подвергалось. Во-первых, другие крепости на западе России только строились (о чем пойдет речь ниже), во-вторых, беспокойная обстановка в русской Польше и на территории бывшего княжества Литовского требовала ощутимого военного присутствия, и, наконец, в-третьих, через крепость прошло Варшавское шоссе — важная магистраль, связывавшая центр России с западными владениями империи.

Однако быстрое развитие во второй половине XIX столетия нарезной артиллерии значительно снизило военные возможности Бобруйской крепости. Для того чтобы она могла эффективно выполнять свои функции, требовалась перестройка центральных укреплений и строительство вокруг крепости пояса фортов. Дело весьма затратное и не простое. К тому же в это время политическая лояльность бывших земель Великого княжества Литовского уже не вызывала сомнений, а западную границу империи прикрыли новые мощные крепости — Новогеоргиевская, Брестская, Иван город, Осовец, Двинск, Ковно.

Значение Бобруйска резко упало, поэтому модернизировать крепость не стали, в 1868 году перевели во второй класс, а в 1886-м и вовсе обратили в крепость-склад. На территории построили множество пакгаузов, складских помещений и т.д. В качестве базы снабжения Бобруйск был очень удобен, так как превратился в транспортный узел — шоссезные дороги связывали его с Могилевом и Брестом, судоходство по Березине — с украинскими губерниями, в 1873 году через город

прошла Либаво-Роменская железная дорога, связавшая его с балтийскими портами.

В 1897 году в рамках экономии военного бюджета Бобруйская крепость была упразднена. Это означало, что она более не будет иметь гарнизона и вооружения, а ее сооружения — подерживаться в оборонительном состоянии. Крепостной флаг, поднятый в 1811 году генералом Игнатьевым, был торжественно спущен.

На территории бывшей крепости по-прежнему располагались военные склады, а в ее казармах разместились два полка (Имеретинский и Кутаисский) и штаб 40-й пехотной дивизии. Для этих войск был построен по типовому проекту военного ведомства величественный храм, освященный в честь святого Георгия Победоносца. В городе он получил имя Белая церковь и по сю пору является одним из украшений Бобруйска. В 1915 году в церкви присутствовал на службе государь император Николай II.

В годы Первой мировой войны вопрос о приведении крепости в оборонительное состояние даже не ставился. Но ее склады активно использовались, в частности, в них располагался передовой артиллерийский запас Западного фронта.

В советское время крепостные сооружения были заброшены и постепенно разрушались. Казармы использовались для размещения частей советской армии (некоторые и сейчас используются по прямому назначению уже армией Белоруссии).

В годы Великой Отечественной войны немецко-фашистские захватчики разместили здесь крупный концентрационный лагерь для советских военнопленных №131. В ночь на 7 ноября 1941 года в крепости по неизвестным причинам произошел

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

мощный пожар. Немцы обвинили в поджоге заключенных и воспользовались им как поводом для массового расстрела военнопленных.

В 1956 году советская армия передала большую часть территории крепости городу, перед этим были предприняты попытки подорвать некоторые из каменных укреплений, однако прочные капониры и редюиты устояли, хотя следы взрывов хорошо заметны и сегодня.

Башня Оппермана, в которой еще до революции порой содержали заключенных, в настоящее время используется как место лишения свободы.

Так закончилась история Бобруйской крепости, но прежде чем дать читателю представление о ее нынешнем состоянии, познакомим его с человеком, имя которого не раз упоминалось на этих страницах. С автором проекта крепости и ее перестройки — русским военным инженером Карлом Ивановичем Опперманом.

Биографическая справка.

Граф Карл Иванович Опперман.

Отличное и ревностное служение

Создатель проекта Бобруйской крепости военный инженер Карл Опперман (в России его называли Карлом Ивановичем) родился в 1765 году в германском герцогстве Дармштадт.

Его отец был крупным местным чиновником, поэтому смог дать своему сыну великолепное образование. В 1779 году, т. е. 14 лет от роду, молодой дворянин поступает на военную службу в маленькую армию Дармштадтского герцогства, а всего через три года уже имеет чин инженер-капитана. В том же 1783 году новоиспеченный капитан подает прошение о вступлении в

русскую службу¹. На это прошение был дан положительный ответ, и 12 октября 1783 года Карл Иванович Опперман стал поручиком инженерного корпуса Русской императорской армии. (Тогда действовало правило, что вступающие в русскую службу иноземные офицеры принимались с понижением в чине.)

Решив связать свою судьбу с Россией, Опперман усердно учит русский язык и вскоре овладевает им в совершенстве. В 1788—1789 годах он принимает участие в Русско-шведской войне. В битве при Роченсальме он со своими подчиненными всего за несколько часов построил три береговые батареи, которые «способствовали поражению шведского флота». За отличие в бою со Шведским галерным флотом у Бьоркезунда награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и досрочно произведен в чин инженер-капитана. Однако в следующем сражении отважный офицер получает ранение и попадает в плен.

Вернувшись из плена, Карл Опперман получает назначение в армию, действующую против Польши. Россия вместе со своими союзниками начинает военную операцию по разделу Речи Посполитой. За успехи в этой войне Опперман получает очередной чин — инженер-майора, а после 1796 года его карьера круто меняет направление.

Дело в том, что дядя нашего героя барон Людвиг Генрих фон Николаи был одним из наставников великого князя Павла Петровича и при возшествии его на престол стал членом императорского кабинета. Он, по-видимому, и представил боевого

¹ Надо отметить, что во второй половине XVIII века многие европейские офицеры, ученые, предприниматели отправлялись в Россию, где находили обширное поле для своей деятельности. В наше время это может показаться абсурдным, но французская дипломатия периодически ставила перед российской Коллегией иностранных дел вопрос о необходимости прекращения «утечки мозгов» из Франции в Россию! Известно, что Наполеон Бонапарт в свое время тоже подавал прошение о приеме в русскую службу, но получил отказ.

офицера новому государю, который назначает инженер-майора Оппермана состоять при собственном Его Императорского Величества депо карт. Этот новый орган со странным для современного уха названием был образован по указу Павла I в 1796 году для составления карт «к военному и прочему государственному делу потребных», а также по контролю и изданию карт для нужд армии и государственных органов. Именно от этого небольшого учреждения, в котором служило всего 22 офицера, ведет свою историю военно-топографическая служба вооруженных сил нашего Отечества.

Карьера Оппермана вблизи государя развивалась со свойственной этому времени стремительностью: в 1797 году он уже подполковник, в 1798-м — полковник, но в 1799-м — уволен со службы генерал-майором. Говорят, что причиной внезапной отставки был конфликт с любимцем государя А. А. Аракчеевым. Однако непредсказуемый характер Павла Петровича уже в 1800 году возвращает Карла Ивановича на службу с генеральским чином и орденом Святого Иоанна Иерусалимского!

Мартовский заговор и убийство императора Павла I не повредили карьере Оппермана. Уже в апреле 1801 года он назначен главноуправляющим депо карт и зачисляется в свиту Его Императорского Величества. Главный, говоря современным языком, проект, над которым работают в это время генерал и его подчиненные, — это составление подробной крупномасштабной карты Российской империи. Карта была выполнена в масштабе в 1 дюйме — 20 верст (примерно 8 километров в 1 сантиметре) и включала в себя 114 отдельных листов (благодаря чему и получила название «Столистовая»), на которых была отображена местность от польской границы до меридиана Тобольск — Хива. За эту блестящую работу Карл Опперман был удостоен ордена Святой Анны 1-го класса.

Начавшаяся в 1805 году война России с наполеоновской Францией уносит генерала от кабинетной тиши картографического депо на поля сражений. В 1806 году он генерал-квартирмейстер союзной армии генерала от инфантерии Ласси, действовавшей в Южной Италии, в 1806-м — воюет в составе корпуса генерала Эссена в Восточной Пруссии. «За храбрость, оказанную в сражениях с французами», награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

После Тильзитского мира ввиду войны с Великобританией в спешном порядке приводит в оборонительное состояние Кронштадтскую крепость, во время войны 1809 года со Швецией руководит инженерными работами в русских приграничных крепостях.

В 1809 году назначен инспектором Инженерного департамента Военного министерства, т. е. фактически главой всех военных инженеров России. Именно в этой должности он выбирает место и составляет проект Бобруйской крепости. В 1811 году получает чин инженер-генерал-лейтенанта. В 1812 году, как свидетельствует послужной список, *демарша по октябрь находился в разных разъездах по пограничным крепостям по особенным поручениям и при 1-й и 3-й действующих армиях*», потом — при главной квартире фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского. Участвует в сражениях в ходе изгнания наполеоновской армии из России.

Во время заграничных походов руководит осадой и взятием крепостей Торн (за что удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени), Модлин, Магдебург и Гамбург. Награжден несколькими российскими и иностранными боевыми орденами.

После окончания войны занимает ряд важных и ответственных постов в руководстве инженерными войсками. Становится

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

учителем и помощником великого князя Николая Павловича, назначенного руководить инженерной частью, а после его вступления на трон пользуется полным доверием монарха.

Бурная и полная походов жизнь не помешала генералу обзавестись семейством. Он был женат на дочери врача, действительного статского советника Ивана Кельхера, Каролине Ивановне Кельхер и имел четверых детей. Двое из которых — Александр и Леонтий — стали вслед отцу русскими генералами, удостоенными ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия.

В конце 20-х годов XIX века Опперман разрабатывает план укрепления западной границы Российской империи системой крепостей и лично составляет проект самой знаменитой из них — Брест-Литовской. Увы, увидеть этот свой проект воплощенным в камне Карлу Ивановичу не удалось. 2 июля 1831 года инженер-генерал граф Карл Иванович Опперман умер от холеры и был погребен на Выборгском холерном кладбище Санкт-Петербурга.

За строками официальной биографии всегда сложно увидеть живого человека. Понятно, что был храбрым, по-немецки трудолюбивым, энергичным, связями полезными не пренебрегал, но главного добивался собственным усердием. Был в фаворе у трех государей, но не «за красивые глазки», а за то, что в документах называли «отличным и ревностным служением». Был немцем, но навсегда оставил свое Отечество и обрел новое тут, в России. Что виделось генералу на смертном одре — красные черепичные крыши родного Дармштадта или низкие земляные валы русских крепостей, построенных по его проектам? Клубы порохового дыма или белые листы чертежной бумаги, а может, тихие аллеи выборгского парка Монрепо, в проектировании и постройке которого он тоже принимал участие?

Увы, биография этого удивительного человека еще не стала предметом внимания историков или писателей. Висит в Военной галерее Зимнего дворца парадный портрет, написанный английским живописцем Дж. Доу, — единственный в России памятник инженер-генералу. И могилу его не сыскать — территория второго холерного кладбища в Санкт-Петербурге, что находилось рядом с перекрестком современных улиц Сапова и Алмазной, ныне застроена гаражным кооперативом.

К чести жителей Бобруйска надо сказать, что здесь об авторе проекта и строителе крепости не забыли. Когда в начале XXI века по бывшей крепостной территории прокладывали улицы, самая крупная из них получила название «улица Карла Оппермана», а вот в России, под знаменами которой генерал воевал и трудился без малого полвека, такой улицы нет. Хочется верить — пока еще нет.

ПО СТАРОЙ ЦАРСКОЙ ДОРОГЕ

Учителя географии московских школ любят задавать своим ученикам пару каверзных вопросов:

— Скажите, в каком направлении от Москвы находится Варшава?

— В западном.

— Тогда почему улица Варшавское Шоссе ведет строго на юг?

И в самом деле. Для современного путешественника дорога из Москвы в Варшаву начинается от ворот Троицкой башни Кремля. Она ведет строго на запад, через Можайск, Гагарин (дореволюционный Гжатск), Вязьму, Смоленск, Минск, Брест и далее по Польше. Этот путь кажется прямым и естественным,

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

по нему пролегает одна из лучших дорог России — федеральная трасса М1 «Беларусь», которая на территории Белоруссии и вовсе становится автомагистралью, но...

Но если посмотреть на карту, то можно увидеть, что используемый сейчас путь действительно не самый прямой. Дело в том, что Брест и Варшава находятся не только западнее Москвы, но заметно южнее. Поэтому, когда в середине XIX века император Николай I начинает строительство в России системы «шоссированных дорог», идея совместить Серпуховскую дорогу, ведущую из Москвы на юг России, и шоссе, идущее к Варшаве, показалась инженерам корпуса путей сообщения удачной.

Поэтому-то Варшавское шоссе идет из Москвы прямо на юг, до Подольска, в котором делится на две части: первая — южный тракт — уходит далее к югу на Серпухов, вдоль которой во второй половине XX века построили автомагистраль М2 «Крым», вторая, носящая в наше время номер А101, поворачивает направо к юго-западу. Это и есть старинное Варшавское шоссе.

Через какое-то время в нее вливается старинная Калужская дорога, носящая тот же номер, что вносит некоторую путаницу. Шоссе идет дальше, все проходит окраиной Обнинска и входит в древний Малоярославец.

Основанный в XIV веке, город тихо жил в тени вишневых и яблочных садов, пока в начале XIX века не оказался на пути вышедшей из Москвы армии Наполеона. 12 октября 1812 года здесь произошло ожесточенное сражение между войсками 6-го пехотного корпуса русской армии под командованием генерала от инфантерии Дохтурова и 4-го армейского корпуса Великой армии, которым командовал пасынок Наполеона дивизионный генерал Евгений Богарне. Бой между двумя

корпусами постепенно перерос в сражения между армиями Наполеона и Кутузова. Город 11 раз переходил из рук в руки и к вечеру остался за французами. Русская армия отошла на две с половиной версты к западу и заняла позицию для генерального сражения. Французский император провел ночь в тяжких раздумьях в селе Города, что в 15 верстах от сожженного города, вызова русских не принял. Великая армия, которая так долго стремилась разгромить русскую в генеральном сражении, отказывалась от боя и начала отступление к Старой Смоленской дороге. В донесении государю Кутузов напишет: «Малоярославец — предел нападения, начало бегства и отступления врага».

О славной странице в истории города напоминают и расположенные рядом с дорогой памятники. Первым путешественника встречает мемориальный сквер, в углу которого стоит небольшая часовня, построенная в 1860 году в память о погибших во время сражения русских воинах. Чуть в стороне от сквера высится памятник солдатам Полоцкого пехотного полка и пятого армейского корпуса, поставленные к столетию войны. Если остановить автомобиль и пройти чуть в сторону, то тихая улочка приведет нас к эпицентру сражения — площади перед Черноострожским монастырем. На воротах обители сохранились следы от пуль и картечи, сохранные по повелению императора Александра I на память о сражении. На том месте, где, по преданию, во время боя на короткое время появился генерал-фельдмаршал Кутузов, строится новая часовня. А на противоположной стороне стоит неприметный серый памятный камень. Он поставлен в 1992 году в память погибшего на этом месте командира французской 14-й пехотной дивизии дивизионного генерала Алексиса Жозефа Дельзона.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

В центре Малоярославца, там, где дорога делает небольшой изгиб, можно увидеть еще два памятника, посвященные событиям 1812 года. Первый из них — ярко-голубая, с золотыми куполами Успенская церковь. Храм был построен к столетию сражения, на месте старого здания церкви, пришедшего к началу XX века в ветхость. Сбор средств на его постройку начали в Калужской губернии в 1909 году, а в 1912 храм торжественно освятили.

А рядом с ним возвышается черная колонна, увенчанная золотым шаром купола и сверкающим на солнце крестом. Еще несколько лет назад на месте этой колонны была пустота. Впервые этот памятник был поставлен в 1844 году во исполнение указа государя императора Николая I о увековечении памяти войны двенадцатого года. Их было несколько в России — в Бородине, Тарутине, Малоярославце, Смоленске, Красном, — в первоначальном виде уцелел только смоленский монумент. Памятник в Малоярославце был взорван в 1932 году — так большевистские власти отметили 120-ю годовщину наполеоновского нашествия.

Общественность неоднократно поднимала вопрос о необходимости восстановления памятника, но удалось это сделать только в начале XXI века, в 2010 году. Восстановление велось строго по чертежам исторического монумента, и новый памятник отличается от старого только одной дополнительной табличкой: «Разрушен в 1932, восстановлен в 2010» — и это правильно, ибо из песни слов не выкинешь, и надо помнить не только о времени победы и славы России, но и о ее черных годах.

Вот так одна дорога связывает одно из самых известных событий войны 1812 года и одно из самых забытых.

Дальше шоссе идет в направлении маленьких городков Медыни и Юхнова. В 1812 году тут был ближний тыл русской армии, а во время Великой Отечественной войны здесь прошли жестокие бои. Земля по сию пору хранит память о тех страшных сражениях. Глядя на постоянно мелькающие за окном обелиски на братских могилах, поневоле вспоминаешь строки Некрасова: «А по бокам-то все косточки русские...»

Вот указатель поворота «Износки-22» — напоминание о трагедии 33-й армии, брошенной зимой 42-го в неимеющее шансов на успех наступление на Вязьму. В котле тогда оказались четыре дивизии, вырваться удалось немногим.

Чуть дальше — новый указатель: «Музей героя России генерала М.Г. Ефремова». Генерал отказался бросить своих солдат, возглавил отвлекающий удар (давший многим возможность спастись) и погиб как герой. Звание Героя, уже не Советского Союза, а России, ему было присвоено в 1996 году.

Около деревни Барсуки — новый памятник. Это место называют «Долина смерти», и недаром. С 1 по 15 февраля 1942 года прорывавшиеся из окружения советские войска потеряли на этом крошечном клочке земли 8000 солдат убитыми и ранеными. Останови машину, читатель, выйди и поклонись праху погибших...

Но не только память о последней войне видна в этих краях. Дорога помнит и более благополучное старое время. Периодически в населенных пунктах видишь построенные по одному типовому проекту здания путевых станций. Здесь путешественники меняли лошадей, ночевали, обменивались новостями, здесь звенели колокольчики и раздавалась протяжная песнь русского ямщика. Почтовые станции не только памятник дорожной инфраструктуры, но целый пласт русской культуры.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Сейчас они пребывают в разном состоянии. Где-то живут люди, где-то расположился магазин, а где-то от них остались лишь руины. Всего на пути из Малоярославца до Бобруйска путешественнику встретится их не менее десятка.

А как было бы замечательно восстановить хоть одну, в виде музея, совмещенного с придорожным кафе, возродить дух дороги. Подобные проекты успешно реализованы на некоторых других старинных российских трактах, может, и до Варшавского шоссе дойдет очередь.

Неподалеку от Рославля на одной из площадок для отдыха находится небольшой памятный знак. Издалека его можно принять за один из многочисленных памятников на месте аварий, которыми (увы) богаты обочины наших шоссе. Но присмотритесь внимательно — на сером граните надпись: «Жертвам политических репрессий 1929-1937», Оказывается, здесь, в глухом овраге, советские карательные органы приводили в исполнение приговоры «врагам народа». Сколько всего людей тут было убито, никто пока не знает. Памятник же установили по инициативе жителей нескольких сел Рославльского района, не забывших о тяжелых годах нашей истории.

Вот и граница с Белоруссией. С одной стороны, для российских автомобилей сейчас границы как таковой нет — мелькнет за окном небольшая стела, да изменится в лучшую сторону качество покрытия под колесами. Но с другой — хоть и свободная, а все-таки граница, напоминающая о том, что западные рубежи России ныне проходят там же, где и в начале XVIII века, а Бобруйск, русская крепость, находится на территории другого, пусть и дружественного государства. Увы, таковы реалии современного мира. Вот и приходится привыкать к дорожным указателям, написанным языком похожим на русский, а все же не русским.

Если выехать из Москвы утром, то добраться до Бобруйска можно к вечеру того же дня. Вот дорога проходит заболоченную низину, пересекает по узкому мосту Березину и выходит на улицы города.

Район бывшей крепости находится на восточной окраине Бобруйска. После ее постройки центр города сместили к западу, и все последующее время город рос именно в этом направлении.

После недавней реконструкции северная часть территории крепости представляет собой ровную, благоустроенную площадку, в центре которой возвышается похожее на летающую тарелку из научно-фантастических фильмов здание Ледового дворца. Валы, рвы, рельеф, постройки — все исчезло под ровной зеленью газонов. Лишь чуть в стороне видны кирпичные стены каменных редюитов. Пустые, заброшенные, окруженные грудями битого кирпича, они по-прежнему стерегут бывшую территорию крепости. Почему они уцелели? Не последнюю роль сыграло и то, что снести прочные фортификационные сооружения не так-то просто, дешевле оставить.

От приречного фронта уцелел мощный капонир. Краснокирпичные стены, узкий проход потерны и гулкая тишина сводчатых казематов. Среди малоэтажной застройки прибрежной террасы он выглядит как римский форт в окружении кельтских хижин.

Уцелел и передовой люнет литера А, защищавший Минские ворота крепости. Здесь фортификацию XIX века можно наблюдать во всей красе — уцелели и земляные валы, и каменные одежды рва, и даже гласис. Три каменных редюита образуют удивительный по гармоничности ансамбль. Эти, казалось бы, сугубо рациональные постройки, тем не менее, выглядят не просто грозно, они выглядят красиво. От самих

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Минских ворот остались лишь несколько стен и груды битого кирпича.

Но все эти сооружения были построены уже после осады в ходе модернизации крепости в 1819—1825 годах. Остались ли здесь непосредственные свидетельства 1812 года?

Да остались. Вдоль улица Карла Оппермана протянулись несколько низких кирпичных складских строений. На одном из них видим небольшую табличку: «Пороховой склад Бобруйской крепости, 1811 год».

Кирпичное здание с маленькими окнами, арками, усиливающими стену, кирпичной же крышей, которая прежде была укрыта слоем земли, — сколь много оно видело... Через заложенные сейчас ворота внутрь склада могли заезжать повозки. Отсюда вывозились боеприпасы для армии князя Багратиона, отсюда, может быть, и вынесли ту гранату, осколок которой сбил шляпу с головы генерала Домбровского. Низкое длинное строение, построенное в страшной спешке и простоявшее два века.

Какая судьба ожидает Бобруйскую крепость в будущем? В белорусской печати периодически публикуются проекты превращения уцелевших укреплений в музейный комплекс. Если бы это удалось, то город получил бы великолепную достопримечательность, способную привлечь множество туристов. Ведь не так много сохранилось подлинных укреплений начала XIX века. Известно, что в Белоруссии осуществлен ряд проектов по восстановлению из руин старинных замков, но, во-первых, крепость гораздо более масштабный объект и требует куда более крупных вложений. И во-вторых, если замки прекрасно вписываются в нынешнюю историческую политику белорусского государства, связывающего свою историю с историей Великого княжества Литовского и Русского,

АЛЕКСАНДР МУЗАФАРОВ

то российская крепость, звездный час которой пришелся на ту самую войну 1812 года, которую в Белоруссии больше не считают Отечественной, — совсем другое дело.

Впрочем, может быть, надежды и осуществляются, а пока крепость служит местом проведения вечернего досуга городской молодежи. К чести молодых жителей Бобруйска, после их посиделок в старых фортах почти не остается мусора и отходов. Не страшно и не противно ходить тут заезжему туристу.

Если ты, читатель, неравнодушен к истории Отечества и любишь путешествовать, то мой тебе совет — найди время и съезди в Бобруйск. Пройдись по улицам тихого города, похлопай по плечу бронзового Бобра, а главное — прикоснись к старым кирпичам укреплений Бобруйской крепости. Прикоснись, и ты прикоснешься к истории. И увидишь как наяву образы энергичного и деятельного Оппермана, хладнокровного и решительного Игнатьева, запыленного, усталого, но не утратившего всегдашней своей бодрости князя Багратиона, бесстрашного подполковника Дреера.... Ты увидишь историю своей страны, ту ее часть, которая прошла через малый город на берегах широкой Березины.

БОМАРЗУНД. 1854

ОДИН ПРОТИВ ДЕСЯТИ

4 и 13 сентября в американской газете *New-York Daily Tribune* появились для статьи, посвященные эпизоду Восточной войны, а именно взятию русской крепости Бомарзунд французской армией и английским флотом. Бойкий журналист описал ход баталии, известной ему по английским газетам. Обе статьи представляли собой гимн европейскому оружию и содержали весьма пренебрежительные отзывы в адрес русской армии и русских вообще. Не побрезговал автор и откровенным передергиванием и подтасовкой фактов. Чтобы не быть голословными, приведем несколько цитат:

— население островов, убедившись, что союзники всерьез решили атаковать Бомарсунд, встретило их как избавителей от русского ига и, конечно, снабжало их всякого рода информацией и оказывало им всестороннюю помощь;

— русские, которые так гордились своими способностями к штурмам, от Перекопа и Очакова до Варшавы и Быстрицы, получали отпор при всех своих попытках взять штурмом полевые укрепления, а в боях за Силистрию не смогли даже взять полевое укрепление правильной осадой и были вынуждены отойти, хотя турецкий гарнизон крепости не получил никакой поддержки; с другой же стороны, в самом начале нынешней войны турки

взяли штурмом долговременное укрепление русских — форт Св. Николая, а знаменитая крепость Бомарсунд была взята, едва удостоившись такой чести, как открытая траншея.

— огонь капитана Пелхема очень скоро раскрыл секрет русских гранитных крепостей. Несколько выстрелов было достаточно, чтобы отделить от стены то, что ранее выглядело как монолитная гранитная глыба, но на деле оказалось лишь облицовочной плитой, толщина которой отнюдь не соответствовала ее высоте и ширине. Еще несколько выстрелов — и отвалились соседние плиты, и тут со стен с грохотом посыпалась лавина мусора, обнажившая самое сердце крепости. Стало ясно, что «гранит» был лишь видимостью;

— разочарование сэра Чарлза Нейпира, когда он увидел, из чего в действительности были построены эти укрепления, едва ли может сравниться с разочарованием, которое испытал царь, узнав, из чего состоит «гранит», за который он заплатил так много денег;

— гранитные стены Бомарсунда не что иное, как обман русских, — куча мусора под тонкой каменной облицовкой, которая не смогла сколько-нибудь долго противиться меткому и упорному огню.... люди, строившие их, обманули Николая...

Впрочем, все это неудивительно для журналиста, живущего в Великобритании, имеющего британское подданство и пишущего свои заметки в разгар войны с Россией. Всякому свойственно хвалить своих и ругать неприятеля — на то и война. И информационная война — изобретение отнюдь не сегодняшнего времени.

Вряд ли сам автор придавал большое значение этим заметкам. Для него они были рутиной, средством заработка и не более того. И вряд ли он рассчитывал на то, что эти две небольшие заметки, написанные для американского читателя,

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

станут основой для описания осады Бомарзунда в русской историографии. Ибо хотя историки часто при описании событий прибегают к источникам противоположной стороны, но чтобы полностью принимать точку зрения противника, да еще и малоосведомленного журналиста, — такого прежде не встречалось. Почему так получилось?

Ответ дает имя бойкого журналиста. Его звали Фридрих Энгельс. И две его статьи «Взятие Бомарсунда» весили для советских историков больше, чем тома исследований и подлинные документы эпохи.

Если открыть раздел «Библиография» в любой научной или научно-популярной книге по истории, изданной в советское время, то в первых же строчках мы увидим ссылки на труды классиков марксизма-ленинизма — Маркса, Энгельса, Ленина (а если книга издана до 1953 года, то и Сталина). Это был обязательный элемент, без которого книга никогда не получила бы разрешения печататься.

Как правило, в предисловии или во введении автор должен был указать, что именно говорили классики по рассматриваемой им теме. Понятное дело, что круг исторических тем гораздо шире аспектов, охваченных в трудах грех мыслителей, пусть и очень плодovitых, и на каждый случай конкретную цитату не подберешь. В таком случае брались общие цитаты. Пишет автор о купечестве Орловской губернии — должен привести цитату, что думал Ленин о российских капиталистах. Пишет о маньчжуро-китайском конфликте — упоминает «восточный способ производства» из трудов Энгельса. Пишет о Гражданской войне в США — обязательно надо упомянуть переписку двух «основоположников».

С точки зрения историка советского периода, чем меньше писали классики о событии — тем лучше. Подобрать общую

цитату, выполнить ритуал, а дальше можно писать то, что считаешь нужным и что соответствует критериям научной достоверности. Если классик упомянул именно конкретное событие одной-двумя фразами, то надо обязательно их привести и сочинить соответствующий комментарий, порой сводимый к простой мысли, что изучаемое событие настолько важно для мировой истории, что сам классик марксизма счел своим долгом его упомянуть. Хуже всего для историка было, если классик действительно обратил внимание на конкретное событие и посвятил ему не фразу, не абзац, а целое произведение. Поскольку «учение Маркса (тоже относится к Энгельсу, Ленину, а до 1953 года и Сталину) всеильно, потому что оно верно», полемизировать с классиком не полагалось. Напротив, высказанные им оценки и мнения принимались как аксиомы и догмы, не подлежащие сомнению. И не важно, с какими целями и на основе какой информации писал основоположник свой текст. Идеология защищала их от критики, а вернее, даже от возможности высказывания сомнений в правоте.

Поэтому темы, о которых подробно писали классики марксизма, серьезные историки советского времени старались обходить стороной. А если уж не получалось, то ограничивались приведением фактов, совпадающих с мнением основоположников.

Среди таких тем русской истории — Крымская война в целом и оборона Бомарзунда в частности. Поэтому сложно удивляться тому, что очень многим даже название этой русской крепости ничего не скажет.

В современной Российской Федерации, правопреемнице СССР, в разных городах и весях стоит более 50 памятников Фридриху Энгельсу. Они занесены в соответствующие реестры, на их содержание и ремонт ежегодно выделяются

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

изрядные средства из федерального, регионального и муниципальных бюджетов...

Но в России нет ни одного памятника защитникам крепости Бомарзунд. Русским и финским солдатам, что приняли неравный бой с десятикратно превосходящим противником и сражались до предела своих возможностей. Что ж, попробуем исправить эту историческую несправедливость.

ПЕШКОМ ПО МОРЮ, ИЛИ РОССИЯ ПРИХОДИТ НА АЛАНДЫ

Аландские острова — одно из самых живописных мест на Балтике. Каждый, кто побывал здесь, неизбежно попадает под очарование их низких холмов, сосновых лесов, скалистого берега и постоянного чувства моря. Море тут везде и во всем. В старинных церквях, что построены еще в XIII — XIV веках, рядом с алтарями висят модели кораблей. На многих могилах — рисунки якорей и маяков, море тут всюду, каждый порыв ветра несет соленый запах серого, древнего моря.

В настоящее время Аланды имеют статус автономной территории в составе Финской республики. Это официально, а реально — это маленькое государство в составе Финляндии, со своим флагом, парламентом и гражданством. Это замечаешь сразу, когда сходишь с парома на причал Мариехамна. На улицах слышна шведская речь, почти незаметная в континентальной Суоми, все надписи и указатели — только на шведском, и даже на автомобильных номерах вместо привычного Fin (Finland) стоит AX (Aland Island). Шведские острова в составе современного финского государства — один из следов пребывания Финляндии в составе Российской империи.

Финский народ, несмотря на свою несомненную древность, вплоть до XII века не озаботился созданием собственной государственности. А дальше и заботиться не стало причин, так как финские земли попали под власть шведской короны. По воле своих воинственных повелителей финны приняли христианство, а потом и Реформацию. Территория Финляндии неоднократно становилась театром боевых действий во время многочисленных русско-шведских войн. Во время Северной войны (1700—1721) русские войска захватили все шведские крепости в Финляндии, но лишь одна из них — Выборг — осталась в составе Российской империи после заключения мира. Обеспечивая контроль над немногими дорогами, ведущими через Карельский перешеек, она защищала с северо-запада новую столицу Санкт-Петербург.

За следующее столетие русские и шведы дважды встречались на полях сражений (в 1741—1743 и 1788—1790 гг.), и хотя оба столкновения заканчивались поражениями скандинавов, это не привело к изменению территориального размежевания. Но в начале XIX века ситуация изменилась. В 1807 году после Тильзитского мира Россия была вынуждена формально присоединиться к объявленной Наполеоном континентальной блокаде Великобритании и, более того, заставить Швецию сделать то же самое. Неожиданно шведский король Густав IV Адольф отказался выполнять это требование, что привело к военному столкновению между Россией и Швецией. Помимо политических целей русское правительство стремилось и к территориальным приобретениям — было решено включить Финляндию в состав империи. Русский публицист и участник войны Фаддей Булгарин писал:

«Россия должна воспользоваться первым случаем к приобретению всей Финляндии для завершения здания, воздвигнутого

Петром Великим. Без Финляндии Россия была неполною, как будто недостроенную. Не только Балтийское море с Ботническим заливом, но даже Финский залив, при котором находятся первый порт и первая столица империи, были не в полной власти России, и неприступный Свеаборг, могущий прикрывать целый флот, стоял, как грозное привидение, у врат империи».

Шведский король не ожидал этой войны. Поэтому, когда в феврале 1808 года три русские дивизии (Багратиона, Тучкова и Горчакова) под общим командованием генерала Буксгевдена перешли шведскую границу, сопротивление им было оказано весьма слабое и неорганизованное.

Помимо фактора неожиданности на ход событий оказало влияние и настроение шведского общества. А оно было в этот момент крайне негативно настроено по отношению к своему королю. Деспотичный и самолюбивый, Густав IV Адольф вел внешнюю политику, не оглядываясь на интересы Швеции. Участие шведской армии в антифранцузских коалициях, утрата позиций в Дании, а теперь еще и война с Россией — все это шведы ставили в вину своему государю. Шведская армия не слишком охотно сражалась за финские земли. По словам Дениса Давыдова (в ту пору адъютанта князя Багратиона), поход стал *«вооруженною прогулкою войск наших почти до границы Лапландии и покорением первоклассной крепости слабыми канонадами да наскоками нескольких сотен казаков».*

31 марта 1808 года отряд полковника Вуича из колонны Багратиона, не встречая сопротивления, занял Аландские острова.

И тут вступил в действие фактор, который совершенно не был предусмотрен русским командованием, — позиция финского населения Финляндии. 20 марта 1808 года русский царь специальным манифестом объявил о намерении России

присоединить к себе Финляндию. Это решение способствовало мобилизации финнов для защиты отечества. Почему финны сражались за шведского короля? Ответ очень простой — потому что это был их король и другого они не знали. В результате русская армия столкнулась с настоящей партизанской войной, в которой финны проявили себя прирожденными мастерами.

Неожиданные набеги, удары по русским конвоям и гарнизонам, умелое использование лесистой и болотистой местности — все это превратило войну для русской армии из «вооруженной прогулки» в тяжелое испытание. Русский офицер вспоминал: *«Нельзя было свернуть в сторону на сто шагов от большой дороги, чтобы не подвергнуться выстрелам, и это затрудняло нас в разъездах и препятствовало распознать местоположение... Это отзывалось уже Испанией».*

Соппротивление финнов позволило шведской армии привести себя в порядок и активизировать действия против русских. Император Александр I принял ответные меры как военного, так и политического характера. С одной стороны, он перебросил на театр военных действий новые военные силы и произвел кадровые перестановки в командовании — Буксгевдена сменил Барклай де Толли, а Горчакова — генерал Каменский. С другой стороны, в Петербург были приглашены представители разных слоев финского общества, с которыми государь обсуждал будущее Финляндии. Пока шли эти переговоры, новый командующий генерал Каменский решительно взялся за дело.

Собрав армию в единый кулак, он нанес ряд чувствительных поражений шведским регулярным войскам и финским ополченцам. А чтобы «принудить Швецию к миру», был разработан план нанесения удара по собственно шведской территории.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Финляндию от Швеции отделяет Ботнический залив, который замерзает далеко не каждую зиму. Однако, к несчастью для шведов, зима 1809 года оказалась достаточно холодной и водная преграда была покрыта льдом. Именно этим обстоятельством и решило воспользоваться русское командование. Были сформированы три ударные колонны, которым предстояло перейти зал ив по льду и начать боевые действия на территории собственно Швеции. Одной из них командовал князь Петр Иванович Багратион, другой — Михаил Богданович Барклай де Толли, третьей — генерал Шувалов.

Войска князя Багратиона должны были наступать через Финский архипелаг и преодолеть сопротивление шведской группировки, сосредоточенной на Аландских островах.

Сами острова в то время представляли собой глухую и малонаселенную провинцию Шведского королевства. Здесь не было городов, только рыбацкие деревни и поселки, королевский губернатор жил в замке Кастельхольм, частично превратившемся в руины, а общее население островов составляло чуть более 1200 человек.

Однако, поскольку через Аланды проходил кратчайший путь к Стокгольму, шведское командование собрало там довольно значительные силы — до 10 тысяч солдат во главе с генералом Дебельном. Последний принялся деятельно готовить острова к обороне, строить батареи, засеки, эвакуировал население, уничтожал запасы.

В конце февраля 1809 года отряд князя Багратиона, разбитый на пять колонн, выступил из Або. Командующий хорошо позаботился о своих солдатах — все были одеты в полушубки, валенки и теплые шапки с наушниками, обоз вместо привычных фур составили сани. Авангардом корпуса командовал лихой

гусар генерал Кульнев, прославившийся не только своей храбростью, но и своеобразным стилем своих приказов;

«На марше быть бодрю и веселу, уныние свойственно старым бабам. По прибытие на Кумлингген — чарка водки, кашница с мясом, щи и ложе из ельника. Покойная ночь».

Шведские войска готовились к обороне главного острова архипелага — Большого Аланда. Неизвестно, сумел бы генерал Дебельн оказать достойное сопротивление князю Багратиону, так как он неожиданно получил известие из Стокгольма о произошедшем там государственном перевороте. Шведские офицеры во главе с командующим финляндской армией генералом Клингспором и генерал-адъютантом Адлеркрейцем отстранили от власти короля Густава IV Адольфа. Причиной переворота было упорное нежелание короля вступить в мирные переговоры с Россией, а также общее недовольство его правлением. Вскоре в Швеции собрался парламент — риксдаг, который отстранил от власти не только короля, но и всех его прямых потомков и изгнал монарха из шведских пределов.

К власти пришел дядя короля герцог Карл Зюдерманландский (будущий король Карл XIII), которые приказал генералу Дебельну немедленно вступить в переговоры с русскими о перемирии.

Князь Багратион, не имея полномочий на ведение переговоров, отправил генерала Дебельна к главнокомандующему финляндской армией генералу Богдану Федоровичу Кноррингу. Пока продолжались переговоры, русские войска продолжали идти вперед.

Русские колонны обходили Большой Аланд с нескольких сторон, создавая для шведского гарнизона угрозу окружения.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Шведы, не видевшие смысла в упорной обороне, лишенные командующего (бывшего на переговорах в Або), 5 марта подожгли вмерзшие в лед суда флотилии, склады и начали отступление, быстро перешедшее в бегство.

Авангард русской армии под командой неустоимого Кульнева преследовал их на протяжении 15 верст. На одном островков русские гусары окружили один из лучших полков шведской гвардии — Зюдерманландский, который после недолгого сопротивления сложил оружие.

Шведское правительство хотело перемирия — оно затягивало время до весны, когда в освободившийся ото льда Ботнический залив мог войти британский флот и прикрыть Стокгольм от русских атак, что серьезно усиливало позиции шведов на переговорах с русскими и могло сказаться на условиях заключенного мира. Это прекрасно понимало и русское командование, поэтому уже 7 марта полки генерала Кульнева двинулись по замерзшему морю с Аландских островов в сторону Швеции. Генерал, как обычно, подбодрил своих подчиненных очередным лихим приказом:

«Бог с нами, я перед вами, а князь Багратион за нами. В полночь собратся у мельницы. Поход до Шведских берегов венчает все труды наши. Сии волны — истинная награда, честь и слава бессмертия! Иметь при себе по две чарки водки на человека, по куску мяса и хлеба. Лошадям — по два гарнца овса. Море нестрашно. Отдыхайте, мои товарищи!»

Русская кавалерия перешла по льду Ботнический залив и около города Гриссельгама вступила в бой со шведскими войсками, защищавшими берег. Кульнев спешил казаков, и под прикрытием их меткого огня его гусары вырвались на берег.

Впервые со времен Петра Великого русские солдаты пришли в Швецию. Понимая незначительность своих сил, лихой генерал прибегнул к блефу — он потребовал от шведов очистить берег и город Гриссельгам, уверяя, что за ним идет весь корпус князя Багратиона.

Шведы, подумав, согласились, тем более что через день, 9 марта, на шведский берег около города Умео вышла колонна под командованием Барклая де Толли.

За этот зимний поход император Александр I произвел князя Багратиона и Барклая де Толли в генералы от инфантерии. Повышением в чинах дело не ограничилось — Барклай был назначен вместо Кнорринга главнокомандующим финляндской армией, Багратион — главнокомандующим молдавской армией, воевавшей против турок. Пути двух полководцев на время разошлись, чтобы снова сойтись через два года и навечно соединиться на страницах истории России.

Наступила весна 1809 года, шведское аристократическое правительство, управлявшее страной от имени короля Карла XIII, не спешило с заключением мира — в Ботническом заливе появился британский флот, отдохнувшие шведские войска готовились к наступлению в Финляндию с расчетом на поддержку местного населения, но этим расчетам не суждено было оправдаться.

Русская армия нанесла шведам ряд чувствительных поражений, а народная война на испанский манер, на которую так рассчитывали в Стокгольме, Лондоне и Париже, не началась,

Осенью 1809 года Швеции ничего не оставалось, как заключить мир и признать Финляндию и Аландские острова частью Российской империи.

ТАНЕЦ ИМПЕРАТОРА, ИЛИ КАК ПОКОРИТЬ СТРАНУ УЛЫБКОЙ

Примерно в 130 верстах от российской границы находится небольшой городок Порвоо (Борго)¹. Тихие улочки, застроенные малоэтажными домами, дышат уютом и покоем. Особенно живописна старая часть города — Ванаа Порвоо, где вместо асфальта — мостовая, сохранилось много старинных домов, вдоль реки стоят старинные деревянные амбары. На улицах множество магазинчиков и кафе. Над всем этим возвышается здание большой кирхи, или как часто пишут в русскоязычных путеводителях — кафедрального собора.

Его не назовешь величественным, не блещет храм и архитектурными изысками, не дышит глубокой стариной, но именно он сыграл огромную роль в истории Финляндии.

Летом 1808 года император Александр I думал над тем, как удержать Финляндию в составе России. Соппротивление финнов сводило на нет военные успехи российской армии, к тому же империя не могла себе позволить держать здесь значительные вооруженные силы. Продолжалась война на Дунае, Тильзитский мир был весьма непрочен, и долговременная война в лесистой стране Суоми была совершенно ни к чему. Необходимо было привлечь финнов на свою сторону. Показать им, что с присоединением к России они не проиграют, а, напротив, выиграют. Как это сделать?

Осенью 1808 года в Петербурге были приняты делегаты от разных слоев финского общества — дворянства, духовенства, горожан и крестьян. Им была предоставлена возможность

¹ В Финляндии официально два государственных языка — финский и шведский, поэтому населенные пункты имеют два названия — финское и шведское.

высказать свои пожелания относительно будущего Финляндии.

Император тщательно обдумал сказанное. В представлении элиты финского общества Россия была страной не то чтобы совсем дикой и варварской, но недостаточно европейской. Финское дворянство и купечество боялось двух вещей — утраты прав и привилегий, которыми они пользовались, пребывая в составе Швеции, и массового заселения финских земель русскими. Императору нужны были в Финляндии, говоря современным языком, военные базы и отсутствие на ее территории чужого влияния — шведского, французского, британского. Мудрость государя позволила ему понять, что эти интересы не противоречат друг другу.

В представленной на высочайшее имя мемории финляндские делегаты посчитали необходимым подчеркнуть, что они не являются представителями всего народа и в силу этого «не могут войти в суждения, принадлежащие земским чинам, созванным в обыкновенном порядке, предписанном конституцией». В связи с этим делегаты высказали пожелание о созыве «общего собрания земских чинов». Императору идея понравилась, и он дал согласие на созыв сейма.

Почти одновременно с походом русских войск «пешком по морю» к берегам Швеции 10 марта 1809 года в городе Борго начал работу первый в истории Финляндии сейм, на который собрались делегаты от всех провинций и сословий страны. Русский император прибыл на сейм почти без охраны, уже этим шагом выражая доверие к новым подданным. Открывая сейм, он подтвердил, что в стране сохраняются законы и общественное устройство, принятое при шведах. Новые законы могут вводиться только с согласия сейма, Финляндия вошла в состав России на правах автономной территории — Велико-

го княжества Финляндского. На сейме царь дал больше, чем отобрали его войска. Финны не просто не потеряли того, что имели в составе Шведского королевства, но впервые в истории приобрели право самим влиять на собственную судьбу. Создавалась правительственная комиссия для решения текущих вопросов, через два года был создан Финский банк, которому Министерство финансов России предоставило беспроцентный двухмиллионный кредит.

Так было положено начало автономному существованию Финляндии в составе Российской империи, и одновременно началось строительство здания национальной финской государственности¹.

Но русский император не ограничился только политикой, он сумел сделать больше. Приняв клятву верности от делегатов сейма, государь с малым конвоем отправился в тогдашнюю столицу Финляндии — Турку (Або). Он проехал более 100 верст по той самой дороге, где еще недавно финские стрелки нападали из засады на русские колонны. Этот жест окончательно покориł финнов. На въезде в Турку императора встречала триумфальная арка с надписью «Александру I, войска которого покорили страну и кротость которого покорила народ».

Впрочем, император не только демонстрировал смелость на финских дорогах или мудрость на заседаниях сейма. Как полагалось в XIX веке, крупные политические мероприятия сопровождались светскими вечерами, балами и танцами. На этих неформальных раутах Александр Павлович своим добрым нравом и обаянием буквально очаровал финнов, став

¹ В октябре 2009 года монетным двором Финляндии (Ванта) были выпущены памятные монеты «200 лет финскому правительству». Монета номиналом 10 евро отчеканена из серебра 925-й пробы, имеет вес — 38,6 г, диаметр — 25,5 мм. Рисунок для монеты создал художник Рейо Паавилайнен.

на короткое время самым популярным человеком в стране. Очаровал и сам был очарован финской дворянкой Уллой Мёллерсверд. Их знакомство началось с того, что на балу в Борго царь поднял оброненный красавицей веер, а йотом закружился с ней в танце... Роман государя длился недолго, но, как отмечают современные финские историки, эта *«романтическая и любовная история сделала императора для финнов гораздо более известным, чем все политические и военные достижения»*.

На стене собора в Порвоо высечены в камне слова «обещания» русского императора, давшие начало финскому государству. Рядом — небольшая, но выполненная с большим мастерством статуя Александра Павловича. Государь изображен в момент своей знаменитой речи, шляпа снята и чуть отнесена в сторону, правая рука опущена в ораторском жесте.

Но это память официальная. А сохранилось ли что-нибудь от того впечатления, которое Александр Павлович произвел на финнов? Того обаяния, что оказалось сильнее штыков и сабель его армии? Или все это растаяло как дым и живет только на страницах исторических книг?

Идя по улице старого Порвоо, поневоле теряешь ощущение времени. Ведь эти дома и эта мостовая наверняка видели и русского государя, и съехавшихся на сейм делегатов, и очаровательную Уллу Мёллерсверд... И вдруг — на стене черный силуэтный портрет человека в старинном мундире и треуголке. Кто это? Неужели... Да! Размещенный под портретом автограф не даст ошибиться — император Александр I.

Портреты государя оформляют вход в небольшое кафе. Зайдем на минутку. Интерьер заведения выдержан в стиле начала прошлого века. Рекламы, чайные и кофейные коробки, надписи по-русски с ятями. Официантки говорят по-русски с легким акцентом, а в меню — блюда русской традиционной кух-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

ни. Очень уютно. Пожалуй, сам Александр Павлович тоже не отказался бы от чашечки кофе за этим круглым столиком...

В розовом здании бывшей ратуши города сейчас находится музей. В витрине — восковые фигуры, изображающие ту самую сцену: император поднимает оброненной барышней веер. Веер, кстати, подлинный, равно как и шуба с царского плеча, висящая рядом. Такова была сила обаяния и политической мудрости русского царя, что до конца не иссякла и сейчас, спустя два столетия.

Через буквально два года российско-финские отношения подверглись первому испытанию на прочность. Наполеон, готовясь к вторжению в Россию, засылал тайных агентов в Финляндию, в надежде возбудить там восстание народа против «русских оккупантов». Затея полностью провалилась. Более того, в княжестве были сформированы несколько егерских батальонов, общей численностью в 3000 человек. К концу 1812 года они были полностью готовы для участия в боевых действиях. Однако император Александр возложил на них обязанность нести караульную и охранную службу в столице империи Санкт-Петербурге, освободив для участия в боевых действиях гвардейские части.

Среди гвардейских полков был и недавно сформированный из подданных княжества лейб-гвардии Финляндский, прославивший свои знамена на поле славы России в Бородине.

ПРАВЫЙ ФЛАГ ЗАПАДНОГО РУБЕЖА ИМПЕРИИ

Вместе с собственно финскими территориями к России были присоединены и Аландские острова. На мелкомасштабной географической карте они изображаются как архипелаг из

нескольких крупных островов, лежащий примерно посередине между Финляндией и Швецией. И может возникнуть вопрос — что привлекло империю в этих клочках суши? Однако вопрос сразу теряет смысл, если посмотреть на карту крупного масштаба. Дело в том, что между Аландами и финским побережьем тянется архипелаг из множества мелких и средних островков, густо покрывающих море. Этот архипелаг (который в XIX веке назывался Финским архипелагом, а сейчас — архипелагом Турку) тянется от самого Або (Турку), в тот момент столицы Финляндии и крупного порта, до острова Большой Аланд, Расстояния между островами порой столь невелики, что через отдельные проливы перекинуты мосты. Здесь проходит старинная почтовая дорога, которая позволяла всадникам и повозкам с помощью мостов и небольших паромов достигать Аландских островов. Таким образом, Аланды — это крайняя западная точка Финляндии, и оставить в чужих руках ее означало для России оставить на своей территории плацдарм для потенциального вторжения.

После Боргоского сейма 1809 года финское население стало относиться к русским войскам если и не доброжелательно, то, по крайней мере, не враждебно. А что же Аланды? Ведь на островах тогда, как и сегодня, жили шведы. Однако все оказалось даже спокойнее, чем в континентальной Финляндии. Русская власть не изменила привычного образа жизни немногочисленного населения островов, более того, появление русского гарнизона способствовало развитию торговли и вызвало положительное отношение у местного купечества.

О необходимости разместить на Аландах сильный гарнизонный полк писал еще в 1809 году Барклай де Толли, в то время — главнокомандующий русскими войсками в Финляндии. Через два года русское правительство выкупило под раз-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

мещение военного городка деревню Скарпанс¹ и разместило на ее месте гарнизон, численностью до 2000 человек.

Тогда же возникла идея о постройке на островах крепости, которая могла усилить их оборону, в том числе и обеспечить безопасность базирования на острове флотилии береговой обороны.

Проект крепости было поручено составить инженер-полковнику и флигель-адъютанту Ивану Богдановичу Барклаю де Толли — брату прославленного полководца. В 1810 году он предпринял рекогносцировочную поездку по островам и составил подробное описание архипелага. Наилучшим местом для устройства крепости он избрал Бомарзунд — пролив между островами Большой Аланд и Престо. Здесь была удобная бухта для стоянки флота, а береговой рельеф позволял построить сильные укрепления. Тогда же был составлен и первый проект крепости. Он включал в себя несколько передовых позиций и линию береговых батарей.

В 1812 году построили одну «опытную» батарею на острове Гарен, орудия которой располагались в дерево-земляных казематах. Неизвестно, как оценило руководство инженерного корпуса итоги этого опыта, но больше земляных укреплений на Аландах не строили. Батарея простояла до 1847 года, когда была за ветхостью разобрана.

В 1816 году было решено приступить к строительству крепости. Руководить возведением укреплений назначали все того же Ивана Барклая де Толли, получившего к этому времени чин инженер-генерал-майора. Однако к работам так и не при-

¹ В местной краеведческой литературе особенно подчеркивается факт выкупа территории и домов у местных жителей. Войска могли бы занять нужное место по праву завоевателей, но правительство видело в жителях Аландов не противников, а собственных подданных и обращалось с ними соответствующе.

ступили. Причин было две — во-первых, средств в казне после разорительных Наполеоновских войн отчаянно не хватало, а во-вторых, было решено увязать строительство укреплений на Аландах с планами укрепления Финляндии в целом. Для этого в 1817 году был создан Комитет для сочинения проектов долговременных укреплений в Финляндии, или сокращенно — Комитет по финским укреплениям, который возглавил свиты Его Величества генерал-майор Барклай де Толли. Комитет успел составить подробную карту окрестностей Бомарзунда, провести ряд изысканий, обсудить некоторые вопросы и был закрыт в 1819 году вследствие смерти своего начальника.

Очевидно, именно Иван Богданович Барклай де Толли был основным сторонником строительства крепости на Аландах и проявлял наибольшую энергию в этом вопросе.

Тем временем в Скарпансе были достроены здания казарм, штаба и госпиталя, и вокруг гарнизона стал постепенно складываться небольшой городок. Как сообщают путеводители, его руины можно отыскать и в наше время.

К вопросу о сооружении крепости на Аландах вернулись в 1825 году по инициативе генерал-инспектора по инженерной части великого князя Николая Павловича, которому всего через год предстояло стать императором Николаем I. В этот раз решили делать все поэтапно — первоначально на островах предполагалось построить оборонительную казарму, которая потом могла послужить основой для будущих укреплений. На острова был командирован инженер генерал-майор Иван Христианович Трузсон 2-й. Изучив работы предшественников и осмотрев острова, он тоже пришел к выводу о Бомарзунде как оптимальном месте для постройки крепости. Свои предварительные наброски он представил на рассмотрение начальнику Главного штаба Его Величества барону Дибичу. В 1828 году

последовало распоряжение о подготовке нового проекта крепости, который был представлен на рассмотрение государю императору Николаю I в начале следующего года. Государь, будучи военным инженером, рассмотрел представленные чертежи и модель укреплений весьма тщательно и лишь 8 июня 1829 года утвердил проект и отдал распоряжение о начале строительства крепости.

Проект Бомарзунда теперь тесно увязывался с разрабатываемой Инженерным департаментом программой укрепления западных рубежей Российской империи. Наполеоновские войны доказали необходимость укрепления границ, и военные инженеры разработали проект целой системы крепостей. Историк русской фортификации В.В. Яковлев отмечает:

«Главнейшее мероприятие при обороне страны при Николае I (с 1825 г.) состояло в реорганизации западной русской границы постройкой ряда новых крепостей, которые вместе со старыми, усиленными за это же время крепостями образовали три линии. В первой линии, на Висле, были построены крепости: Новогеоргиевск (преобразованный из Модлина), Варшавская Александровская цитадель и Ивангород; во второй линии был построен Брест-Литовск и в третьей были усилены старые крепости — Киев, Бобруйск и Динабург. В этот же период родились также проекты укрепления Гродны и других пунктов».

К числу этих «других» пунктов относился и Бомарзунд. Утвержденный проект крепости включал в себя оборонительную казематированную казарму, игравшую роль цитадели, линию артиллерийских башен (уже не бастioned, но еще не фортов) и центральную ограду полигонального начертания. Часть башен стояла непосредственно на ограде, часть располагалась отдельно и была приспособлена к круговой обороне. Несколько башен должны были располагаться по другую сто-

рону пролива на острове Преста, Всего крепость должна была иметь на вооружении 500 орудий и гарнизон в 5000 человек. Внутри обвода укреплений должен был располагаться город, получивший название Новый Скарпанс.

Кстати, название самой крепости в документах устояться так и не успело. Ее называли и Скарпанс, и Аланд, и Бомарзунд. Последнее название во время Крымской войны использовала пресса (как российская, так и европейская), оно в итоге и закрепились в исторической литературе¹.

Работы на строительстве крепости шли не быстро. Причиной тому были как объективные сложности — работы велись исключительно летом, так и отношение к Бомарзунду как не самому важному объекту. Основные силы и ресурсы инженерного департамента были сосредоточены на западных рубежах империи.

Отчасти это связано и с постепенным изменением политики наиболее вероятного противника крепости — Шведского королевства. В XVII — XVIII веках Швеция имела репутацию одного из наиболее сильных в военном отношении государств севера Европы. Армия воинственных скандинавов принимала активное участие в Тридцатилетней войне, обрушивалась на несчастную Речь Посполитую (в ее истории шведское вторжение осталось как «Потоп»), настолько успешно воевала с Россией, что в русском языке даже возникла поговорка: «С богатым не судитесь, со шведом — не деритесь». В Северной войне Швеция схватилась с альянсом из пяти североевропейских государств и воевала против них 21 год! Да и в XVIII веке

¹ В советское время название крепости часто писали как Бомарсунд (через «с»), исходя из того, что в латинском написании этого шведского названия используется буква S. Однако произношения названия ближе к «з», чем к «с», поэтому в дореволюционной литературе использовалось написание Бомарзунд, которое применяется и в этой книге.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

маленькая Швеция дважды нападала на огромную Россию. Но уже Русско-шведская война 1808—1809 годов показала, что времена воинственности для Стокгольма миновали. Новый король Карл Юхан, основатель династии Бернадотов, в полном соответствии с пожеланиями своего народа, занимал в международных делах политику, близкую к самоизоляции. Поэтому угроза занятия архипелага шведами с каждым годом расценивалась как все менее вероятная.

По злой иронии судьбы первоклассные крепости западной границы — Новогеоргиевск, Ивангород, Брест и т.д. — не видели врагов под своими стенами вплоть до Первой мировой войны, а недостроенный Бомарзунд принял на себя удар неприятеля на полвека раньше.

Население Аландских островов проявило большой интерес к строящейся крепости. Местное купечество радовалось оживлению торговли и охотно селилось на территории Нового Скарпанса. Вместе с крепостными верками рос город, в котором говорили на русском, шведском, финском и еврейском языках, как называют его современные путеводители — первый центр международной торговли в истории архипелага.

В 1832-1842 годах была построена цитадель крепости. Она представляла собой двухэтажную оборонительную казарму, способную вместить в себя 2500 солдат. В казематах, обращенных в сторону моря и побережья, были подготовлены места для размещения 200 орудий. С тыловой, сухопутной части цитадели артиллерийских позиций не было. Здание было построено из особого фортификационного кирпича и снаружи облицовано гранитными плитами шестигранной формы. В горжевой части укрепления располагалась гарнизонная церковь — первый православный храм на Аландах (до нее были лишь походные храмы, расквартированных на островах батальонов).

В 1842—1845 года была построена первая из башен-фортов — башня Z¹ Престе, располагавшаяся на противоположном берегу пролива Бомарзунд на одноименном острове. Башня представляла собой круглое в плане укрепление, с небольшим внутренним двориком, имеющее два яруса казематов для размещения тяжелых орудий и приспособленное для круговой обороны. Она также была построена из кирпича и облицована гранитом.

Круглая форма в то время считалась оптимальной для укреплений, которые должны выдерживать прямой артиллерийский огонь — фортов и береговых батарей. Предполагалось, что неприятельские ядра будут ricochetить и не принесут ущерба стенам. Круглыми в плане были и береговые батареи Севастополя, и форт Александр I в Кронштадте, и знаменитый благодаря телевидению форт Баярд во Франции, и многие другие верки.

В 1845—1848 годах была построена башня U Нотвик, расположенная к северу от цитадели. Ее орудия, вместе с пушками башни Z, контролировали северный вход в пролив Бомарзунд. Укрепление было уязвимо для атаки со стороны суши, но предполагалось, что его оборона с этой стороны будет обеспечена огнем башни F, строительство которой намечалось на северной стороне центральной ограды крепости.

В 1848 году приступили к сооружению башни С Бренн-клинт — единственного укрепления сухопутного фронта крепости, построенного перед войной. Ее артиллерия могла хоть как-то обеспечить прикрытие с тыла цитадели и башни U.

¹ Все укрепления крепости Бомарзунд были названы латинскими буквами, начиная от цитадели — А и заканчивая башней на острове Престе — Z. При этом помимо буквенного обозначения использовались и названия. Укрепление А — цитадель, башня Z - Престе, башня С - Бреннклинт и т.д.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

По окончании строительства этого укрепления, в 1852 году, приступили к постройке башни В и укреплений L и M, которые должны были сформировать южный прибрежный фронт крепости, но эти работы закончить не успели. Помимо укреплений в самой крепости на острове Престе был построен госпиталь, здание которого в дальнейшем тоже предполагалось укрепить.

Как мы видим, для строительства крепости не было сосредоточено таких больших сил, как в Бобруйске. Не было и спешки. Одни и те же люди, построив одно укрепление, переходили к следующему. В порядке строительства укреплений прослеживается некоторая логика — уже построенные верки занимали господствующие высоты и могли худо-бедно прикрывать друг друга огнем, хотя до полноценной связи между ними было еще далеко.

КРЕПОСТЬ ГОТОВИТСЯ К БОЮ

Эта война начала в 1853 году и получила название Восточной, или Крымской. Поводом к ее началу послужил конфликт вокруг контроля над святыми местами в Палестине, а причиной — геополитические противоречия европейских держав в Балканском регионе. Россия стремилась обеспечить контроль над черноморскими проливами (либо не допустить контроля проливов со стороны других держав), французский император Наполеон III мечтал о победоносной войне, которая, с одной стороны, отвлекла бы внимание общества от внутривосточных проблем, а с другой — стала бы реваншем за поражение от России в войнах его дядюшки; Британия считала необходимым противостоять усилению России и получению ею свободного доступа в Средиземноморье. Для слабеющей Османской им-

перии открывался редкий шанс нанести поражение своему главному противнику чужими руками. Христиане, на радость туркам, готовились к большой войне друг с другом.

События развивались стремительно:

В феврале 1853 года в Стамбул прибывает российское посольство во главе с князем Меншиковым. Россия требует признание прав Греческой церкви на святые места в Палестине и напоминает о своих правах как покровителя христиан Османской империи.

В марте 1853 года в Эгейское море направляется французская эскадра.

В апреле 1853 года османское правительство подтверждает права Элладской церкви на святые места, но отказывается рассматривать Россию как протектора христианских подданных султана. Одновременно Османская империя получает дипломатическую поддержку Великобритании.

Это был ключевой момент кризиса. Удовлетворение требований России о святых местах позволяло империи отказаться от дальнейшего конфликта, сохранив лицо и потерпев лишь дипломатическое поражение. Но это означало отказаться от планов распространения русского влияния на Балканы и предательство интересов балканских христиан.

Поэтому Российская империя разрывает дипломатические отношения с Оттоманской Портой и вводит войска в так называемые Дунайские княжества — Молдавию и Валахию (нынешнюю Румынию). По итогам прошлой русско-турецкой войны Россия имела право на такое действие, но никогда им не пользовалась. В ответ на переход русских войск через Дунай британская средиземноморская эскадра сосредоточивается в Эгейском море.

В Вене происходит международная конференция с участием представителей Великобритании, Австрии, Пруссии и

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Франции, которая обсуждает ситуацию. Среди правящих кругов европейских государств были не только сторонники войны с Россией, но и те, кто в этой войне смысла не видел, а видел большие риски. В итоге конференция выработала ноту, условия которой позволяли России и Османской империи выйти из конфликта без боевых действий и серьезного репутационного ущерба. В документе России предлагалось вывести войска из Дунайских княжеств, а Турции — признать за ней право на покровительство православным христианам.

Император Николай I принял условия венской ноты, но султан Абдул-Меджид отказался ее принять, не желая упускать случай вести войну против России руками западных держав. Если бы в элитах присутствовал бы консенсус по поводу нежелательности войны с Россией, то на Стамбул было бы оказано соответствующее давление, но такого согласия не было, и турки получили редкую возможность натравить христиан друг на друга.

27 сентября 1853 года Порта предъявила России ультиматум, требуя очистить Дунайские княжества в двухнедельный срок. Не дожидаясь ответа с русской стороны, турецкие войска начинают обстреливать аванпосты дунайской армии. 4 ноября Оттоманская Порта объявляет войну России.

Успешные действия русской армии и флота (в частности, уничтожение турецкого черноморского флота в сражении при Синопе) заставили Порту обратиться к западным союзникам с просьбой выполнить свои обещания о помощи. В начале 1854 года соединенная англо-французская эскадра вошла в Черное море. 17 января Наполеон III предъявил России ультиматум с требованием вывести войска из Дунайских княжеств и вступить в мирные переговоры с султаном. После отклонения

ультиматума, 15 марта 1854 года, Англия и Франция совместно объявили России войну,

Стратеги союзников планировали нанести главный удар на южном театре военных действий, но для того, чтобы скрыть свои подлинные намерения и заставить русское командование рассредоточить силы, было решено, используя господство на море, атаковать побережье России весьма далеко от турецких рубежей.

Поэтому еще до объявления войны, весной 1854 года, в Англии и Франции началось формирование сил для удара по русским рубежам на Балтике,

К началу марта на Спидхэдском рейде уже была сосредоточена могущественная эскадра из 10 винтовых кораблей, 15 винтовых фрегатов и корветов, 7 парусных кораблей и 17 пароходо-фрегатов и пароходов, вооруженных 2344 орудиями. Большая и лучшая часть французского флота была отправлена в Черное море, но император Наполеон не хотел отставать от своих союзников и в Балтийском море, а потому в течение зимы были приложены невероятные усилия для формирования третьей, Балтийской, эскадры. В нее вошел только один винтовой стопушечный корабль «Аустерлиц» и 7 мелких паровых судов; кроме того, было 8 парусных кораблей и 7 фрегатов. Эскадра эта была вооружена 1249 орудиями, и на ней находилось около 4000 морской пехоты. Командовал эскадрой вице-адмирал Парсеваль-Дешен. Общее командование экспедицией принял на себя английский адмирал Чарльз Непир, *«имевший в обществе репутацию отважного, энергичного моряка, но находившийся в самых натянутых отношениях с Адмиралтейством»*. Соединенная эскадра уступала по численности кораблей и орудий русскому Балтийскому флоту, но имела значительное преимущество в числе паровых судов, а это, в свою очередь, да-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

вало ей колоссальные тактические возможности по сравнению с чисто парусным флотом.

Когда кризис в отношениях с Османской империей перерос в конфронтацию с европейскими державами, недостроенная крепость Бомарзунд была переведена на военное положение. Для усиления ее гарнизона в срочном порядке перебросили 139 крепостных орудий, которые разместили на уже построенных укреплениях.

ГАРНИЗОН КРЕПОСТИ СОСТОЯЛ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ЧАСТЕЙ

Название	Численность
Инженерная команда	20
10-й Финляндский линейный батальон	965
Гренадерский стрелковый батальон	389
Артиллерийский гарнизон	180
Казачи (отряд 28-го Донского казачьего полка)	38
Военно-рабочая рота	178
Инвалидная команда*	112
Арестантская рота	102
Всего	1984

Десятый Финляндский линейный батальон был обычной регулярной частью русской пехоты и входил в состав расквартированной в Финляндии 21-й пехотной дивизии. Историки отмечают, что в его составе присутствовал значительный процент ссыльных и штрафных людей. По-видимому, эта часть, находящаяся в самом дальнем гарнизоне, использовалась в 21-й дивизии как штрафная.

* Инвалидная команда — подразделение для караульной службы, сформированное из солдат, выслуживших свой срок или уволенных в отставку.

Две роты гренадерского стрелкового батальона были наиболее боеспособными частями гарнизона. Эта элитная часть финской армии была сформирована в 1846 году из уроженцев Великого княжества Финляндского. Входила в состав элитного Гренадерского корпуса русской армии. Финские стрелки считались лучшими по меткости в империи. Рассказывают, что как-то раз во время проведения высочайшего смотра император Николай I приказал передвинуть мишени для стрельбы на расстояние в два раза большее, чем полагалось по уставу. После этого государь пообещал 10 рублей награды каждому солдату, поразившему мишень. Финские стрелки зарядили ружья и по командам своих офицеров открыли огонь. Вечером этого дня, подписывая распоряжение о выдаче 10 тысяч рублей наградных (ни один из 1000 солдат не дал промаха), Николай Павлович обратился к выстроенному во фронт батальону: «Хорошо наказали! Молодцы!» «Рады стараться, ваше высочество!»¹ — ответили финны.

Ста восьмидесяти кадровых артиллеристов было, без сомнения, мало для того, чтобы обслуживать все орудия, имевшиеся в крепости. Поэтому в качестве прислуги использовали солдат линейного батальона и других частей.

Немногочисленные казаки были задействованы для патрулирования острова и в качестве посыльных.

Всего строевых солдат в крепости насчитывалось около 1600 человек.

Около 150 местных добровольцев (как их тогда называли «охотники») из числа жителей Аландского архипелага взяли в руки оружие и вступили в ряды гарнизона. Они не имели военной подготовки, но все были меткими стрелками.

¹ В финской армии обращение к государю было не ваше императорское величество (как в русских полках), а «ваше высочество», так как для финнов он был великий князь Финляндский.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Командовать обороной архипелага был назначен полковник артиллерии Яков Андреевич Бодиско. В молодости он принимал участие в Заграничных походах русской армии 1813 и 1814 годов, но с тех пор не воевал. Имел репутацию хорошего знатока своего дела, но не слишком энергичного командира¹.

Под его руководством крепость начала готовиться к бою. Цитадель была вооружена 68 орудиями (28 двадцатичетырехфунтовыми и 17 двенадцатифунтовыми пушками и 23 пудовым и единорогами); башня *C*— 16 двенадцатифунтовыми пушками, а башни *U* и *Z* каждая 18 орудиями (2 тридцатидвухфунтовыми и 12 восемнадцатифунтовыми пушками в казематах и 4 пудовыми единорогами на верхней платформе).

Если сравнить размещение артиллерии с возможностями укреплений, то видно, что они использованы далеко не полностью. Так, в цитадели можно поставить 115 орудий, а реально поставили в два раза меньше. 19 орудий из числа присланных на укрепления поставлены не были. Часть из них использовалась для вооружения временной батареи, поставленной на месте недостроенных укреплений *L* и *M*. Для остальных попросту не хватило расчетов.

Для того чтобы компенсировать недостроенное состояние укреплений и обеспечить в этих условиях надежную защиту крепости, ее гарнизон должен был быть не меньше, а значительно больше предусмотренного штатным расписанием (5500 человек). Сильный гарнизон смог бы быстро построить полевые укрепления, включая сухопутные батареи, и опираясь на немногие долговременные форты уверенно вести боевые

¹ Яков Андреевич был потомственным военным. Всего род Бодиско дал Российской императорской армии 7 генералов и более полутора десятков офицеров.

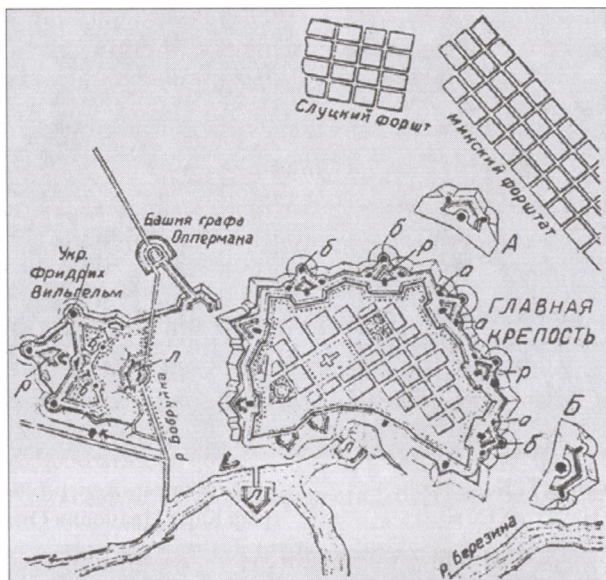
действия. Именно так через полгода будет обстоять дело в Севастополе, где полевые укрепления и артиллерия сделают оборону города долговременной и устойчивой. Но Севастополь никогда не терял связи с остальной Россией, а снабжать крупный гарнизон в Бомарзунде было бы весьма сложно в условиях господства на море британского флота.

Имеющийся же гарнизон позволял крепости отбиться от случайного налета, не быть захваченной корабельным десантом, но был совершенно недостаточен, если неприятель предпримет специальную операцию против Бомарзунда, задействовав крупные сухопутные силы, тогда шансов у крепости нет.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Эскадра адмирала Немира, прибыв на Балтику, оказалась в несколько затруднительном положении. Осознавая преимущество союзников в паровых кораблях, русский флот укрылся в хорошо укрепленных гаванях и в море не показывался. Попытки атаковать сильные морские крепости Кронштадт и Свеаборг обернулись полным провалом — артиллерия кораблей была бессильна против мощных фортов. Вдобавок у Кронштадта британские корабли наткнулись на морские мины, — «в конец отсталая Россия» была первым государством, использовавшим это грозное и современное оружие.

Между тем британская и французская публика ждали от действий союзной эскадры громкого успеха. Этого же ждало от Немира и Адмиралтейство, резонно полагая, что только крупное поражение заставит русских усилить группировку войск в Балтийском регионе, отвлекая тем самым силы от южного, главное театра военных действий.

Крепость Бобруйск после достройки в 1825 году

Военный губернатор Бобруйска
в 1812 году генерал-майор
Гавриил Алексеевич Игнатьев

Командир второго резервного
корпуса генерал-лейтенант
Федор Федорович Эртель

Император Александр I.
Художник Г. Кюгельхен.
Начало XIX в.

Автор проекта Бобруйской
крепости инженер-генерал
граф Карл Иванович Опперман

Укрепления Бобруйской крепости. Аэрофотосъемка начала XX в.

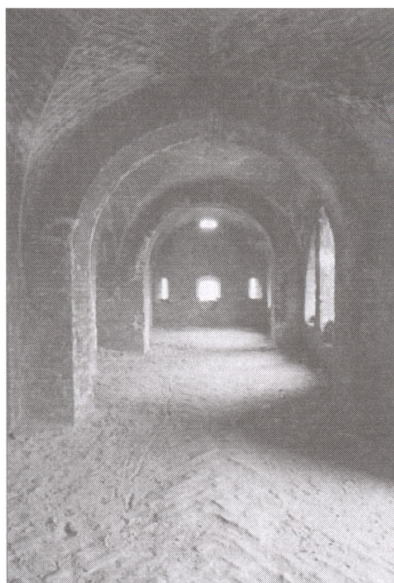
Минские ворота крепости
(с открытки начала XX в.)

Развалины Минских ворот
(современное фото автора)

Редюит северного фронта крепости (современное фото автора)

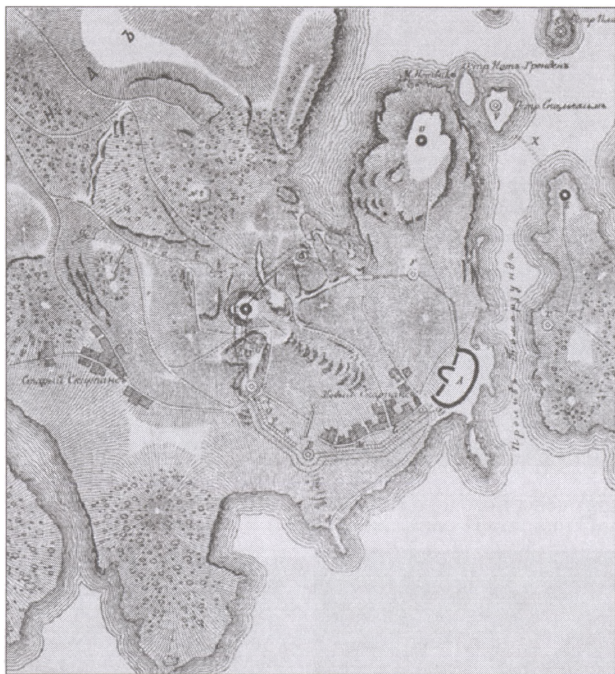
В казематах крепости
(современное фото автора)

Пороховой склад -
один из немногих живых
свидетелей событий 1812 года
(современное фото автора)

Каменные одежды рвов
Бобруйской крепости
(современное фото автора)

План крепости Бомарзунд

Главный форт крепости Бомарзунд и башня Z (Престе)

Бомарзунд ведет бой. На гравюре изображен один из критических моментов осады - взрыв башни С

Неприятельские солдаты выдвигаются в тыл главному укреплению

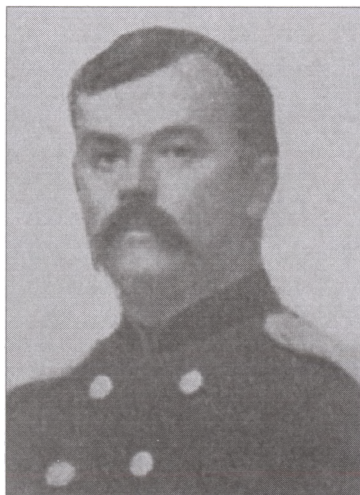
Комендант Бомарзунда
генерал-майор Бодиско

Командир башни С (Бренклинг)
инженер-капитан фон Теше

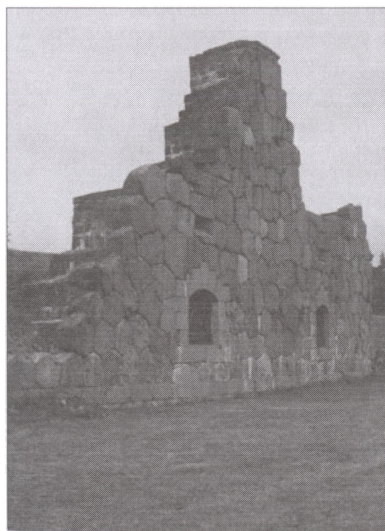
Командир башни U (Ноттвик)
поручик Зверев

Командир башни Z (Престе)
поручик Шателен

Солдаты бомарзундского гарнизона в плену

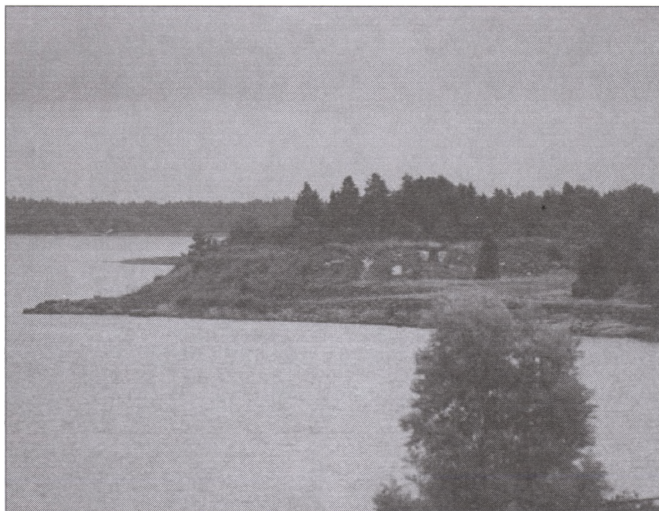
Руины центрального
укрепления Бомарзунда
(современное фото автора)

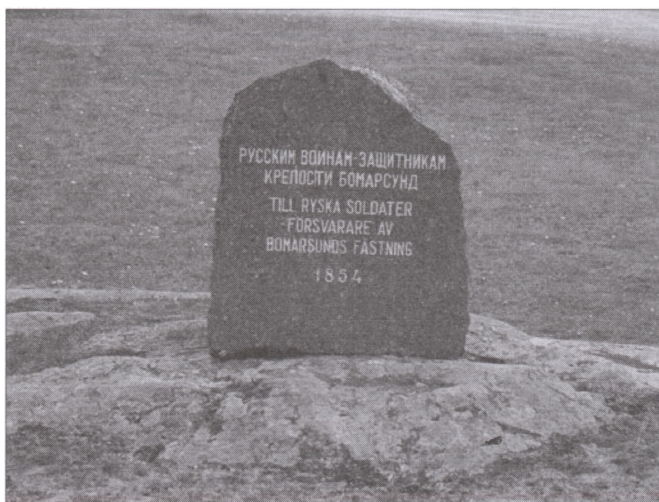
Пушки крепости Бомарзунд
(современное фото автора)

Следы попаданий вражеских ядер
на стене центрального укрепления
(современное фото автора)

Руины башни Z (Преете) (современное фото автора)

Памятник гарнизону Бомарзунда (современное фото автора)

Карта театра военных действий во время Русско-японской войны

Начальник Квантунского
укрепленного района
генерал-адъютант
Анатолий Михайлович Стессель

Начальник Квантунской
крепостной артиллерии
генерал-майор
Василий Федорович Белый

Порт-Артур. Общий вид гавани и док

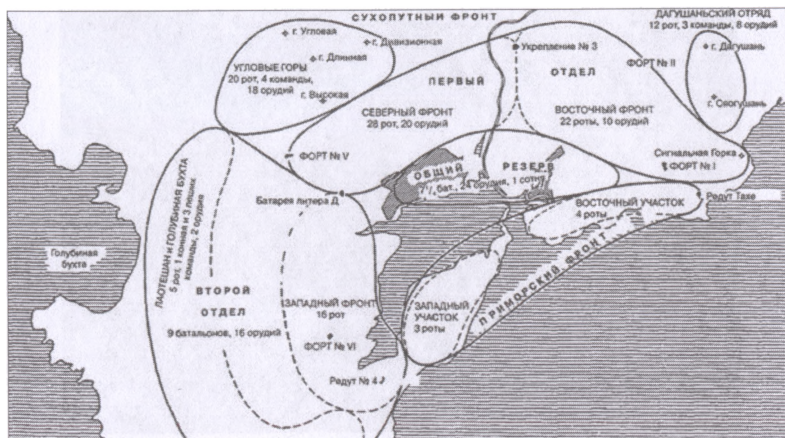
Панорамы Порт-Артура

Начальник 4-й Восточно-сибирской стрелковой дивизии,
генерал-лейтенант
Александр Викторович Фок

Начальник 7-й Восточносибирской
стрелковой дивизии,
начальник сухопутной обороны
Порт-Артура генерал-лейтенант
Роман Исидорович Кондратенко

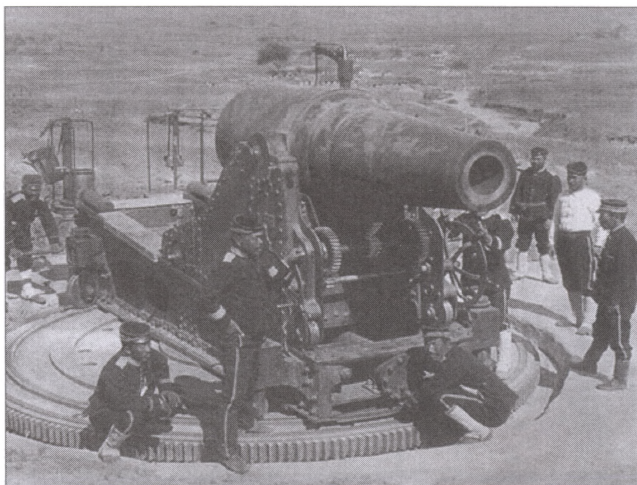
Организация сухопутной обороны Порт-Артура
на момент начала осады крепости

Флагманский корабль контр-адмирала Витгефта
«Цесаревич» в гавани Порт-Артура

Генералы Стессель, Фок и Кондратенко на командном пункте

Убийцы Порт-Артура - японские 280-мм
осадные гаубицы на позиции

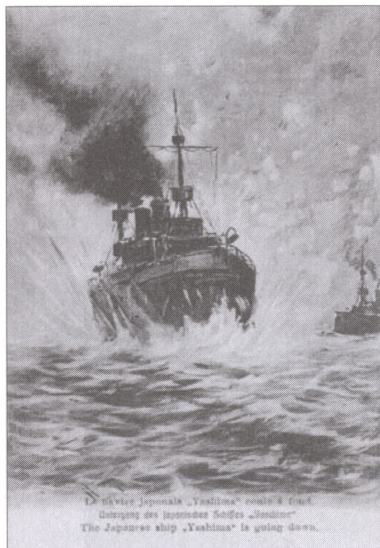
Дома города, разрушенные японским обстрелом

Защитники форта № 2

Гибель генерала Кондратенко

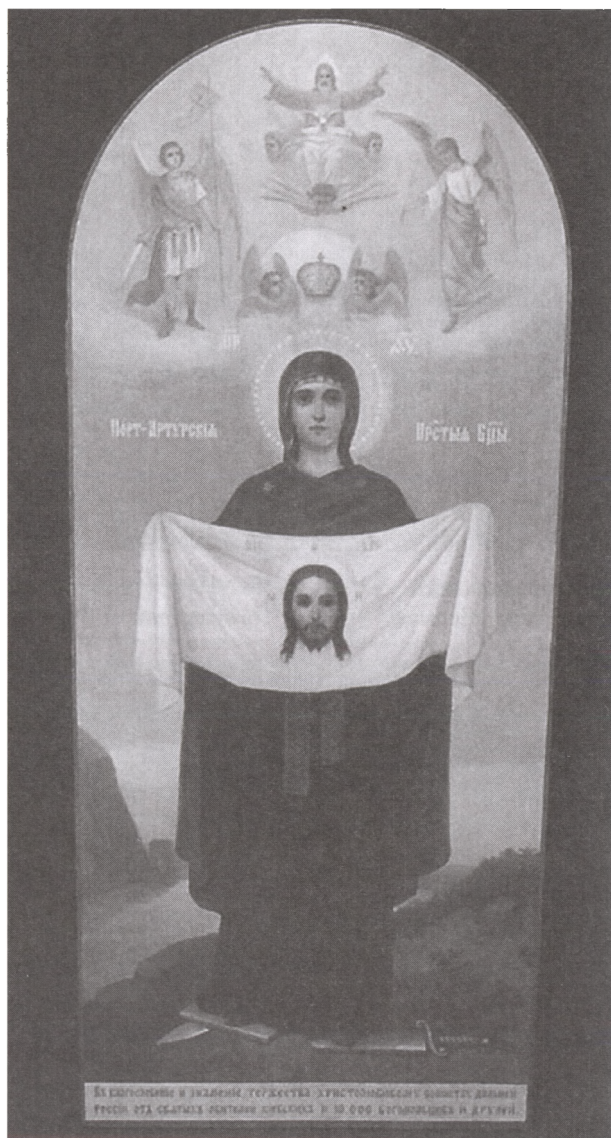
Гибель японского
 броненосца «Ясима»

На форте
 в осажденном Порт-Артуре

Внутренние помещения форта №2 после обстрела

Образ Божией Матери Порт-Артурской

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Среди задач, стоявших перед английским адмиралом, было и стимулирование Швеции к вступлению в войну на стороне союзников против России. В качестве приза Великобритании великодушно соглашалась передать северному королевству Финляндию, утерянную почти за полвека до этого. Примечательно, что сторонники «принципа справедливости» и не подумали поинтересоваться у финнов, желают ли они сами сменить своего сюзерена. Поэтому британский командующий отправил в незащищенный Ботнический залив отряд кораблей под командой адмирала Плумриджа, который занялся «истреблением торговли», или, по-простому говоря, пиратством. Всего добычей англичан стали 46 судов (в основном рыбацких и мелких каботажных шхун). Им также удалось разорить несколько прибрежных селений. Однако когда «просвещенные мореплаватели» напали на маленький городок Гале-Карлебю, где имелся небольшой гарнизон, то потерпели поражение. Согласно официальным документам, *«англичане отступили в полном беспорядке, потеряв баркас, флаг, орудие и 54 человека убитыми, 28 пленными и 21 ранеными»*. В обороне города помимо русских регулярных войск — солдат Выборгской крепостной артиллерии и 12-го Финляндского линейного батальона — принимали участие и более сотни местных ополченцев, видимо, не желавших «освобождения» родного города британскими морскими пехотинцами.

Союзникам нужен был успех, поэтому эскадра решила предпринять решительную атаку против Аландских островов и крепости Бомарзунд. Выбирая эту цель, адмирал Непир рассчитывал решить сразу несколько проблем.

Во-первых, строительство крепости на Аландских островах вызывало недовольство Великобритании еще в 30-х годах.

«Владычица морей» не желала видеть новую базу российского флота в Ботническом заливе.

Во-вторых, захваченные Аланды предполагалось передать под контроль Швеции и тем самым спровоцировать ее на войну с Россией.

В-третьих, эскадре Непира нужна была громкая победа, чтобы успокоить общественное мнение Англии и Европы в целом. А Бомарзунд, известный английской публике уже более 20 лет, неплохо подходил для этого.

Начиная с мая 1854 года британские корабли начали вести разведку у островов. Захваченные экипажи рыбацких и мелких каботажных судов допрашивались в том числе и о состоянии крепостных укреплений и численности гарнизона. Собрав необходимые сведения и утратив надежду побудить Швецию принять участие в войне, английский адмирал решил проверить оборону крепости на прочность.

9 июня 1854 года паровой корвет «Гекла» под командованием коммодора Халля в сопровождении двух пароходофрегатов подошел к островам. Всего на британских судах было 96 орудий. Корабли подошли к крепости с южной стороны и подвергли обстрелу цитадель. Ее орудия не отвечали. Британцы сместились ближе и попали под огонь временной батареи, сооруженной на месте укреплений L и M. Помимо пушек с берега вели огонь и финские стрелки из гренадерского стрелкового батальона. Перестрелка продолжалась почти три часа, после чего батарея была повреждена и орудия прекратили огонь. По приказу командовавшего здесь подполковника Фуругельма артиллеристы отошли в форт. Уверенные в победе британцы приблизились к центральному укреплению и попали под меткий и точный огонь его орудий. Пожар на одном из фрегатов, подбитая корма другого судна и раздробленное колесо парохода

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

заставили неприятеля удалиться, не причинив форту никакого существенного вреда.

Всего, по данным союзников, по крепости было выпущено более 2000 снарядов и ракет. Потери на кораблях составили около 15 человек убитыми и ранеными. Защитники крепости потеряли 4 человека убитыми и 15 ранеными.

На рапорте командующего войсками в Финляндии с описанием событий, государь император написал — «Опубликовать в газетах, дело хорошее, всему гарнизону по 1 рублю серебром». Полковник Бодиско был произведен в генерал-майоры, подполковник Фуругельм — в полковники, штабс-капитан фон Теше — в инженер-капитаны, капитан Краузольд был удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени с мечами. Наиболее отличившимся солдатам были розданы знаки отличия Военного ордена (Георгиевские кресты).

В крепость через английскую блокаду дважды пробирался ротмистр Н.В. Шеншин, заслуживший этим поступком звание флигель-адъютанта. Первый раз он побывал в крепости в начале июля, а второй — в 20-х числа, доставив гарнизону награды и приказ о высочайшем благоволении.

В это время британские корабли постоянно появлялись в виду укреплений и обменивались с ними выстрелами.

С 10 по 27 июля союзный флот вел тесную блокаду Бомарзунда, полностью прервав сообщение крепости с внешним миром. Тем временем на английских транспортных судах из Булонского лагеря на Балтику спешно перевозилась французская пехотная дивизия под командование генерала Бараге д'Иллье, численностью в 12 тысяч солдат и офицеров. Она должна была составить ударную силу при осаде крепости.

Русское военное командование объективно оценивало возможности обороны крепости. Военный министр князь

В, Долгоруков писал: *«Моя мысль — защита Аланда не может продлиться долго, так как крепость недостаточно прочна, гарнизон малочислен, а неприятель очень силен. Мы не можем рассчитывать на тот успех, который желали иметь. Взятие Аланда, мне кажется, составляет цель кампании этого года».*

Побывавший в крепости накануне ее осады ротмистр Шеншин в письме графу Орлову так описывал ситуацию вокруг нее:

«Бедный гарнизон Аланда выдерживает, быть может, последний натиск; погибнет он с честью. То, что для него были батареи, тем ему суждено быть для России, сначала полезная, хотя и временная защита, потом неизбежная жертва. При всей слабости недоконченных укреплений, Аланд в продолжение месяца сосредоточил на себе внимание двух соединенных флотов и тем принес пользу Отечеству».

Император Николай I тоже не испытывал иллюзий относительно возможности Бомарзунда сопротивляться атакам союзников:

«Долее 10 дней настоящей атаки не думаю, чтобы форт мог выдержать. Вероятно, придется зимой нам брать его обратно».

КРЕПОСТЬ ПРИНИМАЕТ БОЙ

Перед началом боевых действий англичане попытались воспользоваться осадной технологией, известной еще с античных времен. Еще отец Александра Великого македонский царь Филипп говорил: «Осел, нагруженный золотом, возьмет любой город». Адмирал Непир через захваченных на островах чинов-

ников финской таможни попытался прощупать настроение гарнизона на предмет готовности к сдаче. Особые надежды он возлагал на финских стрелков полковника Фуругельма — не перейдут ли они на сторону союзников? По-видимому, рассуждения британской прессы о страдающих под русским колониальным гнетом финнах не прошли мимо союзного командующего. Однако даже предварительные беседы лишили англичан всякой надежды на такую возможность. Делать было нечего, надо было воевать всерьез.

Гарнизон крепости также знал о готовящейся высадке союзников на острова. По приказу генерала Бодиско временные батареи и небольшие полевые укрепления были оставлены, так как не было никакой возможности защищать их от многочисленной пехоты противника. Были также сожжены постройки Старого Скарпанса и госпиталя на острове Престе. Центрами сопротивления должны были стать уже построенные укрепления крепости.

27 июля французы и англичане начали высадку на остров. Ударную силу союзников составляла французская пехотная дивизия генерала Бараге д'Илльс (12 тысяч солдат и 18 полевых орудий), в помощь которой на берег сошли 3000 морских пехотинцев (из них 900 англичан), а также инженерная команда и несколько тяжелых орудий с расчетами из матросов. Всего союзники высадили на острова более 15 тысяч человек, т. е. добились почти десятикратного перевеса в силе над гарнизоном крепости.

Высадка этой массы войск продолжалась вплоть до 29 июля. Согласно выработанной диспозиции, англичане должны были наступать на левом фланге (где русских укреплений не было), французы — в центре, а флот — действовать на месте правого фланга.

Первой целью атаки союзников стала башня С (Бренн-клинт), прикрывавшая подступы к центральному форту с запада. Удачно расположенная на господствующей высоте, она могла помешать десанту выйти к центральному форту с суши. Укрепление было вооружено 16 орудиями, гарнизон составляли 140 человек во главе с инженер-капитаном фон Теше. Первая попытка взять башню внезапной атакой была отражена метким огнем, и французы приступили к правильной осаде.

Поставленные в непосредственной близости от башни батареи тяжелых орудий, свезенных с кораблей, обрушили на укрепление ураган огня. Три дня продолжался этот обстрел. Огонь русских орудий наносил осаждающим чувствительные потери. К исходу 1 августа стены и своды укрепления были приведены в такое состояние, что в любую минуту могли рухнуть. Раненый комендант приказал большей части гарнизона покинуть укрепление, а сам во главе 30 солдат стал готовить его к уничтожению. Утром следующего дня французы ворвались в башню, перебив и пленив последних из ее защитников. Увидев на укреплении трехцветные флаги, орудия центрального форта открыли по нему огонь. Бомба из мортиры угодила в пороховой погреб устраиваемой французами осадной батареи. Взрыв уничтожил башню вместе с захватчиками¹.

Пока продолжались бои вокруг башни С, союзная эскадра подвергла центральный форт массированному обстрелу. Русские отвечали, и не без успеха. 28 июля английский паровой

¹ К сожалению, автору не удалось узнать каких-либо сведений о личности и дальнейшей судьбе инженер-капитана фон Теше, столь доблестно руководившего обороной башни Бренн-клинт. Возможно, он приходился сыном военному инженеру генерал-майору Карлу Ефимовичу фон Теше, бывшему во время Крымской войны командиром Лифляндского инженерного округа. Известно только, что он пережил плен и в 1865 году в чине инженер-подполковника занимал должность заведующего управлением воинскими зданиями в Финляндии вне крепостей.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

фрегат «Пенелопа», уклоняясь от огня, сошел с фарватера и сел на мель в 800 саженях от форта. Незавидное положение корабля усугублял огонь русских орудий (после боя во фрегате насчитали 9 больших и множество мелких пробоин). Сняться с мели «Пенелопе» удалось, только выбросив за борт собственные орудия. Как отмечал русский офицер, *«если бы орудия наши имели больший калибр, то пароход “Пенелопа” неминуемо должен был бы погибнуть»*.

После взятия башни С осаждающие сосредоточили свои усилия на башне U (Нотвик). Ее гарнизон состоял из 180 человек иод командой поручика Якова Зверева.

Большая часть из установленных в ней 18 орудий была обращена в сторону моря, а после взятия соседнего укрепления союзники получили возможность атаковать башню с суши. Они обстреливали башню с расстояния в 900 шагов из двух английских батарей — открытой пушечной, вооруженной шестью 32-фунтовыми орудиями, и маскированной мортирной. Вели огонь и корабли, но огонь их не приносил никакого вреда. Стрельба же с суши оказалась весьма эффективной. В стенах башни появилась огромная брешь, все орудия были выведены из строя, боеприпасы кончились. Вечером 3 августа, не имея возможности пробиться к главному форту, гарнизон выбросил белый флаг. Адмирал Непир выразил свое удивление при встрече с поручиком Зверевым, спросив его на немецком языке: «Как вы могли столь долго держаться против огня нашей батареи?» Офицерам башни были оставлены шпаги, раненым оказана медицинская помощь.

Теперь все усилия осаждающих были сосредоточены на цитадели. 3 августа, салютуя дню рождения императора Наполеона III, союзная эскадра и батареи подвергли форт обстрелу из 800 тяжелых орудий. Ядра и бомбы снесли кровлю здания.

Загоревшиеся стропила и балки тушили арестанты (перед осадой их перевели из острога в форт, а потом освободили и од честное слово), своей храбростью состязавшиеся с солдатами, как скажет потом очевидец.

Три корабля союзников принялись обстреливать последнее внешнее укрепление Бомарзунда — башню Z (Престе). Но без особого успеха. Укрепление располагалось узким мысом острова Престе, и гарнизон, состоявший из 141 человека под командованием поручика Шателена, успешно отбивал все атаки на перешеек. Попытка высадить десант непосредственно на мыс также была отражена защитниками.

4 августа французы установили против горжевой части форта батареи тяжелых орудий и начали пробивать брешь в его стенах. На укрепление обрушились мортирные бомбы. Положение осажденных стало безнадежным. В час дня, по решению созванного им военного совета, генерал-майор Бодиско приказал поднять белый флаг.

Несмотря на всю тяжесть шестидневного непрерывного обстрела и всю трудность своего положения, многие солдаты гарнизона не хотели складывать оружие. Комендант был вынужден усилить караул возле пороховых погребов, так как отдельные солдаты порывались *«взорвать себя и форт, но не сдаваться на милость неприятеля»*. Офицеры 10-го Финляндского линейного батальона уничтожили знамя части, чтобы оно не досталось врагу. Многие финские стрелки ломали свои ружья или бросали их в колодец.

Французский генерал Бараге д'Иллье принял капитуляцию и из уважения к мужеству защитников крепости оставил офицерам их шпаги.

Последним центром сопротивления Бомарзунда осталась башня Z. Ее малочисленный гарнизон и не помышлял о сдаче,

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

несмотря на интенсивный обстрел с моря и сосредоточение на острове отряда французской пехоты в 3000 человек. Однако положение маленького укрепления было безнадежным, и генерал Бодиско отправил его командиру приказ о сдаче. Получивший, поручик Шателен вступил в переговоры с неприятелем и сдался, оговорив ряд условий, которые были приняты союзниками, — офицерам башни было сохранено личное оружие, и сам гарнизон должен был находиться в плену вместе.

В ночь после сдачи крепости около сотни русских солдат и финских стрелков, проложив себе путь оружием, достигли берега, где захватили несколько лодок. Часть из них направилась в сторону нейтральной Швеции, часть, обойдя британскую эскадру, сумели добраться до Або. Именно от них русский командующий в Финляндии узнал о падении крепости.

Остальные солдаты и офицеры гарнизона были вывезены в Англию, где некоторые из них пали жертвой эпидемии холеры. В 1860-х годах на средства государя императора Александра II в городке Луис (графство Суссекс) был поставлен небольшой памятник, который сохранился до нашего времени.

Потери русских войск при обороне крепости составили 56 убитыми и 36 ранеными (некоторые авторы приводят общую цифру потерь в 150 человек), потери интервентов оказались значительно больше. Англичане потеряли около 15 человек убитыми (главным образом на кораблях) и вдвое больше ранеными. Потери французов составили, по разным оценкам, от 200 до 600 человек. Если вспомнить, что взятие крепости нужно было в первую очередь англичанам, и посмотреть на потери, то сразу становится понятно, кто для кого таскал каштаны из огня в этой войне.

Союзная пресса подавала взятие Бомарзунда как грандиозную победу, хотя английское общественное мнение было

разочаровано столь малым результатом деятельности эскадры Непира. Одна из британских газет посвятила адмиралу критическую статью под заголовком «Пришел, увидел и не победил». Французы, впрочем, не испытывали подобных сомнений. Император Наполеон III за взятие недостроенной крепости произвел генерала Бараге д'Иллье в маршалы Франции.

Государь император Николай I, узнав о падении Бомарзунда, писал князю Меншикову : *«Аланд пал с честью после упорной обороны; подробности доходят к нам только от неприятелей и сколько из описаний их заключить можно, то долг исполнен по возможности»*.

ПОСЛЕ БОЯ

Захватив крепость, союзники направили в Стокгольм пароход с предложением шведскому правительству принять Аландские острова под свою власть. Одновременно они вошли в сношения с комендантом крепости Або и предложили ему организовать эвакуацию семей гарнизона. Русский пароход «Летучий» под белым флагом подошел к острову и принял на борт эвакуированных. Именно тогда русское командование получило возможность узнать первые подробности об обороне крепости.

Шведское правительство отказалось принять английский подарок. В Стокгольме хорошо понимали, что это означает войну с Россией, причем войну, которую в течение зимы придется вести один на один, без поддержки союзников. Там не забыли событий 1809 года и не испытывали иллюзий по поводу настроений финнов. Поэтому британское предложение оставили без ответа.

Командование союзной эскадры рассматривало возможность оставить в уцелевших укреплениях гарнизон, но отказалось от этой идеи. С наступлением холодов и в связи замерзанием Ботнического залива гарнизон был бы лишен всякой поддержки флота и вынужден принять бой с превосходящими силами русских. Поэтому укрепления крепости были взорваны, а союзная эскадра убралась восвояси. Уже в сентябре 1854 года на Аланды вернулась русская администрация.

По условиям Парижского мирного трактата 1856 года Аландские острова были объявлены демилитаризованной зоной. Здесь запрещались строительство укреплений, базирование военных кораблей, дислокация войск. Любопытно, что один из пунктов договора запрещал населению иметь стрелковое оружие (кроме полиции). Крепко же запомнили интервенты меткие пули аландских стрелков!

Так как согласно статье Положения о крепостях сдача укреплений, не имеющих брешей в стенах и не отразивших ни одного приступа, считалась преступной и за такую сдачу комендант укрепления подлежал смертной казни, то генерал-майора Бодиско и офицеров Бомарзундской крепости по возвращении из плена ждал военный суд. Следствие вела высочайше учрежденная комиссия, обосновавшаяся в Гельсингфорсе. В ходе следствия были допрошены все офицеры и чиновники Аландского гарнизона, некоторые солдаты и стрелки. Проведены очные ставки и выяснены все подробности обороны и капитуляции.

Тщательно расследовав дело, комиссия пришла к следующим выводам:

«— участь, постигшая Аландские укрепления, была неизбежна, так как верки крепости не были достроены и лишь в

некоторых частях представляли крайне незначительную совокупную оборону;

— десант, наступавший с сухого пути, в шестеро превосходил число войск, находившихся в укреплениях;

— вне крепости гарнизон действовать не мог;

— хотя гарнизон и мог еще сопротивляться лишь самое короткое время, но это бездейственное сопротивление его имело бы последствием совершенное истребление гарнизона без всякого вреда неприятелю.

Из всего этого следует, что сдача Аландских укреплений одним днем раньше, по местному их положению, не могла причинить государству никакого вреда, между тем как сдача одним днем позже могла нести вред бесполезным истреблением нескольких сотен храбрых верноподданных Государю воинов.

По означенным причинам следственная комиссия признала, что генерал-майор Бодиско, употребив всевозможные от него зависящие средства продолжительнейшей защиты, сдал укрепления только вследствие крайней необходимости и что все гг. штабе и обер-офицеры, как равно и нижние чины, составлявшие гарнизон, исполнили свои обязанности по долгу и чести присяги.

Государь император Александр II согласился с решением комиссии и освободил от ответственности коменданта и офицеров крепости. Впрочем, сам генерал-майор Бодиско по окончании дела подал в отставку и более на службу не возвращался. Он умер в весьма преклонном возрасте в 1876 году.

ПАМЯТЬ

Как уже говорилось выше, в России нет ни одного памятника или памятного знака защитникам крепости Бомарзунд.

Так что для того чтобы воздать им долг памяти, придется ехать в Финляндию. Благо это совсем не сложно. После падения советского режима отношения между государствами заметно улучшились. Каждый год финскую границу пересекают миллионы граждан Российской Федерации с самыми разными целями — от деловых поездок до банального шопинга.

Чтобы попасть на Аландские острова, путешественник может воспользоваться удобными паромami, отходящими от гаваней Турку (Або) и Хельсинки. Огромные вместительные и быстрые суда компаний «Викинг лайн» (последняя, к слову, имеет аландскую юрисдикцию) и «Силья лайн» отходят от терминалов несколько раз в сутки. Больше всего в этих огромных гигантах поражают даже не размеры, а уровень организации. Огромный паром входит в гавань, где выгружает 2500 пассажиров и полтысячи автомобилей, а потом принимает на борт такое же количество новых. И уже через 40 минут отдает швартовы.

Все происходит так быстро, что, поставив машину на автопалубу, едва успеваешь подняться на корму, чтобы увидеть момент отплытия. Вот чуть сильнее заработали мощные двигатели, за кормой поднялись буруны, и древний замок Турку стал уменьшаться в размерах. Выйдя на трассу, судно развивает полную скорость и идет через серое море, оставляя острова и островки Финского архипелага порой всего в 20—30 метрах от борта.

Несколько часов плавания, и корабль входит в морские ворота Аландских островов — Мариехамн, или в переводе со шведского — гавань Императрицы Марии. История этого города тоже связана с Россией.

После отказа от восстановления Бомарзунда местные жители и финские купцы обратились к государю императору

Александр II с ходатайством разрешить строительство нового города-порта на главном острове Аландского архипелага. Чтобы выразить свои верноподданные чувства, они предложили назвать новый порт в честь супруги царя императрицы Марии Александровны. 4 февраля 1859 года Высочайшим манифестом было всемилостивейше разрешено основание города Мариехамн.

Место для нового города было выбрано в южной части главного острова на берегу незамерзающего залива Свибю (глубокая бухта). О том, насколько тщательно подошли основатели города к выбору места постройки, свидетельствует тот факт, что небольшой по числу жителей город (11 146 человек на 2010 год) является третьим по пассажирообороту портом Финляндии.

План нового города разработал архитектор Георг Теодор Поликрон фон Шевитц, швед по происхождению, много работавший в Великом княжестве Финляндском. С 1852 года он работал в Або-Бьёрнеборгской губернии Финляндии и был архитектором города Або (Турку). Официально новый город был открыт 20 февраля 1861 года.

Современный Мариехамн — типичный североевропейский приморский город, в котором ничего на первый взгляд не напоминает о русском происхождении. На центральной улице Турггатан можно увидеть неоновую вывеску крупного торгового центра — Galleria Sitkkoff, а рядом — бронзовую статую человека в длинном сюртуке с цилиндром в одной руке и тростью в другом. Это памятник одному из основателей города — русскому купцу и общественному деятелю Николаю Михайловичу Ситкову.

Его отец, купец Михаил Ситков, перебрался в Финляндию вскоре после присоединения ее к Российской империи. Здесь же в городе Савонлинна родился и его старший сын Нико-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

лай, продолживший дело отца. В 1834 г.оду Михаил Ситков перебрался в строящийся Бомарзунд. Разгром крепости, уничтожение значительной части имущества подкосило старого купца, и он передал дело сыну. Именно Николай Ситков стал одним из деятельнейших сторонников основания нового города на Аландах. Он входил в состав комиссии по формированию городской управы, занимал пост городского казначея и члена городского суда. Эти должности были выборными, что позволяет говорить о том, что русский купец пользовался доверием аландского общества.

Будучи судовладельцем, он много сделал для развития судоходства в Мариехамне. Обустройство порта, навигационное оборудование фарватеров, создание условий для моряков во многом его заслуга.

Он умер в 1887 году и был похоронен на городском кладбище. Писатель Владимир Лобынцев, побывавший на Аландах в 90-х годах XX века, решил проверить, знают ли местные жители, кто такой Николай Ситков:

«В светлые майские сумерки в кафе “У Ситкова” собирается молодежь. Снимаю, как мне кажется, незаметно, одну молодую пару. В ответ получаю явно дружественный взмах рукой. Подхожу, здороваюсь. “Кто это: аландец, финн?” — спрашиваю, кивая на бронзового человека.

— Нет, это —русский Ситков, он основал здесь торговлю, — слышу в ответ».

Значит, помнят.

В 2011 году Мариехамн торжественно отметил свое 150-летие. И первым событием стал выпуск аландской почтой марки с портретом императрицы Марии Александровны. Между прочим, единственной почтовой марки в мире с портретом этой государыни.

Дорога к Бомарзунду начинается в самом центре Мариешамна. Узкое шоссе с первоклассным покрытием пересекает главный остров архипелага. Мелькают по сторонам возделанные поля, пасущиеся стада белоснежных коров местной породы, небольшие села с аккуратными домиками. Где-то в середине пути с левой стороны можно наблюдать полуразрушенный древний замок Кастельхольм, в котором находится весьма интересный музей. К концу пути местность становится менее цивилизованной, по краям дороги подступает густой северный лес. Неожиданно шоссе выходит на открытое место, и перед путешественником открывается панорама руин бывшей цитадели. Дорога проходит прямо сквозь них к мосту через пролив, а мы свернем налево, где совсем рядом с остатками крепостного вала находятся автостоянка, небольшое кафе и уютный кемпинг.

Поднявшись на вал, можно оценить размер и величие центрального укрепления. Даже в виде кольца руин оно производит впечатление. Наверное, так взирали герои толкиеновского «Властелина колец» на руины крепостей Нуменора и Гондора. На гранитной облицовке — следы попаданий английских ядер. В одном из них — желтые цветы...

На валу — два чудом уцелевших крепостных орудия, поставленные на деревянные опоры.

Темный и холодный чугун стволов не несет никаких украшений, кроме изящных и лаконичных двуглавых орлов. На цапфах можно разобрать клеймо «Александровский завод»...

По другую сторону дорога — небольшой камень с надписью на русском и шведском языках: **«Русским воинам, защитникам крепости Бомарзунд»**. Это единственный памятник гарнизону крепости, поставленный властями острова.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Неподалеку от памятника — большой информационный стенд. На нем — схема крепости, гравюра с изображением осады, компьютерная реконструкция внешнего вида форта и даже интерьера гарнизонного храма. Подробные надписи на четырех языках (шведском, английском, немецком и русском) коротко сообщают об истории крепости, несостоявшегося города и Аландских островов. Поднявшись на руины горжевой части форта, можно увидеть через пролив расчищенные археологами фундаменты башни Z.

Непосредственно в лесу за кемпингом можно встретить руины построек города. Дома и прочие строения были разрушены еще до начала осады русским гарнизоном, чтобы лишить неприятеля возможности незаметно подбираться к форту. После боев строительство города так и не было возобновлено. Еще чуть далее в лесу можно отыскать руины укреплений С и U. Особенно живописны первые — интервенты не стали взрывать уже уничтоженную взрывом боеприпасов башню, поэтому она сохранилась лучше прочих.

Что заставляет жителей Аландских островов бережно хранить руины чужой им войны? Величие событий? Ведь никогда прежде и никогда потом не проходили тут военные действия такого масштаба. Или еще и то чувство, что заставило полторы сотни мирных аландцев взять в руки оружие и встать в ряды русского гарнизона в далеком 1854-м? На флагштоке крепости Бомарзунд развевается аландский флаг — красно-желтый крест на синем иоле. И хотя Аландские острова по-прежнему являются демилитаризованной зоной, а их граждане не служат в вооруженных силах и по-прежнему не имеют права приобретать стрелковое оружие, старая крепость находится под надежной защитой.

АЛЕКСАНДР МУЗАФАРОВ

А самый величественный памятник защитникам Бомарзунда стоит в столице Финляндии Хельсинки. Каждый, кто бывал в этом городе, видел красивый краснокирпичный православный Успенский собор, что находится в гавани города. Строительство храма началось в 1862 году, и по высочайшему разрешению для возведения стен были использованы кирпичи от взорванных укреплений Бомарзунда. Пропитанные крепостью русского духа, они стали основанием стен крепости Православия в Финляндии. Среди посещающих Успенский храм в Хельсинки много приезжих из России. И хорошо бы им знать, что этот собор не только место служения Господу, но и памятник людям, которые, защищая русскую крепость от десятикратно превосходящего противника, *исполнили свои обязанности по долгу и чести присяги.*

ПОРТ-АРТУР. 1904

ОДИННАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ БЕСПРЕРЫВНОЙ БОРЬБЫ...

Несколько лет назад в одном московском отделении Федеральной миграционной службы, занимающемся оформлением заграничных паспортов, автору этих строк довелось стать свидетелем необычной сцены. Немолодая, но хорошо выглядящая дама подавала документы на оформление заграничного паспорта. Все как обычно, две фотографии, заполненные анкеты, заверенные синими круглыми печатями, предыдущий загранпаспорт и т. д. Молоденькая сотрудница просматривала передаваемые ей бумаги, и вдруг что-то ее смутило. Она оторвалась от страниц и набрала короткую фразу на своем компьютере. Потом еще раз. Лицо ее удивленно вытянулось. Она повернулась к подательнице документов и спросила:

—Здесь точно нет ошибки?

—Где?

—Вот тут, в графе место рождения.

—Нет, здесь все верно.

— Странно, я проверила по нашей базе, но такого города нет. Ни в России, ни за границей.

—Посмотрите предыдущий паспорт.

Видимо, этот аргумент произвел на паспортистку успокаивающее действие. Она убедилась, что в старом документе

обозначен все тот же несуществующий город и приняла документы.

В качестве места рождения в анкете дамы было указано **«город Порт-Артур»**.

Такого города действительно сейчас нет. В 1955 году власти коммунистического Китая переименовали его в Люйшунь, а на современных картах он обозначен как Люйшунькоу. Старое же название было запрещено к употреблению и почти совершенно забылось.

Исчезло не только название. Исчез и сам русский город на Дальнем Востоке, исчез, растворился в растущем китайском мегаполисе, и лишь отдельные камни и здания по какому-то капризу судьбы еще хранят память о русской твердыне.

ТАЙНА ШТАБС-КАПИТАНА СТЕПАНОВА

Конечно, оборону Порт-Артура нельзя отнести к малоизвестным или плохо изученным страницам русской военной истории, как Бобруйск или Бомарзунд. Все-таки девушка в паспортном столе скорее исключение, чем правило. Возможно, виной тому ее молодость, а вот среди старшего поколения образованных жителей России вряд ли найдется человек, для которого название Порт-Артур будет совершенно незнакомым.

Не будет большой ошибкой предположить, что источником информации о русской крепости на Дальнем Востоке для многих из наших сограждан послужил исторический роман Александра Николаевича Степанова, который так и называется **«Порт-Артур»**.

Написанный в конце 30-х годов XX века, роман впервые был напечатан небольшим тиражом в Краснодаре в 1940 году.

В это время советская пропагандистская машина меняла направление работы. В условиях приближающейся к границам СССР Второй мировой войны требовалось не только поддерживать революционный энтузиазм у молодого поколения, воспитанного при советской власти, но и находить общий язык со старшими возрастами, многие из которых никогда бы не пошли воевать за мировую революцию, но готовы были защищать свое Отечество. На экранах появляются такие фильмы, как «Александр Невский», «Александр Суворов», «Минин и Пожарский», «Петр Первый» и т.д., на полках книжных магазинов — «Цусима» А. Новикова-Прибоя и некоторые книги, описывающие подвиги солдат и офицеров русской армии. «Порт-Артур» оказался в этом потоке.

В 1944 году на Ялтинской конференции принимается решение о вступлении Советского Союза в войну с Японией через небольшое время после окончания боевых действий в Европе. Решение было секретным, но морально подготовить советское общество и армию к новой войне после победы было необходимо, и вот тут роман А. Степанова пришелся как нельзя кстати. В 1944 году он был издан массовым тиражом, отдельные его главы публиковались в виде брошюр и т. д. Произведение быстро стало очень популярным. Дело было не только в идеологической подоплеке, но и том, что роман сам по себе получился очень удачным. Прекрасное знание автором военного быта времен Русско-японской войны, огромный фактический материал, динамичный сюжет, яркие образы героев — все это привлекало читателей и без всяких подсказок со стороны идеологических органов. Довольно высоко оценили роман и в среде русской эмиграции, где еще были живы непосредственные участники порт-артурской эпопеи.

В 1946 году за роман «Порт-Артур» автору была присуждена Сталинская премия. На его основе была создана пьеса, с успехом шедшая во многих театрах страны, позднее по ней был поставлен телеспектакль. Роман часто переиздавался, при этом автор продолжал работать над книгой, внося в нее некоторые изменения и добавления. Всего «Порт-Артур» вышел более тридцати раз, а его совокупный указанный тираж превышает миллион экземпляров!

Интерес читателей к роману подогревала и короткая вступительная статья, в которой сообщалось, что автор произведения был сыном одного из артиллерийских офицеров порт-артурской крепости и вместе со своим отцом принимал участие в обороне города. Таким образом, роман представлялся не только художественным произведением, но и беллетризованными мемуарами очевидца.

Некоторые издания сопровождала краткая биография автора, в которой описывался его жизненный путь — рождение в семье офицера, пребывание в Порт-Артуре, учеба в Санкт-Петербургском политехническом институте, мобилизация в армию в годы Первой мировой войны, служба в Красной армии в войне Гражданской и даже участие в подавлении Кронштадтского мятежа, во время которого он получил тяжелую болезнь, надолго приковавшую его к постели. Эта биография повторялась и во всех официальных справочниках, энциклопедиях и не вызывала ни у кого сомнений.

Так было до 2010 года, когда два исследователя Д.К. Николаев и О.В. Чистяков не опубликовали в Военно-историческом журнале статью **«“Порт-Артур”. Неожиданные результаты литературно-архивного поиска»**¹. На основании архивных

¹ Авторская и более полная редакции статьи доступна в Интернете по адресу: http://tsushima.Su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_19/page_26/chistyakov-port-artur/

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

документов, прежде всего послужных списков, они проанализировали биографию автора «Порт-Артура» и пришли к поразительным выводам.

Во-первых, реальная биография Александра Николаевича Степанова заметно отличается от публиковавшейся в советское время. Он действительно был сыном офицера-артиллериста и в соответствии с семейной традицией продолжил дело отца и деда. Свое образование автор получил не в Технологическом институте, а в Михайловском артиллерийском училище, откуда в 1913 году был выпущен офицером в гвардейскую артиллерию¹. В годы Первой мировой войны Александр Степанов неоднократно отличался в боях, был удостоен шести (!!!) боевых орденов и золотого георгиевского оружия. Последний чин в старой армии — штабе-капитан гвардейской артиллерии. Технологическое же образование было получено им во время учебы на ускоренных курсах артиллерийской академии. Относительно участия в Гражданской войне — никаких документов, подтверждающих службу Степанова в РККА, не обнаружено.

Во-вторых, и это самое интересное, отец писателя, артиллерийский офицер Николай Николаевич Степанов, никогда не служил в Порт-Артуре и на Дальнем Востоке вообще. Во время Русско-японской войны капитан Степанов проходил обучение в Офицерской артиллерийской школе под Санкт-Петербургом, которую окончил в сентябре 1904 года с отметкой «Успешно», за что и был произведен в подполковники. Ни он сам, ни его сын Александр никогда не были в Порт-Артуре.

¹ Последнее косвенно говорит о том, что учился будущий писатель на отлично. Дело в том, что распределение выпускников военных училищ по имеющимся в армии вакансиям происходило в порядке полученных за учебу баллов. Для выпуска в гвардию было необходимо иметь очень высокие (гвардейские) баллы по всем предметам.

Обнаруженные исследования материалы частично раскрывают методы, которыми автор собирал сведения для своего романа. Так, в переписке с участниками обороны крепости он использовал псевдонимы, выдуманные биографические данные и т. д. Например, переписываясь с известным врачом-хирургом С.Р. Миротворцевым, который в Порт-Артуре работал в госпитале Красного Креста, Степанов представился настоящей фамилией, но выдал себя за стрелка 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Разумеется, врач не смог через тридцать лет после событий вспомнить будто бы прооперированного им солдата (во время штурмов крепости Миротворцеву приходилось делать до 15 операций в сутки — разве всех упомнишь?), но охотно поделился с мнимым стрелком своими воспоминаниями о Порт-Артуре.

Открытие Николаева и Чистякова заставляет по-новому оценить писательский талант Александра Николаевича Степанова. Ведь почти никто из тех, кто читал эту книгу, не усомнился в том, что роман написан очевидцем событий. Даже те, кто реально участвовал в обороне Порт-Артура, хотя и отмечали явные несоответствия романа и реальности, но не подвергали сомнению — участие автора в обороне крепости. Среди русских эмигрантов-участников обороны крепости было высказано следующее мнение:

«Фантазия Степанова безгранична. Это тем более печально, что в его романе действительно имеется столько мелочей артурской жизни и такая осведомленность о бесконечных сплетнях того времени, сохранившихся в памяти артурцев до сего дня, что для него, как несомненного участника Порт-Артурской эпопеи, не было надобности выдумывать факты. В Париже, на одном из обедов уцелевших защитников говорили, что Степанов в период осады был еще мальчиком, много слышался, много видел, но всё перепутал».

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Но чем больше сила писательского таланта, тем больше и ответственность писателя, берущегося за создание исторического художественного произведения. Ведь, в отличие от историка, автор не связан строгими нормами научной достоверности, он имеет возможность домысливать и переосмысливать прошлое. Живописное полотно исторического повествования отличается от сухой научной статьи, как компьютеризированная модель динозавра от его окаменелого скелета в музее. Публика охотно посещает разного рода «парки юрского периода», но не всегда понимает, что живые симпатичные или ужасонаводящие модели могут не совпадать с реальными животными.

Как конструктор модели динозавра волен выбирать, в какой цвет ее окрасить (достоверных данных на этот счет все равно нет), так и автор исторического романа может наделять своих персонажей любыми человеческими качествами, как хорошими, так и дурными. Приписывать им слова и поступки, как могущие быть в реальности, так и не могущие иметь место в принципе.

Талант писателя превращает созданные им образы в стереотипы массового сознания читателей, и чем более талантлив писатель, тем более широкую аудиторию он охватывает и более прочные стереотипы создает. И они порой оказываются куда убедительнее, чем аргументы историков. Сколько статей и монографий доказывают невиновность Бориса Годунова в смерти царевича Дмитрия Ивановича, но они бессильны перед одной фразой Пушкина: «Все мальчики кровавые в глазах».

Впрочем, что читатели, сами специалисты историки не всегда могут выйти из-под влияния запечатленного, порой еще в детстве, стереотипа. И не всегда это плохо. Романы Генрика Сенкевича пробудили интерес к истории своей страны у тысяч польских юношей, и их роль в формировании современной

польской исторической науки трудно переоценить. Любой студент-полонист знает: чтобы понимать польских историков, надо быть знакомым с творчеством Сенкевича.

То же самое можно сказать о романе «Порт-Артур» применительно к советской и постсоветской историографии Русско-японской войны. Для многих, если не для большинства, современных историков этого периода роман Александра Степанова стал первой книгой, прочитанной об обороне Порт-Артура¹. Стереотипы, сформированные романом, оказывали влияние на работы профессиональных историков и в советское время, и порой в наши дни.

Но, может, ничего плохого в этих стереотипах нет? Новые факты из биографии автора не отменяют несомненных достоинств книги. Ведь, в конце концов, очень немногие авторы исторических повествований были свидетелями описываемых событий. Может, и здесь немудреная мистификация автора не играет большой роли?

Попробуем рассмотреть роман в контексте эпохи, но эпохи не описываемых в нем событий, а времени создания, т. е. конца 30-х годов XX века. Выше уже говорилось о том, как историки советского времени обязаны были сверять свои работы с творениями классиков марксизма-ленинизма. Писателям в этом отношении было несколько проще — никто не требовал вставлять в художественный роман цитату из Маркса или Ленина, если они ничего не писали об описываемых в книге событиях. Конечно, в предисловии «идеологически подкованный» редактор издательства находил подходящее высказывание из классиков, а то и выносил хлесткую фразу в эпиграф. Но не более того. Однако из этого правила было одно исключение — если у

¹А второй книгой о Русско-японской войне, как правило, являлась «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя, также написанная в советское время.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

основоположников имелась работа, посвященная событию, то содержание книги никоим образом не должно было ей противоречить. Иначе автор мог быть обвинен в ревизионизме, а такое обвинение в 30-х годах было смертельно опасно.

Между тем среди изрядного по объему наследия «вождя мирового пролетариата» В.И. Ленина есть маленькая заметка, которая так и называется: «Падение Порт-Артура». Впервые она была опубликована 1 января 1905 года во втором номере большевистской газеты «Вперед», выходившей в Женеве. Поскольку деньги на издание газеты большевики получили от представителей японской разведки (тезис поражения своего правительства во внешней войне всегда был близок Ленину и его партии), то статья содержит восторженные дифирамбы в адрес победителей японцев:

«Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе. Десять лет тому назад эта реакционная Европа, с Россией во главе, обеспокоилась разгромом Китая молодой Японией и объединилась, чтобы отнять у нее лучшие плоды победы. Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное исконное право на эксплуатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе. Россия шесть лет владела Порт-Артуром, затратив сотни и сотни миллионов рублей на стратегические железные дороги, на создание портов, на постройку новых городов, на укрепление крепости, которую вся масса подкупленных Россией и раболепствующих перед Россией европейских газет прославила неприступною. Военные писатели говорят, что по своей силе Порт-Артур равнялся шести Севастополям. И вот, маленькая, всеми до тех пор презираемая Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней,

после того как Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя».

Ей-богу, японский журналист не написал бы лучше! Но поскольку газету должны были читать не только японские спонсоры, но и агитируемые подданные Российской империи, для них был приготовлен тезис, который, с одной стороны, определял виновных в поражении, а с другой — утешал национальное чувство русских: *«Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению».*

Указывались и непосредственные виновники поражения:

«Генералы и полководцы оказались бездарностями и ничтожествами. Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием».

При этом находящийся в Швейцарии Ленин, разумеется, обладал очень ограниченным объемом информации о событиях на Дальнем Востоке, почти ничего не смыслил в военном деле, и его мнение о причинах поражения было сформулировано не на основании какого-либо анализа, а исходя из идеологических постулатов. Справедливости ради отметим, что Ленин и не ставил перед собой никаких аналитических задач. Он занимался агитацией и пропагандой.

Тезис вождя о вине самодержавия, а не народа цитировался в каждой статье или монографии, посвященной Русско-японской войне. Попал он и в школьные учебники истории, кратко объясняя причину поражения.

Работая над романом, посвященным обороне Порт-Артура, советский писатель не мог полностью игнорировать тезисы «основателя советского государства», более того, должен был

руководствоваться ими даже в ущерб исторической правде. Стоит ли удивляться, что большая часть описанных в романе русских генералов и адмиралов выведена бездарями, трусами, а кое-кто — даже предателями? Причем чем выше пост занимал человек, тем более бездарным он (в изображении писателя) являлся. Впрочем, советский читатель, для которого царские генералы были по определению «трусливыми и бездарными», этому не удивлялся.

Менее заметным для читателя того времени и совсем незаметным для современного читателя является фактор дальнейшей биографии реальных героев, особенно их выбор в ходе революции и Гражданской войны. С точки зрения советской власти участники Белого движения, которые не сдались на милость победителя, а пребывали в эмиграции, продолжали считаться врагами. Именно этим, например, были вызваны массовые репрессии против белых эмигрантов, оказавшихся в советской зоне после окончания Второй мировой войны. Будущий белогвардеец ни при каких обстоятельствах не мог стать положительным персонажем книги советского писателя. Иначе автор рисковал нарваться на обвинение — «воспевание врагов советской власти». Поэтому те офицеры и генералы, которые после 1917 года оказались в Белой армии или эмиграции, были выведены в романе самой черной краской. Приведем три наиболее ярких примера такого очернения на страницах книги.

Капитан Квантунской крепостной артиллерии Александр Николаевич Вамензон. В романе — трусливый, жестокий, некомпетентный офицер. Нещадно избивает солдат, покрывает воровство из солдатского котла на собственной батарее, некомпетентен, труслив, и в довершении всего после сдачи крепости прячется от солдатского гнева, нырнув в выгребную яму.

А что на самом деле? На самом деле капитан Вамензон одним из первых артиллеристов крепости получил орден Святого Георгия за потопление японского минного заградителя, всего за осаду удостоен трех боевых орденов и досрочного «за отличие» производства в подполковники. Дважды был ранен, но остался в строю. После войны сменил немецкую фамилию Вамензон на русскую Вадин. В годы Первой мировой войны служил на Кавказском фронте, награжден двумя боевыми орденами и досрочно произведен в генерал-майоры. (Странная биография для труса, не правда ли?) В 1918 году вступил в Вооруженные силы Юга России, эвакуировался из Крыма в 1920-х годах, в эмиграции жил в Париже и был членом РОВС. Умер в 1946 году, так и не прочитав роман, на страницах которого был оклеветан.

Инженер-капитан Михаил Иванович Лилье. На страницах книги — малокомпетентный офицер, нечистый на руку, связанный с кликой предателей.

В реальности — потомственный военный инженер. В Порт-Артуре служил с 1898 года, т. е. с момента закладки и строительства крепости. Проектировал и строил многие укрепления. Во время осады руководил ремонтными и другими инженерными работами, награжден двумя боевыми орденами. Оставил весьма интересные мемуары, стилизованные под дневник. Этот ценный источник по истории обороны крепости вышел только в 2005 году и был недоступен Степанову во время работы над романом.

После Русско-японской войны Лилье продолжает службу до 1912 года, когда в чине подполковника уходит в отставку. Добровольно возвращается в строй в начале Первой мировой войны. После 1917 года эмигрировал в Польшу, а затем во

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Францию, где преподавал инженерное дело на организованных РОВС Военно-технических курсах. Умер в 1941 году в Париже.

Интересно, что в романе Лилье противопоставлен своему непосредственному начальнику — инженер-подполковнику Сергею Александровичу Рашевскому. Рашевский погиб в конце обороны крепости, а потому описан в книге исключительно положительно. В реальности Лилье и Рашевский были близкими друзьями, и именно Лилье сохранил, а потом переслал в Россию личный дневник Рашевского, опубликованный в сборнике «Исторический архив» в 1954 году.

Адъютант командующего Квантунским укрепленным районом подпоручик князь Николай Иннокентьевич Гантимуров. В романе представлен ничтожеством, подлецом, предателем и почему-то обладателем наследственного сифилиса. Князь настолько запутывается в своих интригах, что японским разведчиками приходится его убить.

В действительности Николай Гантимуров, выполняя поручения командующего, неоднократно участвовал в боях. Был ранен. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Дважды с риском для жизни пробирался из осажденной крепости в нейтральные порты с донесениями.

После войны, в 1909 году, возглавил московский отряд роты дворцовых гренадер — одной из почетных частей русской гвардии. После революции выехал на юг России, участвовал в Белом движении. Вернулся в Москву в начале 20-х годов. В 1924 году был арестован органами ОГПУ и по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре расстрелян 1 сентября 1924 года. В позднесоветское время посмертно реабилитирован.

И наконец, третьим фактором, повлиявшим на писателя, была принадлежность к узкой социальной группе бывшего офицерства русской армии, оставшегося в советской России. В распоряжении современных исследователей не имеется достоверной информации о том, участвовал ли автор романа в братоубийственной Гражданской войне и если да, то на чьей стороне¹. После мобилизации военспецов в Красной армии служили тысячи бывших русских офицеров. Их роль в превращении РККА в регулярную армию современного типа была огромна. Однако начиная с конца 20-х годов против бывших военспецов было проведено несколько репрессивных кампаний. Осознавая свою принадлежность к этому слою, автор «Порт-Артура» попытался реабилитировать его в глазах советского читателя. Не случайно главные герои романа — младшие офицеры, сочувственно относящиеся к солдатам. Более того, роль этого слоя в описании осады автором искусственно завышается — именно от младших офицеров исходит множество полезных инициатив, а старшим генералам, в зависимости от того, «хорошие» они или «бездарные», предоставляется возможность либо поощрять и узаконивать, либо наказывать за инициативу и ставить палки в колеса.

Сочетание этих трех факторов настолько искажало реальную картину событий порт-артурской обороны, характеры командиров и мотивацию их решений, что, несмотря на огромный фактический материал, собранный автором, роман

¹ Здесь можно ожидать самых удивительных открытий. Например, другой известный советский писатель, Валентин Катаев, согласно официальной биографии, в 1918 году вступил в отряды Красной армии и всю Гражданскую войну провел в ее рядах. Однако недавние исследования установили, что в действительности подпоручик артиллерии русской армии Валентин Катаев вступил в 1918 году в Вооруженные силы Юга России и воевал в их составе до 1920 года, пока не попал в госпиталь с сыпным тифом. Судя по тому, что в Белой армии будущий писатель успел получить два повышения в чине — до штабс-капитана, воевал он неплохо.

рисковал утратить ореол достоверности в глазах читателя. Советский читатель, надо отдать ему должное, не очень-то любил написанные как по шаблону идеологически правильные книги о легендарных героях. Тем более что к моменту выхода романа в свет были живы многие участники порт-артурской эпопеи, а также те, кто помнил описания осады в дореволюционной прессе. Чтобы придать книге ореол достоверности, и была сочинена легенда о личном присутствии автора в Порт-Артуре. Мистификация была не менее важной частью художественного произведения, чем сам роман. Только соединение этих двух компонентов обеспечило ему успех.

Оценивая сейчас ту роль, которую сыграл «Порт-Артур» в восприятии Русско-японской войны в сознании российского общества, сложно прийти к однозначному выводу. С одной стороны, роман сформировал многие ложные стереотипы, которые мешают адекватно понять события столетней давности, но с другой — благодаря таланту писателя книга не дала этому яркому эпизоду русской военной истории скрыться во мраке забвения и безвестности и сделала тему Русско-японской войны популярной среди современных исследователей, труды которых позволяют преодолеть устоявшиеся мифы. *Нет ничего тайного, что не стало бы явным* — и судьба гвардии штабс-капитана Александра Степанова и его произведения верное тому доказательство.

КОГДА ПРАВАЯ РУКА НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАЕТ ЛЕВАЯ, ИЛИ ПОЧЕМУ РОССИЯ ПРОИГРАЛА РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ?

Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственно истории осады Порт-Артура, необходимо прояснить важный аспект, который оказывал непосредственное влияние как на со-

бытие в крепости, так и на ход войны в целом. Поставим вопрос более широко — почему Россия проиграла Русско-японскую войну? Кстати, юридически термин «проиграла» не совсем корректен — если обратиться к тексту Портсмутского мирного договора, то мы не увидим в этом документе упоминаний о чьей-либо победе. Здесь нет слов «победитель» или «побежденный». Высокие договаривающиеся стороны регулируют сферы влияния, обязуются уважать интересы друг друга, говорят о стремлении жить в мире и дружбе — как будто документ составлен после дипломатического конфликта вокруг мелкой колониальной стычки, а не завершает собой кровопролитную войну, длившуюся почти два года. Лишь статьи об уступке Россией южной половины Сахалина несколько выбиваются из общего благостного фона. Ничего удивительно, что после обнародования условий Портсмутского мира в Японии начались массовые волнения, в ходе которых разъяренная толпа требовала ответа у правительства на вопрос — где же плоды победы?

Но юридические и дипломатические реверансы не могли скрыть очевидного, — Российская империя проиграла военное единоборство куда более скромной по размерам и возможностям державе.

Вопрос о причинах поражения России в Русско-японской войне остается для многих любителей истории не до конца проясненным. Безусловно, в этом вина нашей историографии, которая за сто лет, прошедших с тех пор, как отгремели бои на сопках Маньчжурии, так и не смогла выпустить капитальный, всеобъемлющий труд под названием «История Русско-японской войны 1904—1905 гг.». XX век оказался настолько заполнен историческими событиями и процессами, что до первой крупной войны столетия, что называется, руки не

дошли. К тому же в советское время и не особенно стремились дойти. Ведь причину поражения объяснил сам «вождь мирового пролетариата» — отсталое, реакционное самодержавие не устояло перед натиском молодого, прогрессивного азиатского государства. К этому объяснению очень быстро присоединили логическое продолжение — после революции 1917 года, когда социально-политический строй в России сменился на самый прогрессивный, уже Япония стала отсталой страной, а потому трижды терпела поражение в военных столкновениях с СССР.

Однако когда «самый прогрессивный общественный строй» приказал долго жить и исследования событий начала XX века освободились от идеологического диктата, то перед историками неизбежно встал вопрос — а в чем же заключалась пресловутая отсталость? Большой интерес к Русско-японской войне способствовал появлению множества небольших исследований, статей, брошюр, посвященных частным аспектам — организации войск, действиям отдельных кораблей и частей, отдельным сражениям и боям. И постепенно из этого огромного массива работ начала вырисовываться следующая картина: исследователи обозначили множество недостатков российской военной машины, но все они не носили рокового характера. Эпизоды сражений и боев не выявляли качественного превосходства армии Микадо как в организации, так и в технике. Мы не видим ничего похожего на доминирование парового флота союзников над русским парусным флотом, как это было в Крымскую войну, не видим превосходства в сфере военного образования и боевой подготовки, как в начальный период Великой Отечественной войны. Более того, в отдельных сферах военной организации Россия заметно превосходила Японию. Например, в организации военной медицины, поэтому

относительные потери русской армии умершими от ран и заболеваний в госпиталях были примерно в два раза ниже, чем у противника. Строго говоря, и общие потери России в войне были почти в два раза меньше японских — 44 441 убитыми, ранеными и умершими от ран против 86 004 человек.

«Бездарность» царских генералов и адмиралов, при внимательном анализе их деятельности, оказалась сильно преувеличенной. Не все из них были талантливыми полководцами (хотя и таких хватало — Макаров, Кондратенко и т. д.), но в целом их решения почти всегда были адекватными обстановке и профессиональными.

Примерно одинаковой была и насыщенность обеих армий современными видами вооружения, причем у русских наблюдается заметное преимущество в скорострельной полевой артиллерии. Может быть, дело в моральном факторе? Японцы-де знали, за что воевали, а забитый и темный русский крестьянин смысла войны не понимал, оттого и сражался без обычного мужества и смекалки. Эту версию в той или иной форме поддерживала позднесоветская историография. Но факты говорят против нее.

Во-первых, в русских войсках было относительно малое число мобилизованных резервистов. Основу личного состава составляли солдаты и матросы кадровой армии мирного времени, чей боевой дух в России быть традиционно высоким. Не успела проявиться и усталость от войны, оказывавшая большое влияние на настроение войск в 1916—1917 и 1944—1945 годах. Даже Вторая эскадра Тихого океана, среди матросов которой доля резервистов была действительно высокой, в злосчастном для России Цусимском сражении явила пример героизма и доблести, Экипажи кораблей дрались отчаянно, до последнего снаряда, изумляя врага своей доблестью. Послед-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

ним обстоятельством отчасти объясняется и хорошее обращение японцев с русскими военнопленными, которое отмечают все мемуаристы. Солдатам союзников в годы Второй мировой войны пришлось значительно хуже.

Во-вторых, высокий моральный дух русских солдат отмечается в источниках, причем не только русских, но и иностранных, включая японских. Более того, многие авторы мемуаров подчеркивают, что традиционные мужество и стойкость русских солдат часто позволял компенсировать ошибки командования и являлись одной из сильных сторон русской армии.

В-третьих, даже в условиях начавшегося в стране революционного брожения войска Маньчжурской армии сохраняли порядок и дисциплину. Именно из них были скомплектованы отряды, подавившие революционные мятежи на Транссибе и прилегающих к нему местностях. Именно из бывших матросов Второй эскадры Тихого океана были сформированы отряды, подавлявшие крестьянские выступления в Прибалтике.

Нет, с моральным духом в армии все было в порядке. Проблемы были в другом.

Гораздо раньше, чем историки, причины поражения в войне стали изучать те, кому по долгу службы было поручено готовить вооруженные силы к новым войнам, т. е. военные ведомства Российской империи. Была проведена огромная работа по анализу как хода боевых действий, так и причин, не позволивших армии и флоту России покарать дерзкого врага, осмелившегося потревожить священные рубежи империи.

В 1906 году Генеральным штабом была создана Военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны 1904—1905 годов. В ее распоряжении оказались практически все оперативные документы русской армии. Не ограничи-

ваясь ими, члены комиссии провели большую работу по опросу участников боевых действий в самых разных чинах, анализу первых появившихся мемуаров, статей и пр. К 1910 году комиссия подготовила и издала 9-томный труд — «Русско-японская война 1904—1905».

В свою очередь, морской Генеральный штаб в 1908 году также создал Историческую комиссию по описанию действий флота в Русско-японскую войну 1904—1905 годов. Эта комиссия успела сделать меньше, чем армейская. Издание ее главного труда «Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при морском Генштабе» было прервано из-за революции, а публикация подготовленных к печати документов того времени — из-за начала Первой мировой войны.

Сами по себе эти труды носили скорее описательный, чем аналитический характер. Они являются ценными источниками информации для современных историков, хотя не лишены и некоторых недостатков. Так, в них, по вполне понятным причинам, практически отсутствует информация из японских источников.

Однако наработки комиссий дали возможность военным аналитикам того времени сделать правильные выводы о необходимых изменениях в вооруженных силах, а также о причинах поражения в войне. Конечно, большая часть этих выводов оформлялась в виде документов с грифами «Для служебного пользования», а то и «Совершенно секретно», так как делиться добытым столь дорогой ценой опытом с вероятными противниками в будущей мировой войне было бы неразумно.

Одним из военных аналитиков, глубоко изучавшим этот вопрос, был Александр Андреевич Свечин. Потомственный

офицер, окончивший Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба, он принимал личное участие в Русско-японской войне первоначально как строевой офицер (командир роты 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка), потом как офицер Генштаба (офицер для поручений при штабе 16-го армейского корпуса, затем при управлении генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии). И его интерес к работе комиссий был вполне закономерен. Сразу после войны Свечин опубликовал несколько военно-научных работ, посвященных анализу полученного на войне опыта и его дальнейшего использования при подготовке войск.

Отличившийся на фронтах Первой мировой войны, удостоенный ордена Святого Георгия и золотого георгиевского оружия, генерал-майор Александр Свечин добровольно переходит на сторону большевиков и прилагает немало усилий при формировании новой Красной армии.

В 20-х годах, отстраненный от командных постов, он сосредоточивается на военно-теоретических трудах и быстро становится ведущим военным теоретиком РККА. А его труды «Стратегия» и «Эволюция военного искусства» стали классическими. В 1937 году выходит последняя теоретическая работа комдива Свечина — «Стратегия XX века на первом этапе: Планирование войны и операций на суше и на море в 1904—1905 гг.», посвященная анализу Русско-японской войны и причин поражения России. Возможно, обратиться к этой теме автора побудило новое обострение отношений между СССР и Японией, приведшее в конечном итоге к вооруженным конфликтам 1938—1939 годов.

В том же 1937 году комдив Свечин будет арестован в третий и последний раз. 29 июля 1938 года в составе группы высших командиров РККА, среди которых были как бывшие офицеры,

так и выдвиженцы времен Гражданской войны, Александр Андреевич Свечин был расстрелян чекистами.

Его последняя работа долгое время была недоступна для исследователей, более того, мало кто знал о ее существовании. Переиздана она была лишь в 2003 году в сборнике работ А.А. Свечина, посвященных японской тематике¹.

Какой же ответ дала на вопрос о причинах поражения России в Русско-японской войне русская военная мысль?

Начиная с XVIII века Российская империя в составе своих вооруженных сил имела не только сухопутную армию, но и военно-морской флот. Впрочем, говорить «в составе вооруженных сил» было бы не верно, ибо самого понятия «вооруженные силы» как объединяющего для всех видов военных формирований государства тогда не существовало. Еще Петр Великий сравнивал армию и флот с двумя руками, что отражало не только значение этих структур для империи, но и их независимый статус. В начале XX века армия подчинялась военному министру и Генеральному штабу, флот — морскому министру и Главному морскому штабу. Какой-либо общей структуры вроде советского Генерального штаба вооруженных сил или американского Объединенного комитета начальников штабов не существовало. Объединяющим являлось лишь высшее звено — государь император. Все остальное было различным от униформы и продуктового довольствия (матросов кормили заметно лучше, чем солдат) до представлений о стратегических принципах.

В войнах XVIII века эта разобщенность почти не проявлялась. Главной силой империи оставалась сухопутная армия, а флот либо оказывал ей поддержку во время приморских опе-

¹ Свечин А.А. Предрассудки и боевая действительность. Сборник. М.: Финансовый контроль, 2003.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

раций, либо выполнял самостоятельные походы, не требующие взаимодействия с армией. Например, во время Русско-турецкой войны 1768—1774 годов правительство Екатерины II направило в Средиземное море эскадру под общим командованием графа Алексея Орлова. Эскадра одержала победу над турецким флотом в сражении при Чесме, содействовала восстанию христианских подданных султана, в общем и целом способствовала отвлечению внимания турецкого командования от главного театра военных действий в Северном Причерноморье. Но при этом никакой оперативной связи между действиями Орлова и русских армий не существовало,

Не было взаимодействия и между русско-турецкой эскадрой адмирала Ушакова и армией фельдмаршала Суворова, хотя они действовали в одном регионе.

В XIX веке ситуация оставалась неизменной. К середине столетия политика императора Николая I, направленная на развитие военно-морского флота, принесла свои плоды. Флот из пасынка империи превратился в реальную боевую машину. Крымская война должна была бы поставить вопрос о необходимости взаимодействия армии и флота. Должна была, но не поставила. Российский флот, опасаясь технического превосходства союзных флотов, предпочел отсиживаться в гаванях, а когда (в Севастополе) это стало невозможным — фактически вошел в состав сухопутного гарнизона города.

Во время следующей Русско-турецкой войны (1877—1878 годов) Черноморский флот был настолько слаб, что возможность его самостоятельных действий даже не рассматривалась. Все действия флота были направлены на возможное содействие сухопутной армии, и не более того. Последнее отчасти объясняет причины отношения к флоту многих армейских генералов, получивших боевое крещение именно в этой войне.

К началу XX века ситуация разительно изменилась. Усилия императора Александра III и Николая II, развитие отечественной промышленности вновь превратили русский военно-морской флот в грозную силу. В это время по размерам и мощи военно-морских вооружений Россия занимает третье место среди мировых держав, уступая только «владычице морей» Великобритании и Франции.

Для российского военно-морского флота Дальний Восток был одним из приоритетных районов. Здесь в составе Первой эскадры Тихого океана были собраны лучшие корабли. Сама эскадра по уровню организации и боевой подготовки являлась наиболее мощным соединением в составе флота.

Для военного руководства приоритетным являлось европейское направление. Военный союз с Францией, заключенный в 1891 году, прочно овладел умами российских генштабистов. Размещенным на европейских границах империи войскам уделялось особое внимание, именно они в первую очередь получали самое совершенное вооружение и технику. На необходимость отвлечения ресурсов для нужд Дальнего Востока господа генералы смотрели как на досадную помеху и всячески пытались этого избежать.

У российской флота был мощный союзник — Министерство финансов Российской империи. Его руководство видело существенные выгоды в развитии отечественной торговли со странами Дальнего Востока и, говоря современным языком, Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Именно поэтому Транссибирская железная дорога прошла по территории Китая, где был арендован Квантунский полуостров, были построены торговый порт Дальний и военный Порт-Артур).

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Строительство незамерзающего торгового флота Министерство финансов вело самостоятельно, но для укрепления Порт-Артура ему пришлось вступить во взаимодействие с Военным ведомством, и тут прозвучал первый звоночек будущей тревоги. Первоначально планировалось построить сухопутные укрепления крепости на рубеже Волчьих гор, т. е. на расстоянии 8 верст от окраин города и 10—12 верст от гавани, что надежно защищало последнюю от обстрела осадными орудиями. Однако этот проект показался слишком дорогим даже Минфину. В итоге был составлен другой, компромиссный. Его линия фортов не доходила до Волчьих гор, а шла примерно в 4 1/2 версты от окраин города, но линии Дагушань — Драконов хребет — Панлуншан — Угловые горы — Высокая гора и высота Белый волк. Эта линия сухопутной обороны соответствовала требованиям прикрытия ядра крепости от бомбардирования, но имела протяжение около 70 километров и требовала 70-тысячного гарнизона и 528 орудий сухопутного вооружения, не считая вооружения берегового и резервного.

Межведомственное совещание, на рассмотрение которого попал этот проект, стремясь к возможной экономии расходов на Квантун как людьми, так и деньгами, высказалось против проекта, и последний одобрен не был. При этом высказано было пожелание, чтобы вообще гарнизон Квантуна не превышал наличного тогда там числа штыков и сабель, а именно 11300 человек, дабы «организация охраны полуострова не являлась чрезмерно дорогой и опасной в политическом отношении». Иными словами, генералы категорически отказались перебрасывать на Дальний Восток значительные военные силы, а также выделять вооружение для строительства полноценной крепости.

В итоге выдающийся русский фортификатор профессор Величко составил окончательный проект крепости. Согласно

которому протяжение сухопутной линии обороны, прошедшей по высотам Драконова хребта, на возвышенность впереди Кладбищенской горы, на Зубчатую гору, на возвышенность у д. Саншугоу, на Вальдшнепиный холм, на высоты у южного угла Западного бассейна и на гору Белый волк, вышло около 19 километров, и проект этот был в 1900 году утвержден. В результате укрепления уже не могли защитить ни город, ни порт от вражеской бомбардировки.

Кроме того, сами укрепления в Порт-Артура строились по облегченным проектам, так как Генштаб представил компетентные данные, что у японцев (рассматривавшихся в качестве наиболее вероятного противника) нет и не появится в будущем орудий калибром больше 15 сантиметров, Таких пушек у армии Микадо действительно не было, но кто мог дать гарантию от возможного появления их в будущем?

К 1903 году отношения с Японией заметно ухудшились. Флот начал сосредоточивать в Порт-Артуре и Владивостоке мощные силы, но военное командование по-прежнему фактически игнорировало регион. Чтобы исправить ситуацию, государь император направил на Дальний Восток своего личного представителя адмирала Безобразова.

Безобразов отменил большие маневры Варшавского округа в 1903 году и на выделенные на их проведения финансовые средства отправил на Дальний Восток две бригады 10-го и 17-го пехотных корпусов. Он выяснил наличие в Военном ведомстве неизрасходованных средств на постройку шоссе в районе рек Нарев и Бобр и также направил их на Дальний Восток. Эти действия вызвали отчаянное сопротивление военного министра, но все-таки усилили наши силы на театре будущей войны. Свечин писал о деятельности адмирала: *«Как бы то ни было, но вмешательство Безобразова за четыре месяца*

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

1903 года дало больше, чем пять с половиной лет работы Куропаткина во главе военного министерства».

Кстати, среди мер, предпринятых Безобразовым, была и организация пресловутой концессии на реке Ялу, которую революционная пропаганда приводила в качестве примера личной заинтересованности царских вельмож в ограблении Кореи. В действительности же, по мнению Свечина:

«Помимо этой внутренней связи между двумя русскими форпостами на Дальнем Востоке — Владивостоком и Порт-Артуром — являлась необходимость и во внешней линии связи, проходящей на границе Кореи и Маньчжурии по рекам Тумени и Ялу. Здесь требовалось передовое прикрытие, хотя бы небольшое, пограничная стража, которая бы сдерживала выдвижение японцев из Кореи в Маньчжурию еще до начала войны. Па расположение такой пограничной стражи на чужой границе русский империализм не имел официального права. Требовался предлог, чтобы взять эту границу в кредит, завести здесь вооруженных людей, неофициальную пограничную охрану. В практике империалистов всех стран такие предлоги легко находятся при охране особых коммерческих предприятий, в особенности когда последние юридически оформлены в концессию.

Эту линию последовательного империализма, линию не отступать без борьбы — представлял Безобразов. За концессией дело не стало. У одного из владивостокских коммерсантов имела-сь концессия на рубку леса на реке Ялу, но это предприятие оказывалось убыточным и поэтому не реализовывалось. Безобразов передал эту концессию фиктивному обществу под председательством дворцового коменданта Гессе. Конечно, о крупных прибылях здесь мечтать не приходилось, так как

основной смысл концессии заключался в том, чтобы нанять русских офицеров и уходивших в запас сибирских стрелков и создать из них ряд постов на границе Маньчжурии. Содержание пограничной стражи доходным предприятием быть не может. А небольшой лесопильный завод в Ионампо был только маской к этой пограничной страже».

Но эти экстренные меры не могли решить главную проблему — армия и флот готовились к разной войне и готовились независимо друг от друга. Стратегия флота заключалась в завоевании господства на море, после чего японская сухопутная армия неминуемо должна была потерпеть поражение, лишившись коммуникаций с метрополией. Для успешного осуществления этой стратегии адмиралам было необходимо бесперебойное функционирование военно-морских баз, в первую очередь — Порт-Артура.

Генералы же рассматривали войну исключительно как сухопутную, почти полностью игнорируя интересы флота. С их точки зрения, Порт-Артур мог отвлечь на себя значительные силы японцев и тем самым сильно облегчить задачу сухопутной армии. То, что при таком раскладе крепость лишалась возможности быть военно-морской базой, сухопутное командование трогало мало.

С началом боевых действий армия и флот начали пытаться реализовать каждый свою стратегию. Повреждение трех кораблей во время ночной атаки Порт-Артура, а потом гибель командующего вице-адмирала Макарова и флагманского броненосца «Петропавловск» сильно затруднили действия эскадры. Тем не менее некоторые шансы на успех у моряков оставались. Японцы тоже несли потери, потеряв под Порт-Артуром два эскадренных броненосца (из шести имевшихся

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

в японском флоте¹), а с Балтики выдвигалась Вторая эскадра Тихого океана. Но действия назначенного командующим армией военного министра генерала Куропаткина лишили флот и самых скудных шансов на победу.

В момент вступления в командование Куропаткин встал перед выбором — ввязываться с японскими силами в маневренную войну, используя уже имеющиеся на театре военных действий войска. Или подождать сосредоточения крупных сил и уже потом превосходящей мощью обрушиться на японцев. Методичный и осторожный, Алексей Николаевич выбрал второй путь. В рамках этого подхода не было никакой возможности сохранить под своим контролем дорогу к Порт-Артуру. Более того, в рамках стратегии выжидания Порт-Артур должен был остаться в тылу неприятеля и отвлечь на себя значительные его силы. Крепость эту задачу выполнила, но тем самым Россия лишилась возможности полноценно использовать флот и обрекла себя на поражение.

Конфликт между армией и флотом имел место не только на уровне стратегии. Даже находясь в осажденном Порт-Артуре, адмиралы и генералы умудрялись не понимать друг друга, а порой и интриговать. Причина этого конфликта не в характерах, и не в личных амбициях, и уж тем более не в пресловутой бездарности, а в отсутствии налаженных механизмов взаимодействия.

¹ Японские эскадренные броненосцы «Хаусэ» и «Ясима» стали единственными корабля такого класса, уничтоженными русским флотом в XX веке. Ни в Первой мировой войне, ни в годы Великой Отечественной, ни в послевоенных конфликтах нашему флоту не удалось потопить ничего крупнее крейсера. Парадоксально, но наиболее выдающийся боевой успех российского флота за все XX столетие был достигнут именно в проигранной Русско-японской войне.

Очевидно, что оборона Порт-Артура требовала эффективной поддержки с моря. И корабли, способные оказывать осажденной крепости такую поддержку — канонерские лодки, — в крепости были. Но подчинялись они не коменданту крепости и не командующему Квантунским укрепленным районом, а своему флотскому начальству. И генерал Стессель был вынужден просить моряков оказать ему поддержку. Был вынужден договариваться с ними, что не всегда получалось. Во время боев за позиции под Кинчжоу поддержку огнем русским войскам, дравшимся против превосходящего противника, оказывала канонерская лодка «Бобр». А командиры канонерок «Гремящий» и «Отважный» попросту проигнорировали приказ сменить расстрелявший весь боекомплект «Бобр» и из порта не вышли. Флотское начальство закрыло на это глаза, и лишь под давлением генералов отдало обоим капитанов под суд.

Прочем, о розни между армейцами и моряками в Порт-Артуре написано немало. Строго говоря, надо удивляться не этому явлению, а тому, что генералы и адмиралы все же смогли наладить относительно эффективное взаимодействие.

Попытка вести одновременно две войны, мешая друг другу, закончилась для армии и флота плачевно. К тому моменту, когда армия накопила достаточные силы, поражения на море привели к нарастанию революционного движения в стране, сделав войну невозможной. К тому же даже разгром японской сухопутной армии (а ее еще надо было разгромить) в условиях наличия у Микадо победоносного флота и отсутствия русского флота в Тихом океане вообще делал окончательную победу в принципе недостижимой.

Были ли сделаны из этого выводы? Опыт Первой мировой войны показал, что русское командование уделило этому вопросу особое внимание. И добилось немалых успехов. Если

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Балтийский флот был попросту подчинен Северному фронту, то на Черном море удалось добиться гармоничного взаимодействия двух сухопутных фронтов (Кавказского и Румынского) и Черноморского флота. Боевые действия армии и флота в Черном море в период 1915—1917 годов можно считать эталонными и наиболее успешными за всю военную историю России.

ШПИОНСКИЙ РОМАН

Согласно советской точке зрения в падении Порт-Артура было виновато российское самодержавие. Ничего удивительного, что в романе основная вина за капитуляцию крепости и промахи в ее обороне возложены на командующего Квантунским укрепленным районом генерал-адъютанта Анатолия Михайловича Стесселя. Более того, он и генерал Фон обвиняются в прямой измене — вступили в тайные отношения с неприятелем и получили от капитуляции крепости материальную выгоду. То есть попросту продали Порт-Артур японцам, демонстрируя тем самым высшую степень разложения «феодально-крепостнической верхушки царской России».

Конечно, всю сюжетную линию о шпионских контактах и подкупах можно списать на художественный вымысел автора, который вставил его в произведение, чтобы привлечь публику. В 30-х годах шпионская тема была очень популярна и в литературе, и в кинематографе. И как же без шпионов в осажденной крепости? С другой стороны, показывать реальную борьбу с японскими шпионами русской контрразведки, т. е. порт-артурского жандармского управления, было совершенно невозможно — царский жандарм никак не мог быть положительным или хотя бы не отрицательным героем.

Зато введя в повествование японского генерала-шпиона Танаку, автор одним выстрелом сразил несколько зайцев — и шпионскую тему раскрыл, и показал продажность царских генералов, и заодно оклеветал бывшего строителя города Дальний инженера Владимира Васильевича Сахарова. Последний, будучи уже немолодым и нездоровым человеком, добровольно надел мундир военного инженера и погиб в осажденной крепости.

Отметим, что во время судебного расследования капитуляции Порт-Артура возможность связи генералов Стесселя и Фока с врагом даже не рассматривалась. Нет никаких сведений о подобных контактах и в японских исследованиях. Единственное, и то косвенное, подтверждение можно найти в словах, будто бы сказанных японским комендантом крепости на параде в честь 40-летия взятия Порт-Артура, о наличии неких «особых отношений» между генералами Стесселем и Ноги, которые-де обеспечили японцам взятие крепости. Будто бы потому что ни в каких источниках, кроме советских, ни сам парад, ни речь не упоминаются. Но даже если этот факт и имел место, то не исключено, что информацию об «особых отношениях» Стесселя и Ноги японский генерал почерпнул из... романа «Порт-Артур», который в Японии, без сомнения, читали.

ПУТЬ СОЛДАТА

Вернемся к образу генерала Стесселя. В романе он выглядит трусливым, лицемерным, недалеким и к тому же во всем слушается свою супругу, которая порой гораздо лучше его ориентируется в обстановке. Да и других желающих манипулировать слабовольным генералом более чем достаточно. Среди солдат

и офицеров гарнизона командующий не пользуется не то что авторитетом, а даже уважением. А что же на самом деле?

Анатолий Михайлович Стессель был потомственным военным в четвертом поколении. О его прадеде Матвее Стесселе известно, что во второй половине XVIII века он служил в русской армии в чине секунд-майора. Дед нашего героя Иван Матвеевич Стессель (1779—1846) был в числе тех *«начальников народных наших сил, покрытых славою чудесного похода и вечной памятью двенадцатого года»*. Офицер с 1795 года. Отличился в сражении при Фридланде, за которое был удостоен ордена Святого Георгия Победоносца 4-й степени и прусского ордена Пур ле Мерит («За заслуги» — одна из самых почетных военных наград Пруссии). Участвует в Русско-шведской войне 1808—1809 годов. В 1812 году подполковник Стессель — командир Кексгольмского пехотного полка, за отличия в «делах против неприятеля» полк повышен в ранге до гренадерского, а Иван Матвеевич произведен в полковники. В 1814 году получает золотое оружие. В 1820 году производится в генерал-майоры, с 1824 года и до своей смерти — военный комендант Царского Села, что свидетельствует о высоком доверии государя императора к генералу. Кстати, до революции в Царском Селе была Стесселевская улица, значит, и в городе заслуженный воин оставил по себе добрую память.

Его сыновья также выбрали военную карьеру, но в генералы ни один из них не вышел. В 1848 году, через два года после смерти прославленного деда, в семье полковника лейб-гвардии уланского полка Михаила Ивановича Стесселя и его супруги Елизаветы Петровны Стессель родился ребенок, которого называли Анатолием. На первый взгляд его ожидало блестящее будущее — отец гвардейский офицер, имел все шансы на успешную карьеру, но в 1857 году 9-летний мальчик лишается отца, а

еще через три года (в 1860-м) матери. Конечно, родственники и государь не оставили ребенка на произвол судьбы, но подумайте, читатель, каково это остаться сиротой в 12 лет...

В 1864 году будущий генерал заканчивает 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (так после военных реформ фельдмаршала Милютина назывались кадетские корпуса) и поступает в 1-е военное Павловское училище. Кстати, само училище преобразовано из кадетского корпуса всего за год до этого.

В конце 50-х годов XIX века в русской армии коренным образом пересматривается подход к подготовке офицеров. Если в начале столетия молодые дворяне по достижении годного для службы возраста поступали в полки юнкерами и непосредственно в строю постигали военную науку, чтобы через год получить заветные офицерские эполеты, то теперь доступ к чинам был открыт только через систему военного образования. До этого времени профильное образование требовалось только для офицеров специальных родов войск (артиллерия, инженеры, топографы) и флота. Теперь учиться должны были все.

Таким образом, Анатолий Стессель был одним из первых офицеров нового типа. В 1866 году он был выпущен подпоручиком во 2-й Ростовский гренадерский полк, расквартированный в Москве. Впереди его ждала обычная лямка армейского офицера, не имеющего протекции и влиятельных родственников. Только собственным талантом и храбростью он мог сделать карьеру, и пример деда мог его вдохновить.

Случай представился после начала Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. *«Поднялась Россия, поднялся народ, всей могучей силой бить турецкий сброд...»* — пелось в популярной тогда песне. Штабс-капитан Стессель не стал дожидаться отправки на театр военных действий своего полка, а вызвался

для трудной и опасной миссии — стать офицером болгарского ополчения.

Подготовка к формированию этих первых частей национальной болгарской армии началась за год до войны, в 1876 году. Руководить этой частью был назначен генерал-майор Николай Григорьевич Столетов. Солдаты (ополченцы) были набраны из болгар, а офицеры были русскими. Так штабс-капитан Стессель стал командиром 5-й роты 3-й дружины болгарского ополчения.

Вместе со своими подчиненными молодой офицер (которому не было еще и 30 лет) принял боевое крещение в сражении под Стара-Загорой. Около этого местечка ополченцы пытались сдерживать натиск наступающей к Шипке турецкой армией Сулейман Паши. В историческом труде генерал-майора Овсяного, посвященном истории болгарского ополчения, так описано участие 3-й дружины в этом бою:

«Сначала перешла в наступление 1-я дружина; за нею последовала 3-я. При этом, так как барабанистики и горнисты в ней были все перебиты, подпоручик Кисов выхватил рожок у раненого турецкого горниста и сам трубил атаку. Но с отступлением правого крыла пришлось отступить и двум левофланговым дружинам, которым грозила опасность быть отрезанными. Тогда-то турки стали наседать на них с особенной яростью. При этом погиб, защищая знамя, и командир 3-й дружины подполковник Калигин (до этого последовательно было убито три знаменных унтер-офицера. Из боя знамя было вынесено унтер-офицером Еомой Тимофеевым). Доходило до того, что турецкие ряды смешивались с ополченскими и начинался упорный штыковый бой. Тем не менее дружинам удалось отбиться от наседавшего неприятеля и, хотя с большими потерями и в беспорядке, отступить к казанлыкскому шоссе. Притом же

оказался недостаток патронов, и у многих ополченцев ружья отказывались действовать, вследствие поломки игл и выгорания кружков».

После боя в командование дружиной вступил раненный в бою штабс-капитан Стессель. За отличие в этом бою он был произведен в капитаны.

Война способствовала более быстрому продвижению Стесселя по карьерной лестнице. В 1879-м он уже майор, в 1885-м — подполковник, в 1889-м получает чин полковника и принимает иод команду свою первую часть — 5-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, расквартированный в селе Никольском в Сибирском крае.

В это время Стессель становится известен как отличный стрелок. На его счету 7 призов за отличную стрельбу, в том числе два императорских приза.

В следующее десятилетие Анатолий Михайлович командует различными стрелковыми и пехотными полками. В 1899 году производится в генерал-майоры и получает в командование 3-ю Восточно-Сибирскую стрелковую бригаду, расквартированную в Порт-Артуре.

Таким образом, путь от военного училища до генеральских погон занял у Стесселя 33 года. Не самая долгая карьера, но и стремительной ее не назовешь. А уже на следующий год судьба готовила новоиспеченному генералу возможность показать себя в деле.

В 1900 году в Китае началось восстание ихэтуаней, или как их называли в европейской прессе — боксеров. Умело инспирированное правительством Китайской империи, оно имело своей целью переключить народное недовольство с неумелой и коррумпированной маньчжурской администрации на иностранцев. Восставшие громили железные дороги, телеграфные

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

станции, госпитали, фабрики, построенные иностранцами, в общем, это было восстание невежества против цивилизации. Особенно жестоко восставшие расправлялись с христианскими миссионерами и китайцами, принявшими христианство. Города были залиты реками крови. Европейские государства, вместе с США и Японией, послали воинские контингенты для наведения порядка в стране. Отметим, что эти действия были приняты при полном согласии правительства Китая, которое одной рукой поддерживало восставших, а другой — приглашало иностранцев для их подавления,

С военной точки зрения это была настоящая военная кампания против довольно сильного, хотя и слабо организованного противника. Чтобы спасти осажденных в посольском квартале Пекина дипломатов и успевших добраться под их защиту европейцев, войска европейских держав должны были предпринять совместный поход через охваченную восстанием страну. Русским контингентом в этой колонне командовал генерал-майор Стессель.

В советское время о знаменитом некогда «пекинском походе» русской армии старались не вспоминать. Не хотели «обижать китайских товарищей»¹. Поэтому большинство наших современников и не слышало об этом триумфе русского оружия. К счастью, времена меняются. В 2006 году была переиздана книга военного журналиста Дмитрия Янчевецкого «У стен недвижимого Китая». Автор, ирод славший весь «пекинский поход» с русскими войсками, дает живое и подробное описание событий.

Немалое место в книге занимает фигура генерала Стесселя. И как не похож этот образ, написанный с натуры, на тот, что мы

¹ Не хотели даже тогда, когда отношения с этими самыми товарищами в конце испортились, а на советско-китайской границе шли вооруженные столкновения.

видим в книге Степанова. Здесь перед нами предстает опытный энергичный командир, умело управляющий своими войсками, любимый офицерами и солдатами, смелый и находчивый. И кстати, довольно самостоятельный в решениях. Конечно, книга Дмитрия Янчевецкого написана с целью запечатлеть триумф русской армии и ее союзников, но и в приукрашивании действительности ее автор не замечен. В пользу его объективности говорит и отношение к восставшим, в которых он видит прежде всего патриотов своего отечества, прибегнувших к отчаянным средствам далеко не от хорошей жизни.

Во время «пекинского похода» генерал Стессель был ранен и контужен, но остался в строю. Наградой стал орден Святого Георгия Победоносца 4-й степени и чин генерал-лейтенанта.

В мае 1903 года Стесселя попытались убрать с Дальнего Востока — он получает назначение на должность командира 2-й пехотной дивизии, расквартированной в Варшавском военном округе, со штаб-квартирой в Брест-Литовске. С точки зрения столичных бюрократов из Военного ведомства, назначение очень престижное, да и Брест куда ближе к Петербургу, чем Порт-Артур.

Но, судя по всему, генерал отказался принять назначение. Командиром дивизии он числился с мая по август, но Дальний Восток так и не покинул. Что было тому причиной? Удержали Стесселя штаб наместника, не желавшего потерять одного из опытных генералов? Сам ли он решил остаться, так как в регионе уже явственно чувствовался пороховой запах? Можно сказать одно: если бы захотел уехать и вести спокойную жизнь генерала в западных губерниях империи — уехал бы.

В результате вместо спокойного командования дивизией Стессель получает хлопотную должность исполняющего обязанности (как тогда говорили — исправляющего должность)

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

коменданта крепости Порт-Артур. В дальнейшем, после прибытия на Дальний Восток достаточного количества войск, ему предстояло возглавить 3-й Восточно-Сибирский армейский корпус, который должен был действовать на границе с Кореей. Туда же постепенно начала передислокацию 3-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада, который так долго командовал генерал.

24 июня 1903 года в Порт-Артуре состоялось совещание под председательством военного министра А.Н. Куропаткина, посвященное усилению войск на Дальнем Востоке вообще и в крепости в частности.

На нем было принято решение о развертывании порт-артурского крепостного пехотного полка в 7-ю Восточно-Сибирскую стрелковую бригаду, в составе четырех полков трехбатальонного состава, которая предназначалась на роль порт-артурского постоянного гарнизона. Одновременно точно такая же бригада (8-я Восточно-Сибирская стрелковая) была создана во Владивостоке.

Командовать новым соединением был назначен генерал-майор Роман Исидорович Кондратенко, и это назначение стало одним из наиболее удачных кадровых решений русского военного руководства.

Но все эти военные приготовления запоздали. 27 января 1904 года боевые корабли японского императорского флота атаковали русскую эскадру Тихого океана в Порт-Артуре и Чемульпо. Началась Русско-японская война,

КВАНТУНСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН И ЕГО КОМАНДУЮЩИЙ

Начало войны застало русские сухопутные силы в состоянии развертывания. Из Порт-Артура в район корейской границы спешно выдвинулись последние части 3-й Восточно-

Сибирской стрелковой дивизии (в январе 1904 года Восточно-Сибирские стрелковые бригады были Высочайшим приказом переименованы в дивизии).

Должен был отправиться туда и генерал Стессель. Поэтому в начале февраля 1904 года в Порт-Артур был назначен новый комендант генерал-лейтенант Константин Николаевич Смирнов. Он принадлежал к интеллектуальной элите русской армии. Окончил Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию и Николаевскую академию Генерального штаба. Занимал ряд важных штабных и командных постов, но вот в бою за 32 года военной службы ему побывать так и не довелось. Не служил он никогда прежде и на Дальнем Востоке, а в Порт-Артуре и вовсе не был. Чем руководствовались в военном министерстве, назначая в находящуюся на переднем крае крепость коменданта без боевого опыта и знания местности, осталось загадкой.

В штабе наместника быстро поняли ошибочность столичного кадрового решения, по своим каналам вышли на государя, и в результате 10 марта 1904 года последовал Высочайший приказ о назначении генерал-лейтенанта Стесселя командующим Квантунским укрепленным районом, с подчинением ему всех войск, находящихся на территории Квантуна и крепости Порт-Артур. Таким образом, Смирнов был с самого начала поставлен в подчинение к Стесселю.

Если бы эти два генерала сумели сработаться, то они бы прекрасно дополнили друг друга — методичный, образованный, с опытом штабной работы Смирнов и горячий, харизматичный, имеющий боевой опыт строевик Стессель. Если бы Смирнов был бы назначен начальником штаба Стесселя... Но история не знает сослагательного наклонения. Новичок на Дальнем Востоке, Смирнов не смог завоевать авторитет у

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

квантунских генералов, а неясность его полномочий позволяла Стесселю действовать через его голову, В результате новоназначенный комендант оказался «пятым колесом» в порт-артурской телеге. Усугубила же ситуацию взаимная личная неприязнь двух генерал-лейтенантов, Неизвестно, почему их личные отношения не сложились, но итогом стала взаимная вражда, которая доставила некоторое количество проблем во время войны и крайне негативно сказалась в послевоенное время.

К апрелю 1904 года в целом закончились мероприятия по пополнению войск Квантунского укрепрайона и доведения уже имеющихся частей до штатов военного времени. Значительную часть мобилизованных составляли сибиряки, некоторые из которых уже служили на Дальнем Востоке. В конце апреля 1904 года командующему укрепрайоном подчинялись следующие силы:

5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк из состава 2-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Командир — полковник Третьяков;

4-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, в составе 13, 14, 15, 16-го Восточно-Сибирских стрелковых полков трех-батальонного состава и 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Всего — 12 батальонов, 32 орудия. Начальник дивизии — генерал-майор А.В. Фок;

7-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия в составе 25, 26, 27, 28-го Восточно-Сибирских стрелковых полков и 7-го Восточно-Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона. Всего 12 батальонов и 24 орудия;

Тыловые команды 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии численностью около полубатальона;

21-я и 36-я роты пограничной стражи;

три батальона Квантунской крепостной артиллерии (их артиллеристы обслуживают крепостные орудия морского и сухопутного фронтов крепости);

сотня 1-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска;

квантунская саперная рота;

крепостная минная рота;

крепостной телеграф первого разряда (аналог дивизиона связи в современных терминах);

рота 1-го Уссурийского железнодорожного батальона.

Кроме того, из русских жителей Порт-Артура и портовых рабочих были сформированы 12 дружин (ротного состава) ополчения. На офицерские должности были назначены немногие бывшие в городе офицеры запаса и городские чиновники,

В оперативном отношении командующему районом подчинялся и Кванту некий флотский экипаж — резерв личного состава Первой эскадры Тихого океана, численностью до 3500 человек. После гибели кораблей эскадры морских частей стало несколько больше.

Всего к моменту начала боев в Квантунском районе под командой генерала Стесселя находилось 47 016 человек, из которых 34 500 — строевых.

Укрепленный район занимал всю территорию Квантунского полуострова с городами Порт-Артур и Дальний. Помимо крепости в Порт-Артуре другим укреплением была укрепленная позиция на перешейке, связывавшем полуостров с Ляодуном. По названию близлежащего китайского города она носила название Кинчжоу¹. Ее укрепления нолевого типа были построены еще китайцами перед началом Японо-китайской

¹ В современной литературе употребляется более китаезированный вариант названия - Цзиньчжоу.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

войны. В угрожаемый период их привели в порядок силами инженерных войск квантунского отряда, а для усиления артиллерии использовали до 40 китайских трофейных пушек.

Занимал эту позицию 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк иод командой полковника Третьякова, непосредственно за ним располагалась дивизия генерала Фока.

НА ДАЛЬНИХ И БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ

Пока Порт-Артур и Квантунский район лихорадочно готовились к боевым действиям, японцы начали реализовывать свой план войны. Высадившаяся в Корею 1-я японская армия под командованием барона Куроки (пытаясь помешать ее высадке погибли в неравном бою «Варяг» и «Кореец») 18 апреля форсировала реку Ялу и, отбросив русский отряд генерала Засулича, начала наступлении в Маньчжурии.

31 марта во время отражения очередного налета японской эскадры на Порт-Артур подрывается на mine и гибнет флагманский броненосец Первой эскадры Тихого океана «Петропавловск». Вместе с ним погибает и командующий эскадрой вице-адмирал Макаров. Одновременно поражения от подрыва на mine получает эскадренный броненосец «Победа». В строю эскадры остается всего три эскадренных броненосца, деморализованная гибелью любимого командующего, она не способна к активным действиям.

Воспользовавшись этим обстоятельством, японцы предпринимают одну из самых рискованных операций в ходе войны — 22 апреля под прикрытием объединенного флота в 100 километрах к северу от Порт-Артура высаживается 2-я японская армия под командованием генерала Ясукаты Оку

численностью 38,5 тысячи человек, 27 апреля японцы перерезают сухопутные сообщения Квантуна с Россией и начинают наступление на передовые рубежи укрепрайона.

2 мая русский флот берет реванш за гибель Макарова — минный заградитель «Амур» выставляет на пути японской эскадры под Порт-Артуром минное заграждение,, на котором подрываются два японских броненосца — «Ясима» и «Хацусе» — крупнейший успех русского флота за всю войну.

13 мая японские войска атакуют Кинчжоускую позицию.

Простое перечисление событий в хронологическом порядке показывает главное достоинство японского плана войны — тесное взаимодействие армии и флота. Именно благодаря этому становятся возможны дерзкие и динамичные действия. Обращает на себя внимание и пассивность русского командования. Флот не считал необходимым препятствовать высадке японцев на Ляодуне. Командование Маньчжурской армией даже не рассматривало возможность ударить на армию Оку с севера, зажав ее между собой и Квантунским укрепленным районом.

Сражение при Кинчжоу в нашей историографии обычно оценивается критически, причем главным обвиняемым является генерал Фок. Присмотримся к этому человеку подробнее.

Биографическая справка.

Генерал-лейтенант Александр Викторович Фок.

Под звездами балканскими...

Александр Викторович Фок родился в 1843 году и происходил из старинного шведского дворянского рода, члены которого верно и преданно служили России с оружием в руках. В справочнике С.В. Волкова упоминаются 10 представителей этого рода, достигших генеральских чинов на службе престолу

и Отечеству. Портрет генерала Александра Борисовича Фока висит в Военной галерее Зимнего дворца.

В 1863 году Александр Фок оканчивает Новгородский кадетский корпус, после чего проходит годичное обучение в Константиновском военном училище. С 1864 года он офицер 99-го пехотного полка.

Служба в армии мирного времени порядком наскучила молодому офицеру, и в 1871 году он переводится в Отдельный корпус жандармов, чтобы вступить в борьбу с революционной заразой. Однако начало Русско-турецкой войны 1877 года побуждает Фока вернуться в строй.

Как и Стессель, он отправляется на войну добровольцем и в 1876 году вступает в сербскую армию в чине капитана 2-го класса. После вступления России в войну возвращается на русскую службу и становится капитаном Волынского пехотного полка.

За отличия в боях на Шипке награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и производится в майоры.

Дальнейшая служба протекает в основном на окраинах империи. Генеральский чин Фок выслужил в 1900 году, т. е. его карьера развивалась медленнее, чем у того же Стесселя. На Дальнем Востоке служил с 1900 года, когда получил в командование 4-ю Восточно-Сибирскую стрелковую бригаду. Участвовал в китайском походе, был ранен, но остался в строю.

Генерал был склонен к литературному творчеству, — из-под его пера часто выходили заметки, а некоторые приказы по стилю напоминали памфлеты.

О его действиях в ходе Русско-японской войны более подробно будет рассказано ниже, обратим внимание читателя на дальнейшую судьбу генерала.

За участие в капитуляции Порт-Артура Александр Викторович Фок был предан суду, который оправдал его полностью. Однако, полагая, что его честь была задета резкими высказываниями генерала Смирнова, он вызвал последнего на дуэль. Эта уникальная в русской военной истории дуэль двух генерал-лейтенантов, одному из которых было 65 лет, а другому 53 года, состоялась 5 марта 1908 года. И привлекла внимание тогдашней прессы. В газете «Речь» была опубликована статья с подробным описанием дуэли:

«Генерал-лейтенант Фок, фигурировавший в качестве обвиняемого перед верховным военно-уголовным судом по делу о сдаче Порт-Артура, счел себя оскорбленным показаниями, данными на следствии и суде по этому делу бывшим комендантом Порт-Артура генералом-лейтенантом Смирновым, и вызвал его на дуэль.

Ген.-лейт. Фок выбрал своими секундантами лейтенанта Подгурского и штабс-капитана в отставке Ксидо, которые явились к ген.-лейт. Смирнову и передали ему письмо с вызовом ген. Фока.

Вызов ген. Фока был собственноручно изложен им в следующих выражениях.

“В докладной записке, поданной вами в следственную комиссию, а потом и перед верховный судом, вы отозвались о моей служебной деятельности в выражениях оскорбляющих мою честь и мое доброе имя, причем позволили себе извратить истину.

Прошу избрать двоих секундантов и передать моим представителям, где они могут с ними встретиться для переговоров о времени и месте поединка”.

Прочитав это письмо, ген.-лейт. Смирнов ответил секундантам, что примет вызов лишь с согласия на то высшего военного начальства. Последние дали свое согласие на дуэль.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Со своей стороны ген. Смирнов выбрал секундантами члена Государственной Думы В. Пуришкевича и капитан 2-го ранга Шульца.

Между секундантами обеих сторон состоялось совещание, на котором обсуждались условия дуэли, причем было решено драться 5 марта, в 10 ч. утра, в манеже лейб-гвардии Конного полка. Дуэлянты должны были стрелять из пистолетов по очереди до “первой крови”. В совещании этом принимал деятельное участие ген. Киреев, известный знаток правил дуэли.

В манеже были приготовлены санитарные носилки и возле них суетились полковые фельдшеры с перевязочными средствами. За час до дуэли прибыли секунданты во главе с ген. Киреевым.

Ген.-лейт. Смирнов прибыл после ген.-лейт. Фока и приветствовал его, приложив руку к головному убору. Ген. Фок ответил поклоном.

Когда все формальности были окончены, каждый из них занял свое место. Первым выстрелил ген.-лейт. Фок, но безрезультатно. Затем последовал выстрел со стороны ген.-лейт. Смирнова. Пуля пронизала правую фалду в генеральском сюртуке Фока. Генералы обменялись тремя выстрелами, но безуспешно. Когда в четвертый раз выстрелил ген.-лейт. Фок, ген. Смирнов приложил руку к правому бедру. Секунданты спросили его, что с ним. “Кажется я ранен”, — заметил ген. Смирнов и, поднявшись на эстраду, твердо заявил, что он ранен. Его окружили все секунданты и ген. Киреев и пожали ему руку. Тогда только раненый почувствовал боль. Когда его усадили на носилки, он попросил достать ему папиросу.

Ген. Фок после выстрела повернулся и направился к выходу.

Условия дуэли были очень тяжелые. Стрелялись противники на расстоянии 20 шагов. На прицел давалось каждый

раз по 30 секунд. После каждого выстрела дуэлянты по жребии обменивали пистолеты и каждый раз снова заряжали их. Дуэль началась ровно в 9 ч. 35 мин. и окончилась ровно в 9 ч. 50 мин.

Руководил дуэлью ген. Киреев»¹.

После этой дуэли Фок вышел в отставку. Казалось, на седьмом десятке лет можно думать только о заслуженном отдыхе, но... Но с началом Первой Балканской войны в 1912 году генерал едет военным советником в Болгарию и остается в этой должности до окончания Второй Балканской войны.

В годы Первой мировой войны престарелый генерал уже не служил, но после революции принял участие в деятельности Белого движения. Служил в Вооруженных силах Юга России, прошел эвакуацию, Галлиполи и после 1920 года оказался в эмиграции в Болгарии.

Там, на дорогой для него земле, он и скончался 2 декабря 1926 года.

Как видим, мало общего с образом трусоватого, циничного и расчетливого немца, мечтающего о «поместье в Тюрингии», каким выведен Фок в романе Степанова.

Итак, 13 мая 1904 года японские дивизии двинулись в атаку на позиции 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Завязался Кинчжоуский бой. В ходе его полк отразил более 15 японских атак, но к вечеру начал поддаваться и с наступлением темноты отошел с позиции, бросив на ней часть полевых орудий (в основном — трофейных китайских). Потери стрелков составили 184 человека убитыми и 836 ранеными и контуженными (треть состава полка). Японцы купили относительный успех дорогой ценой — 746 убитых, 4160 раненых и контуженных.

¹ Газета «Речь» от 6 (19) марта 1908 года.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Дивизия Фока, находясь в непосредственной близости к месту боя, так в него и не вступила. Впоследствии многие обвиняли русское командование вообще и генерала Фока в частности в недостаточно упорной обороне позиции Кинчжоу. И в самом деле, выдвини Фок для поддержки Третьякова хотя бы одну бригаду или даже один свежий полк, атаки японцев были бы отбиты, и позиция осталась бы за русскими. Почему он этого не сделал?

Дело в том, что командование Квантунского укрепрайона располагало значительно меньшими силами, чем противник. Отряд Фока (его дивизия +5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк) представлял собой практически все свободные полевые войска. (Дивизия Кондратенко должна была занимать укрепления крепости.) В случае их поражения крепость была бы обречена на быстрый захват.

Японские генералы стремились не просто взять Порт-Артур, но взять его предельно быстро. Время для них было важнее, чем потери. Генерала Оку более чем устроило бы втягивание русских полевых войск в полевое, по сути, сражение за Кинчжоу и другие подступы к Порт-Артуру. В полевых сражения японцы имели возможность реализовать свое численное преимущество, а русские лишались возможности использовать мощь крепостных орудий укреплений.

Это хорошо понимало русское командование. Непосредственный начальник Стесселя командующий Маньчжурской армией генерал Куропаткин в личном письме советовал ему сразу же отвести отряд Фока в крепость, не вступая в сражения с японцами вообще¹.

¹ В этом совете — весь Куропаткин. Он дает Стесселю приказ, т.е. не принимает на себя ответственность за решение, но своим авторитетом командующего навязывает его начальнику Квантуна.

К тому же при всех выгодах позиции под Кинчжоу она была не лишена и ряда существенных недостатков. Герой этого боя полковник Третьяков писал впоследствии:

«Успешно оборонять эту позицию было нельзя. У неприятеля — флот, могущий подойти и к обоим флангам, и к тылу позиции, у него громадное превосходство сил, и у него же широкие артиллерийские позиции, охватывающие кольцом кучку наших батарей на Кинчжоуских высотах».

Полковник предлагал вместо Кинчжоу укрепить позицию несколько южнее, где была возможность развернуть большие силы и встречать японцев, выходящих из дефиле перешейка. Но средств и времени на укрепление подступов к Квантунскому полуострову отпущено не было.

Оставление Кинчжоуской позиции отдало в руки японцев торговый порт Дальний, который они не замедлили восстановить и использовать для снабжения своих войск. Японцы сформировали 3-ю армию под командованием генерала барона Ноги, главной задачей которой стало овладение Порт-Артуром, 2-я армия генерала Оку повернула к северу.

13 июля японцы перешли в новое наступление и атаковали промежуточные позиции русской армии на линии Волчьих гор. Именно здесь, по мнению специалистов, и должен был стоять фортовый пояс порт-артурской крепости. Но сейчас там были лишь полевые укрепления, которые занимали 16 тысяч солдат при 70 орудиях. Японцы сосредоточили против них в четверо больше людей и два с половиной раза больше пушек. Тем не менее их первая атака была отбита с большими потерями. Будь в распоряжение Стесселя хотя бы еще одна дивизия, неизвестно, как повернулось бы дело. Но войск не было, и после двух недель боев русские части отошли на передовые позиции крепости. Началась тесная блокада Порт-Артура.

СНОВА СПОР О КОМАНДОВАНИИ

Поскольку занимаемая войсками Квантунского укрепленного района территория сократилась фактически до размеров крепости Порт-Артур, генерал Смирнов предпринял новую попытку оспорить командование у Стесселя. Основанием для его претензий служило «Положение о крепостях», согласно которому вся власть в осажденной крепости принадлежала коменданту. Однако высшим законом в Российской империи была и оставалась личная воля самодержавного монарха. Приказ о назначении Стесселя командующим войсками Квантунского укрепрайона и подчинение ему генерала Смирнова исходил лично от государя и никак не мог быть оспорен. Поэтому Смирнов предпринимает обходной маневр: в письме командующему войсками на Дальнем Востоке генералу Куропаткину он предлагает последнему отозвать Стесселя ввиду сокращения территории района до территории крепости. К своим действиям против командующего Смирнов привлек исполняющего обязанности командующего порт-артурской эскадрой контр-адмирала Витгефта, который также послал наместнику отрицательный отзыв о Стесселе (а вот Стессель в своих донесениях оценивал Витгефта очень высоко).

Итогом всех этих интриг стал приказ Куропаткина об отзыве командующего войсками укрепрайона в Маньчжурскую армию, который Стессель получил 5 июня.

Этот приказ произвел среди генералов порт-артурского гарнизона эффект разорвавшейся бомбы. При всех недостатках Стесселя как руководителя (а у кого их нет?) никому из них и в голову не пришло подчиниться Смирнову, полководческие таланты которого расценивались весьма невысоко.

Ответом стало письмо, подписанное Стесселем, а также генералами Никитиным, Фоком, Кондратенко и Белым, с просьбой оставить все как есть. После окончания осады этот поступок будет поставлен Анатолию Михайловичу в вину. Дескать, отказался выполнить приказ и предстать перед начальством. В романе «Порт-Артур» отказ командующего покинуть осажденную крепость объясняется трусостью и властолюбивыми амбициями. К сожалению, этой точки зрения придерживаются и некоторые современные исследователи.

Помимо коллективного письма Стессель послал Куропаткину (кстати, своему бывшему однокашнику по Павловскому училищу) предложение отозвать из крепости Смирнова и передать полномочия коменданта Кондратенко, который был буквально создан для этой должности. Это предложение даже недоброжелатели генерала считают рациональным и правильным. Но, по мнению военных бюрократов, должность коменданта должен был занимать генерал-лейтенант, а Роман Исидорович был лишь генерал-майором.

В результате все осталось по-прежнему: получив ответ Стесселя и генералов порт-артурского гарнизона, Куропаткин не стал настаивать на исполнении своего приказа. Не отозвал он и Смирнова, который так и остался пресловутым «пятым колесом».

А теперь представим, что бы писали в учебниках истории, если бы генерал Стессель принял предложение и покинул крепость. Тогда бы он значился как полководец, прошедший успешные оборонительные бои на подступах к Порт-Артуру, да и, получив в Маньчжурской армии под командование корпус, мог бы себя проявить. Вина же за падение Порт-Артура легла бы на генерала Смирнова.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ПОВЕЛЕЛ ИДТИ ВО ВЛАДИВОСТОК...

Тем временем рабочие иорт-артурского порта, прилагая колоссальные усилия в сложных условиях осажденной крепости, завершили ремонт кораблей Первой эскадры Тихого океана. К июлю 1904 года она снова насчитывала в боеспособном состоянии 6 эскадренных броненосцев. Невозможность вести борьбу за господство на море, базируясь на осажденную и блокированную крепость, побудила командование российского флота разработать план сосредоточения всей эскадры во Владивостоке. Порт-Артурским кораблям предстояло выйти в море и с боем прорваться через Желтое и Японское моря во Владивосток.

Задача была сложная, но, в принципе, выполнимая. Главную ударную силу русской эскадры составляли 6 эскадренных броненосцев, японского флота — 4 эскадренных броненосца и 3 броненосных крейсера. Объективные параметры указывали на примерное равенство сил сторон.

Суммарное водоизмещение русских броненосцев составляло 74 700 тонн, японского 1-го боевого отряда — 75100 тонн. Бортовой залп русских броненосцев состоял из 15—305-мм, 8—254-мм и 33—152-мм орудий (вес залпа 8147 килограммов); бортовой залп 1-го боевого отряда включал 12—305-мм, 1—254-мм, 6—203-мм и 40—152-мм орудий (вес залпа 7354 килограмма).

28 июля 1904 года русские корабли вышли из гавани. На мачте флагманского броненосца «Цесаревич» взвился сигнал: «Флот извещается, что государь император повелел идти во Владивосток».

Около полудня показались шедшие навстречу корабли японского флота. В 12.20 противники открыли огонь. Япон-

ский командующий ожидал, что после стычки русские, как это бывало раньше, развернуться для возвращения в Порт-Артур. Поэтому он не стал разворачивать свои корабли и вступил в бой на контркурсах. В результате в 13.35 эскадры разошлись, и японцы начали разворот и преследование.

Хотя японские корабли имели некоторое преимущество в скорости, догнать русскую эскадру и возобновить сражение им удалось только в 16.45. Ожесточенный огонь с обеих сторон не приносил успеха ни одной из них, пока в 17.30 японский двенадцатидюймовый снаряд, попавший в мостик «Цесаревича», не сразил находившегося на нем русского командующего контр-адмирала Витгефта. Командир броненосца капитан 1-го ранга Иванов, опасаясь неразберихи, не стал спускать адмиральский флаг и передавать командование. Эскадру по-прежнему вел «Цесаревич», на котором японцы старались сконцентрировать огонь.

Через 15 минут после смерти адмирала очередной японский снаряд попал в боевую рубку русского флагмана. Все находившиеся в ней были убиты или тяжело ранены, корабль выкатился из строя.

Чтобы не дать японцам воспользоваться замешательством, командир броненосца «Ретвизан» направил свой корабль прямо на неприятеля. Обменявшись с русскими последними залпами, японская эскадра отвернула и вышла из боя. Фактически задача боевого прорыва из гавани была решена.

Нет сомнений, что, исправив наскоро повреждения, адмирал Того попытался бы снова отыскать русские корабли и вступить в новый бой. Но за ночь русская эскадра имела все шансы оторваться от противника.

Но для этого надо было восстановить управление, что сделать не удалось. Контр-адмирал князь Ухтомский, следующий

по старшинству после Витгефта, так и не смог оповестить остальные корабли о вступлении в командование. Прошло время, прежде чем порядок и управление были восстановлены. Русский крейсерский отряд, отважно защищая главные силы от японских минных атак, связал боем эсминцы и крейсера противника, заставив его отступить. Но дальше произошло необъяснимое. Командующий отрядом крейсеров контр-адмирал Н.К. Рейценпгтейн не сумел сохранить управление своими кораблями, в результате крейсер «Паллада» вернулся к броненосцам, флагманский «Аскольд» прорвался в Шанхай, «Диана» — аж в Сайгон, и лишь «Новик» попытался достичь Владивостока, ко в бою около острова Сахалин получил тяжелые повреждения и был затоплен.

Князь Ухтомский, руководствуясь непонятными мотивами, повернул главные силы русской эскадры обратно в Порт-Артур. Во многих источниках говорится о том, что после боя русские броненосцы действовали каждый сам по себе и лишь случайно вместе собрались утром у ворот гавани. Это не так. Вряд ли все пять командиров одновременно решились нарушить приказ государя императора, и вряд ли пять разрозненных кораблей смогли бы прорваться к порту через японские минные силы.

Очевидно, что именно новый флагман принял решение о возвращении, а остальным ничего не оставалось делать, как повиноваться. Косвенно это подтверждается тем, что после боя лишь князь Ухтомский понес наказание за неисполнение недвусмысленного императорского приказа.

Вернувшись в Порт-Артур, эскадра окончательно похоронила надежды флота выиграть войну. В условиях осажденной крепости не было никакой возможности исправить боевые повреждения, пополнить запасы топлива и снарядов, восполнить потери в экипажах. К тому же, как, вероятно, помнит читатель,

укрепления крепости не защищали гавань от обстрела осадными орудиями.

Когда подробности сражения стали известны русскому командованию, 24 августа 1904 года контр-адмирал князь П.П. Ухтомский был отстранен от командования силами флота в Порт-Артуре, а сразу после войны в 1906 году уволен со службы. Но исправить последствия его роковой ошибки уже не удалось.

ШТУРМ И НАТИСК

В начале августа 1904 года японская армия предприняла первую попытку штурма Порт-Артура. При этом японский командующий решил прибегнуть к методу, который в Европе при осаде крепостей не применяли уже более 200 лет, — к атаке открытой силой.

8 августа после ожесточенного артобстрела русских позиций японские войска большими массами ринулись на восточный фронт крепости. В первый момент этот бурный натиск вызвал легкое замешательство, но русские солдаты удержали свои позиции. Огонь крепостной артиллерии и пулеметов, установленных в укреплениях, причинял японцам колоссальные потери. Сибирские стрелки и отряды матросов смелыми контратаками выбивали японцев из захваченных пунктов. После двухдневного натиска, исчерпав запасы «самурайского духа», японская армия откатилась на исходные позиции. Ее потери составили 20 тысяч убитыми и ранеными. Почти треть осадного корпуса погибла в этих боях. Русские потеряли в шестеро меньше — 3000 человек.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

С русской стороны сражением руководил талантливый генерал Роман Исидорович Кондратенко, назначенный начальником сухопутной обороны крепости.

Итоги штурма заставили японцев отказаться от повторений столь решительных атак в дальнейшем и перейти к правильной осаде.

Второй штурм начался 6 сентября, и к утру 7 сентября японцы овладели передовыми позициями русских — Водопроводным и Кумирненским редутами и Длинной горой. 8—9 сентября шел упорный бой за Высокую гору, в которой японцы видели ключ к Порт-Артуру. Однако японцам не удалось взять Высокую гору — её сохранением в результате боев 9 сентября русская армия обязана глазомеру и находчивости полковника Ирмана, решительности лейтенанта Подгурского и героизму стрелков 5-го полка. Подгурский с тремя охотниками выбил пироксилиновыми шашками три роты японцев, занявшие было люнеты. Потери русских составили 1500 человек, японцев — 6000.

После этого японцы сосредоточили свое внимание на ведении технически сложных осадных работ. Ими предпринимались попытки подорвать русские форты при помощи минных галерей, но они провалились благодаря усиленной работе русских военных инженеров и саперов. Развернулась настоящая подземная война.

К концу сентября японцы доставили под Порт-Артур купленные в Германии 280-мм осадные орудия. Это было смертельное оружие для крепости, укрепления которой были рассчитаны на обстрел только 152-мм снарядами.

В крепости начались серьезные проблемы с продовольствием, запасы таяли, организовать снабжение морем в условиях господства на нем японского флота не представлялось возможным. В гарнизоне вспыхнула эпидемия цинги.

Снаряды осадных орудий не щадили в крепости никого.

14 октября осколком такого снаряда в голову был ранен командующий обороной генерал-адъютант Стессель.

17 октября японцы при поддержке ураганного огня артиллерии предприняли очередную попытку штурма. Несмотря на все сложности, этот натиск был отбит и японские потери снова в несколько раз превысили русские.

В ноябре японцы несколько изменили тактику. Главной целью их атак стала господствующая над крепостью гора Высокая. Овладев ей, японцы получали возможность корректировать огонь своей осадной артиллерии по гавани и укреплениям. Сама гора находилась вне обвода крепости и была защищена только полевыми укреплениями. Бои за этот пункт продолжались около десяти суток. Вершина горы несколько раз переходила из рук в руки, пока, наконец, не осталась за японцами. Успех дался им дорогой ценой — потери составили 12 тысяч человек (у русских — только 4000).

Разместив на вершине Высокой корректировочный пункт, японцы в течение недели огнем 280-мм орудий уничтожили все корабли порт-артурской эскадры. Положение крепости дошло до критической отметки. Число раненых и больных почти сравнялось с количеством способных держать оружие.

2 декабря во время посещения форта №2 прямым попаданием 280-мм снаряда был убит порт-артурский Гектор — начальник сухопутной обороны крепости генерал-майор (посмертно он получил звание генерал-лейтенанта) Роман Исидорович Кондратенко. С ним вместе погиб весь его оперативный штаб — 8 офицеров.

Начальником сухопутной обороны крепости был назначен генерал-лейтенант Фок. Японские снаряды, наводимые с ужасающей точностью, буквально перемалывали укрепления.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

В середине декабря защитники были вынуждены оставить форты и отойти на вторую линию обороны. Фактически началась агония крепости.

19 декабря японцы выбили ослабевшие части гарнизона с «китайской стенки» (так назывались построенные еще китайцами укрепления, игравшие в Порт-Артуре роль второй линии обороны) и вынудили на отдельных участках отступить к центральной ограде.

Это был конец. И в романе Степанова и во многих исследованиях, написанных под его влиянием, можно встретить обвинения в адрес генерала Фока о преждевременном оставлении некоторых позиций, стремлении сдать крепость и т. д. Авторы этих мнений очень слабо представляют себе ситуацию в осажденной и находящейся на пределе своих возможностей крепости. Как раз описания последних дней обороны Порт-Артура — самая слабая часть романа. Мемуары защитников рисуют всеобщую картину истощения, нехватки сил и средств, упадка боевого духа. Крепость действительно подошла к пределу своих оборонительных возможностей, и не злая воля генералов Фока и Стесселя, а объективные обстоятельства поставили вопрос о конце обороны.

ГОРДОСТЬ И ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ

16 декабря генерал Стессель собрал военный совет, чтобы обсудить возможности дальнейшей обороны крепости. Но прежде чем рассказать о совещании, рассмотрим несколько военно-теоретических и юридических аспектов.

Военная теория говорит о том, что полностью изолированная крепость, осаждаемая врагом, обладающим достаточным

техническим уровнем, рано или поздно обречена быть взятой или капитулировать. Со времен маршала Вобана осадные технологии гарантировали взятие любых укреплений, и борьба между обороняющимся и осаждающим шла не за неизбежный итог, а за время. Выиграв время, осажденный мог рассчитывать на такое изменение военной обстановки в целом, которое бы заставило противника снять осаду.

Это теория. Если ее применить к Порт-Артуру, то очевидно, что спасти крепость могло только наступление русской Маньчжурской армии, которое одно могло заставить японское командование снять осаду. Но такого наступления в планах Куропаткина даже не значилось. Теоретически крепость могла устоять до конца боевых действий, но в декабре 1904 года о возможном заключении мира не думали ни русские, ни японцы.

С юридической точки зрения капитуляция осажденной крепости всегда была делом подсудным. В XVIII веке действовал негласный принцип: «Русская крепость может быть взята штурмом, но капитулировать не может никогда». Однако в XIX веке в «Положении о крепостях» появилась оговорка — преступлением считалась капитуляция крепости до исчерпания всех возможных пределов обороны.

Но как определить это самое «исчерпание пределов»? Как мы помним, даже генералу Бодиско пришлось выслушивать обвинения в преждевременной капитуляции Бомарзунда.

Ситуация в Порт-Артуре была много сложнее. Из докладов генералов на военном совете вырисовывалась следующая картина — гарнизон крепости серьезно ослаблен голодом и болезнями. Число раненых, больных и ослабевших превысило число тех, кто мог сражаться. Заканчивались медикаменты, а госпитали подвергались обстрелам противника. В строю оставалось, по формальным подсчетам, около 14 тысяч чело-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

век, но реально готовыми к бою было не более 10 тысяч, а им предстояло оборонять 18-верстный оборонительный периметр, сократить который не было возможности.

Крепостные орудия за время осады израсходовали свой ресурс. Каналы стволов были изношены, что затрудняло точную стрельбу. Боезапас также был на исходе. Наиболее необходимых фугасных снарядов осталось менее 10 на крупнокалиберное орудие, унитарных выстрелов для скорострельных пушек — около 60 на ствол, т. е. на несколько часов стрельбы.

Продовольственные запасы позволяли на скудном рационе продержаться еще месяц.

Однако все генералы, принимавшие участие в совете, высказались за продолжение обороны. Никто не хотел первым заявить о сдаче. Офицерская честь не позволяла им думать о спасение своей жизни, пока в их распоряжении еще оставались средства к сопротивлению. Но из докладов вырисовывалась следующая картина — продолжительность обороны зависела от действий противника. Крепость не могла выдержать нового штурма, и срок ее жизни теперь определялся тем, когда японцы решат его предпринять.

Но был в генеральской позиции и еще мотив, обычно не заметный современным исследователям, — это лояльность и верность своему командующему. Выступив с предложением сложить оружие, генералы тем самым выразили бы и недоверие своему командующему. Своими заявлениями о готовности воевать дальше они как бы вверяли судьбу крепости и свою собственную в его руки, были готовы идти за ним до последнего.

Трудный выбор предстояло сделать генералу Стесселю. Он, командующий с правами командующего отдельным армейским корпусом, генерал-адъютант, т. е. представитель в

крепости особы государя императора, должен был сделать выбор, и он его сделал.

18 декабря из гавани Порт-Артура вышли последние боеспособные корабли Первой эскадры Тихого океана — эскадренные миноносцы «Статный», «Властный», «Сердитый», «Скорый» и «Решительный». На борту «Статного» находились знамена русских полков, секретные документы, журналы боевых действий, наградной фонд (солдатские Георгиевские кресты и медали). Не обнаруженные противником, эсминцы благополучно прорвались в китайский порт Чифу, где разоружились. Знамена и секретные документы были переданы в русское дипломатическое представительство. Через несколько дней японцы, поняв, какой трофей упустили, в нарушение всех международных законов захватят разоруженный «Решительный». Но ни одно знамя частей Квантунского укрепленного района не попало в руки противника.

20 декабря к японским позициям отправились парламентареры. Генерал Стессель отправил царю следующее донесение:

«Великий Государь, сопротивление наше не приводит ни к чему. Японцы, видимо, получили помощь и вчера весь день вели атаки, как на восточном фронте, так и на западном фронте, и горсть наших защитников повсюду оттеснена; особенно несем потери от 11-дюймовых снарядов, которые разнесли все прикрития даже в окопах горы. Видя всю безнадежность положения, я послал письмо Ноги, предлагая вступить в переговоры; буду выговаривать возможно почетные условия, а главное, отпустить нас на родину. Прошу благословения и молитв Ваших, да поможет Господь Бог искупить грехи наши и будущей жизнью, и службой. Из армии ни одной вести с 20 октября.

Генерал-адъютант Стессель».

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Переговоры с японцами были недолгими. Противник категорически отказался пропустить порт-артурский гарнизон или отправить на родину хотя бы больных и раненых. Воспитанный в традициях XIX века, Стессель переоценил рыцарские качества противника. Условия капитуляции были следующие:

КАПИТУЛЯЦИЯ КРЕПОСТИ ПОРТ-АРТУР

Статья первая

Русская армия, флот, охотники и должностные лица крепости и в водах Порт-Артура становятся военнопленными.

Статья вторая

Все форты и батареи, броненосцы, корабли, лодки, оружие, амуниция, лошади и все другие предметы войны, равно как и деньги и другие предметы, принадлежащие Русскому правительству, должны быть переданы Японской армии в том виде, в котором находятся в данный момент.

Статья третья

Если две предыдущие статьи будут приняты, то, в виде гарантии за точное исполнение, Русская армия и флот должны вывести все гарнизоны из всех фортов и батарей на Исудзань, Шоашизань, Тайанишининзань и со всей цепи холмов на юго-востоке от вышепоименованных гор и передать форты и батареи Японской армии 3 января до полудня.

Статья четвертая

Если будет замечено, что Русская армия и флот разрушают и каким бы то ни было способом изменяют настоящее состояние предметов, помеченные в статье второй, после подписания

капитуляции Японская армия прекратит всякие переговоры и будет иметь свободу действий.

Статья пятая

Русские военные и морские власти должны выбрать и передать Японской армии планы укреплений Порт-Артура и карту с указанием мест фугасов, подводных мин и других опасных предметов, таблицу организации армии и флота, находящегося в Порт-Артуре, номенклатуру военных и морских офицеров, определяющую их чин и обязанности, то же самое относительно военных и гражданских чиновников, то же самое о броненосцах, кораблях и лодках с номенклатурой их экипажа и таблицу, показывающую число, пол, расу и профессию мирных жителей.

Статья шестая

Все оружие (включая и носимое частными лицами, амуниция, предметы, принадлежащие Правительству, лошади, броненосцы, корабли и лодки со всем находящимся на них), кроме частного имущества, должно быть в порядке содержимо на прежних местах. Способ передачи их должен быть решен русско-японским комитетом.

Статья седьмая

В воздаяние почести храбрым защитникам Порт-Артура русским военным и морским офицерам и чиновникам разрешается носить холодное оружие и иметь при себе предметы, необходимые для их жизни, и решено, что те из офицеров, охотников и чиновников, которые дадут письменное обещание не браться снова за оружие и ни в каком случае не действовать против интересов Японии во время настоящей войны, могут отправиться на свою родину.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Каждый офицер имеет право иметь одного денщика, который, как исключение, освобождается от письменного обещания.

Статья восьмая

Обезоруженные унтер-офицеры, солдаты и моряки Русской армии и флота, а также охотники должны двинуться целыми частями под командой их непосредственных офицеров к месту сбора, указанному Японской армией, в присвоенной им военной форме, имея при себе походные палатки и собственные вещи первой необходимости. Детали этого будут указаны японским комитетом.

Статья девятая

Для ухода за больными и ранеными и обеспечения пленных санитарный персонал и интендантская часть Русской армии и флота в Порт-Артуре должны оставаться до тех пор, пока Японская армия считает их необходимыми, и оказывать услуги под управлением японских санитарных и интендантских чинов.

Статья десятая

Размещение частных жителей, передача административных дел и финансов города вместе с документами относительно последних и другие дела, связанные с исполнением настоящей капитуляции, должны быть рассматриваемы в дополнении, которое имеет такую же обязательную силу, как и статьи капитуляции.

Статья одиннадцатая

Настоящая капитуляция должна быть подписана уполномоченными обеих сторон и вступить в силу тотчас же после подписания.

Одно из дополнительных соглашений обеспечивало права русского населения города.

Мирные жители могут продолжать спокойно жить, и тем из них, которые пожелают оставить Порт-Артур, будет разрешено взять с собой всю их частную собственность. Семействам офицеров и чиновников, которые пожелают уехать, Японская армия представит все удобства, какие в ее силах.

Подписав эти условия, командующий сообщил о них государю:

Сегодня вынужден подписать капитуляцию относительно сдачи Порт- Артура, военных и гражданских чинов. Офицерам позволено сохранить оружие и возвратиться в Россию с обязательством не принимать участия в настоящей войне или остаться военнопленными. Доношу Вашему Императорскому Величеству об указанном обстоятельстве.

Тогда же Стессель издал свой последний приказ, обращенный к находившимся под командой войскам:

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

20 декабря 1904 года.

Крепость Порт-Артур

Герои -защитники Артура! 26 января сего года Артур впервые был потрясен выстрелами неприятеля; это миноносцы атаковали нашу эскадру, стоявшую на рейде; с тех пор прошло одиннадцать месяцев. Сначала бомбардировки крепости с моря, затем, начиная с начала мая, бои уже на сухопутье; геройская оборона Киньчжоуской позиции получила справедливую оценку по заслугам. По оставлении нами Киньчжоуской позиции и начались знаменитые бои на передовых позициях, где не знаем, чему удивляться - упорству или настойчивости противника, сосре-

доточившего против нас большое превосходство сил и особенно артиллерии, или вашей необыкновенной отваге и храбрости и умению нашей полевой артиллерии. Позиции у Суанцайгоу, Талингоу, Юпилазы, Шининцзы, высоты 173—163—86 — Зеленые горы, всегда останутся в памяти у нас, участников и потомства. Все будут удивляться, как отбивались и погибали на Юпилазе и других позициях!..

Начиная с середины мая и до 17 июля вы держали противника вдали от крепости, и только в конце июля он смог обстреливать верки крепости.

Приказ не может указать всех тех геройских подвигов, всего того героизма, который проявлен гарнизоном с 26 января и проявляется по сие время; подойдя к крепости, к нашим ближайшим передовым позициям: Дагушань, Сяоташань, Угловая, Кумирнский, Водопроводный, 1-й и 2-й редуты, вы долго сдерживали противника перед крепостью, а Высокая — сколько она оказала заслуг и героизма.

Иностранцы уже в сентябре диву давались, как мы держимся, не получая ничего извне. Да, действительно, это беспримерное дело. Громадное число убитых и умерших указывает на то упорство, которое проявили войска, и на тот необычайный, нечеловеческий труд, который вы несете, только вы, славные воины Белого Царя, и могли это вынести. Одиннадцатидюймовые бомбы, этот небывалый фактор войны, внесли страшные разрушения, лучше сказать — уничтожение всего; еще недавно, 2 декабря, наш герой генерал-майор Кондратенко с 8 славными офицерами были убиты наповал разрывом подобной бомбы, разорвавшейся в соседнем каземате 2-го форта; никакие преграды и закрытия не спасают от 15—19-пудовых бомб. Все наши госпитали и больницы ныне расстреляны. Суда эскадры через 3—4 дня после занятия Высокой тоже расстреляны. Бетоны

на фортах и орудия подбиты. Снаряды почти иссякли или уничтожены; кроме того, еще цинга; враг этот тоже неумолимый и беспощадный. При всем том если ваша храбрость, мужество и терпение не имеют границ, то всему есть пределы, — есть предел и сопротивлению. По мере сближения неприятель подвигал и батареи, и наконец, Артур был опоясан кольцом; начались штурмы, начиная с августа, в продолжение сентября, октября, ноября и декабря. Штурмы эти не имеют ничего похожего во всей военной истории; на этих штурмах об ваши груди, как об скалы, разбилась многочисленная армия храброго врага. Пользуясь превосходством огня на самых близких расстояниях, артиллерия наносила нам всегда огромный вред. Наконец, все порасходовали, а главное — защитников: из 40 тысяч гарнизона на 27-верстной обороне осталось менее 9 тысяч и то полубольных. При таких обстоятельствах и после взятия противником главной форта № 3, укрепления № 3 и всей Китайской стены, Куропаткинского люнета, батареи Лит. В., то есть почти всего восточного фронта и на западном до Ляотешаня, продолжать оборону значило подвергать ежедневно бесполезному убийству войска наши, сохранение коих есть долг всякого начальника. Я с полным прискорбием в душе, но и с полным убеждением, что исполняю священный долг, решился прекратить борьбу и, установив наивыгоднейшие условия, очистить крепость, которая теперь уже, с потоплением судов эскадры, не имеет важного значения; оттянуть силы неприятеля от главной армии: мы выполнили это; более 100-тысячной армии разбилось о ваши груди. Я с сокрушением в сердце, но и с полнейшим убеждением, что исполнил священный долг перед Царем и Отечеством, решил оставить крепость.

Славные герои, тяжело после 11-месячной обороны оставить крепость, но я решил это сделать, убедившись, что дальнейшее

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

*сопротивление даст только бесполезные потери воинов, со сла-
вой дравившихся с 26 января. Великий Государь наш и дорогая Ро-
дина не будут судить вас. Дела ваши известны всему миру, и все
восхищались ими. Беру на себя смелость, как генерал-адъютант
Его Величества, благодарить вас Именем Государя Императора
за вашу беспримерную храбрость и за беспримерные труды во
все время тяжелой осады, осады, вырвавшей из строя более
34 тысяч защитников. С чувством благоговения, осенив себя
крестным знаменем, помянем славные имена доблестных за-
щитников, на полях брани за Веру, Царя и Отечество живот
свой положивших, начиная от генералов до рядовых борцов.
Великое спасибо вам, дорогие храбрые товарищи, за все вами
содеянное!.. Долгом почитаю принести мою благодарность
доблестным начальникам вашим, моим сотрудникам в боевых
делах. Благодарю беззаветных тружеников врачей, ветерина-
ров, Красный Крест и сестер. Благодарю всех тех, кои оказали
обороне услуги: велосипедистов, извозчиков и др. Объявляя за-
служенную благодарность оставшимся в живых и достойным
начальникам вашим, почтим, боевые товарищи, память павших
со славою и честью во всех боях и битвах сей кровопролитной
кампании. Да ниспошлет Господь мир праху их, а память о них
вечно будет жить в сердце благодарного потомства.*

*Условия передачи будут объявлены в приказе. Ныне и впредь
до возвращения на родину вы поведете себя как достойным
воинам надлежит, и в годину нашего тяжелого испытания будете
молиться Господу, и не омрачите славного имени никаким недо-
стойным проступком, помня, что на вас смотрят Царь, Россия и
все державы. Надо, чтобы знали и ведали, что русский воин тверд
и в счастье, и в тяжелом, Богом посылаемом, испытании.*

*Начальник Квантунского укрепленного района
генерал-адъютант Стессель.*

Началась капитуляция крепости — порт-артурская эпопея закончилась.

Но остался вопрос — что заставило генерала Стесселя пойти на принятие этого решения? Раз он один взял на себя всю ответственность за него, то с него одного и спрос. Слова последнего приказа *«Великий Государь наш и дорогая Родина не будут судить вас»* имели и юридический смысл — отвечать за капитуляцию перед судом должен был только командующий.

Сам генерал оправдывал свое решение стремлением уберечь гарнизон и мирное население города от неизбежной резни, которая бы последовала после очередного и на этот раз удачного штурма японцев. Пройдя с ними бок о бок «пекинский поход», Стессель хорошо знал, на что способны разгоряченные боем солдаты Микадо. Вряд ли в этом можно усмотреть страх за свою собственную жизнь — трусом генерал не был, да и командующего японцы постарались бы взять живым. Подписывая капитуляцию, генерал знал, что в России за этим может последовать и смертный приговор.

Выходит, «царский сатрап» пожалел жизни своих солдат? Да, именно так. Во второй половине XIX века в русской армии формируется гуманистическая традиция отношения к рядовому составу. Здесь сказывались и отголоски народнических идей, и традиционализм, начавший как раз в это время размышлять рационально-немецкую основу русской армии.

Когда в 1897 году во время учебного плавания в Балтийском море налетел на камни броненосец «Гангут», находившийся на борту вице-адмирал Тыртов приказал в первую очередь спасти команду корабля, даже не предпринимая попыток спасти сам корабль. «Гангут» благополучно затонул, но весь экипаж был спасен. Действия командующего получили высочайшее одо-

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

брение: узнав о гибели броненосца, государь император издал приказ по Морскому ведомству, в котором обратил внимание на «выказанные в этом несчастном случае со стороны флагмана, командиров и офицеров броненосца энергию и распорядительность, благодаря которым в минуты крайней опасности был сохранен на судне образцовый порядок и удалось спасти всех находившихся на нем людей», за что «всем чинам погибшего броненосца изъявлено царское спасибо».

Идея, что офицер должен жертвовать при необходимости не только жизнью, но и своей честью ради своих подчиненных, как выражение христианской заповеди: *«Нет больше той любви, если кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15:13)* — была распространена в офицерском корпусе. Не чужд ей оказался и генерал Стессель.

КЛЕВЕТА И СУД

Анатолий Михайлович Стессель вернулся в Россию вместе с частью офицеров порт-артурского гарнизона и эскадры в январе 1905 года. Публика приветствовала его как героя. 11-месячная оборона Порт-Артура и в России, и во всем мире рассматривалась как беспримерный подвиг. Во Франции в честь Стесселя даже отчеканили памятную медаль.

Никаких следственных или судебных действий в отношении командующего Квантунским укрепленным районом и его генералов не предпринималось. Считалось, что крепость защищалась до последней возможности, а значит, капитуляция не противоречила действующим законам. К тому же вести следствие до возвращения значительной части офицеров и генералитета из японского плена было бы затруднительно.

В 1906 году выходит книга «Правда о Порт-Артуре», автором которой являлся бывший военный корреспондент порт-артурской газеты «Новый край» Евгений Константинович Ножин.

Сам Ножин личность весьма загадочная. Современным исследователям пока не удалось установить его биографию. Известно, что он родился в 1874 году в дворянской семье. Учился в кадетском корпусе, однако учебу не окончил (недоброжелатели писали, что был изгнан оттуда за «громкое поведение и тихие успехи»), поступил вольноопределяющимся в 177-й пехотный Изборский полк, но через год был освобожден от военной службы по причине «расстроенных нервов». Служил по гражданской части и даже предлагал свои услуги жандармскому управлению в качестве агента.

Перед Русско-японской войной Ножин оказывается в Японии, где занимается в Нагасаки педагогической деятельностью — преподает японцам русский язык. Незадолго до разрыва отношений с Японией перебирается в Порт-Артур и поступает в газету «Новый край» в качестве корреспондента.

Его публикации вызывают острое недовольство чинов гарнизона и особенно Стесселя. Ножин часто описывает подробности боев, причем порой публикует в статьях такую информацию, которая могла быть полезна разведке противника (например, сведения о потерях). Наладив хорошие отношения с комендантом крепости генералом Смирновым, Ножин позволяет в своих статьях критические замечания в адрес Стесселя, чем доводит того до белого каления. Генерал приказывает отобрать у журналиста удостоверение военного корреспондента, уволить его из газеты, а потом и вовсе собирается судить за измену. Можно не сомневаться, что в случае, если бы дело Ножина рассматривал военно-полевой суд осажденной крепости,

он бы нашел в его статьях достаточно оснований для вынесения смертного приговора.

Однако Смирнов спас своего протеже, тайно переправив его в Чифу на одном из прорывавших блокаду миноносцев эскадры.

Именно Смирнов и послужил источником большинства разоблачительных сведений для книги «Правда о Порт-Артуре». Вышедшая сразу после революции, когда критический настрой в обществе по отношению к власти был очень высок, книга сразу была поднята на щит либеральной прессой. Общественное мнение стало требовать суда над генералом Стесселем, которого еще недавно превозносили как героя.

В конце 1906 года была создана следственная комиссия по делу о сдаче крепости Порт-Артур, которая к январю 1907 года подготовила обвинительное заключение. На скамье подсудимых оказались командующий Квантунским укрепленным районом генерал-адъютант Стессель, его начальник штаба генерал-майор Рейс, комендант крепости Порт-Артур генерал-лейтенант Смирнов и начальник сухопутной обороны крепости генерал-лейтенант Фок.

Разумеется, свою работу следственная комиссия строила не на разоблачительных публикациях, а на анализе документов и показаниях участников обороны. Ее работа проходила в условиях колоссального, говоря современным языком, информационного давления. Либеральная пресса требовала расправы над «бездарными генералами», обвиняя в их лице весь «царский режим». К чести офицеров-портартурцев надо отметить, что они и здесь не бросили своего командующего. В 1907 году выходит брошюра «Ответ Артурцев господину Ножину», в которой группа офицеров последовательно разбирает несутрастности и клеветнические измышления журналиста. Взялся за

перо и сам генерал, опубликовавший брошюру «К мои врагам», известную также как «Отповедь генерала Стесселя» (полный текст этого издания приводится в приложении), но эти голоса разума тонули в море разоблачительных публикаций.

Военный суд, рассмотрев представленные материалы следствия, освободил от ответственности генералов Фока, Рейса и Смирнова, признав их невиновными. При этом освобождение от ответственности Смирнова было обставлено довольно уничижительным для него образом — суд счел, что обвиняемый не был информирован о происходящем в крепости, а потому и не мог препятствовать ее сдаче.

Обвинения против Стесселя сводились к трем пунктам:

1. Сдал крепость японским войскам, не употребив всех средств к дальнейшей обороне.
2. Бездействие власти.
3. Маловажное нарушение служебных обязанностей

Под «бездействием власти» суд имел в виду то обстоятельство, что Стессель, зная о сочинении и распространении генералом Фоком критических замечаний, в которых подвергались критике не подчиненные Фоку офицеры и генералы (главным образом все тот же Смирнов), не принял мер к пресечению этой деятельности. Суд сам счел это обвинение маловажным, так как прекрасно понимал, что командующему осажденной крепостью было чем занять и без цензурных обязанностей.

Под «маловажным нарушением служебных обязанностей» подразумевались действия генерала, противоречащие строгой букве военных уставов и законов. Стессель часто отдавал распоряжения через голову Смирнова, гражданской администрации Порт-Артура и т. д. Суд сам счел этот пункт обвинения маловажным ввиду невозможности строгого соблюдения всех норм закона в условиях осажденной крепости.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Наиболее серьезным был первый пункт. Выше уже говорилось о том, что с военной точки зрения возможности крепости к обороне были исчерпаны и нанести неприятелю серьезный ущерб она не могла. Но с чисто юридической позиции крепость была сдана преждевременно. А вдруг японцы по каким-то причинам не стали бы ее штурмовать? Тогда оборона могла продлиться еще месяц до исчерпания продовольственных запасов.

Следуя букве закона, суд признал Стесселя виновным в преждевременной сдаче крепости и приговорил его к расстрелу. Но тут же обратился к государю с ходатайством о помиловании приговоренного с мотивировкой:

«Принимая во внимание, что крепость Порт-Артур, осажденная с моря и с суши превосходными силами противника, выдержала под руководством генерал-лейтенанта Стесселя небывалую по упорству в летописях военной истории оборону и удивила весь мир доблестью своих защитников, что несколько штурмов были отбиты с громадными для противника потерями, что в течение всей осады генерал-лейтенант Стессель поддерживал геройский дух защитников крепости, а также его прежнюю боевую службу и участие в трех кампаниях, суд просит помиловать обвиняемого, с заменой смертной казни десятилетним заключением в крепости».

Государь император принял предложение суда, Стессель был заключен в крепость, но через год помилован окончательно и освобожден. Примечательно, что Николай II был убежден в полной невинности генерала и выполнил решение суда лишь из уважения к закону. Все время, когда генерал находился в заключении, его семье выплачивалась пенсия из средств Кабинета Его Императорского Величества.

Не забыли командующего и его офицеры. После вынесения приговора Стесселю приходило множество телеграмм, от

участников обороны города, некоторые из которых сохранились в архивах.

В тяжелую минуту постигшего Вас испытания мы просим принять выражения нашего искреннего сочувствия и глубокого уважения. Пережив с Вами и славные дни Порт-Артура, и тяжелые дни суда, мы теперь с великой надеждой ждем последнего милостивого царского слова, и что бы ни было с Вами, мы никогда не забудем, насколько обязан гарнизон Вам, своему истинному вождю, под руководством и по указаниям которого мы исполнили в трудное время свой долг.

Подполковник Вадин (Вамензон)

Штабс-капитан Соломонов.

Пораженный до глубины души суровостью приговора, прошу принять выражение сердечного соболезнования в обрушившемся на Вас несчастии за общее дело, не теряя надежды, что любвеобильное сердце монарха оценит Ваше самопожертвование, а время оправдает и Вашу решительность.

Бывший командир

15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка

генерал-майор Н.П. Грязнов.

И ведь не штабные прихлебатели пишут, а офицеры, неоднократно проявившие храбрость в бою, награжденные боевыми орденами и золотым оружием.

А что же Ножин? Очень похоже, что вся история с созданием книги «Правда о Порт-Артуре» была не чем иным, как сознательным заказом со стороны враждебных России революционных или либеральных сил. Тех, кто всеми силами стремился заклеить «прогнанный царский режим». И военный корреспондент оказался лишь орудием в их руках. Понял

ли это сам Евгений Ножин? К его чести, надо сказать, что да. Поэтому после 1909 года его имя исчезает со страниц газет. Бывший газетчик переосмысливает свою жизнь, становится все более религиозным и под конец принимает священный сан. Он будет участвовать в борьбе Белого движения, окажется в эмиграции и уйдет из жизни в 1942 году в сане протоиерея.

Может, именно поэтому Степанов, активно использовавший материал из книги Ножина для создания негативных моментов романа о Порт-Артуре, его самого выставил в книге в весьма неприглядном свете.

ПАМЯТЬ

С военной точки зрения гарнизон крепости и войска Квантунского укрепленного района выполнили свою задачу блестяще. На 9 месяцев они связали боем крупную японскую армию. Причинили врагу колоссальные потери. Если русские потеряли за время осады около 15 тысяч человек, из них около 7800 убитыми и умершими от ран и 1500 умершими от болезней, то японские потери превышали 100 тысяч человек, из которых более 36 тысяч убитыми и умершими от ран и болезней.

Оборона крепости продолжалась 11 месяцев (329 дней), из них 9 месяцев в условиях полной блокады без сообщений с внешним миром и 5 месяцев в условиях тесной осады. Более продолжительной обороны крепости военная история XX века не знает. Конечно, Порт-Артур нельзя назвать победой русского оружия, но он, без сомнения, должен занять место в пантеоне нашей национальной военной славы.

Формально так оно и есть, но как в реальности сохраняется память о Порт-Артуре?

Надо отдать должное японскому командованию — после захвата Порт-Артура оно не тронуло русские военные кладбища. Японцы не препятствовали и эксгумации праха героя обороны крепости генерала Романа Исидоровича Кондратенко для перезахоронения его тела в России. Более того, во время этой печальной церемонии солдаты японского гарнизона отдали бывшему врагу воинские почести. На месте гибели генерала в форте №2 на средства, собранные японскими офицерами, был поставлен небольшой памятник.

Японцы не тронули память защитников города. Не тронули ее и советские войска, взявшие крепость в 1945 году. Более того, за кладбищами и памятниками был обеспечен с советской стороны некоторый уход. После безвозмездной уступки Порт-Артура китайскому коммунистическому правительству ни о каком уходе за русскими кладбищами не могло быть и речи. Китайцы проводили четкое разделение между памятью советских воинов-освободителей и русских империалистических колонизаторов. А то, что и те и другие воевали против одного и того же врага, это осталось без внимания. Впрочем, японским кладбищам в Порт-Артуре пришлось еще хуже — их и вовсе снесли. Превращение Люйшуня в закрытую военную базу китайского флота спасло русские кладбища от уничтожения хунвейбинами в ходе так называемой «культурной революции».

В сентябре 2010 года в ходе официального визита в КНР Порт-Артур посетил Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев. Это был первый в истории визит главы российского государства в крепость. Перед этим событием китайская сторона в спешном порядке провела реставрационные работы на советском кладбище, которое должен был посетить Президент РФ. Русское же кладбище китайцы просили не посещать, и МИД РФ выполнил эту просьбу. Бог ему судья...

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

После отмены закрытого статуса Люйшунью стал административным округом в составе быстрорастущего мегаполиса Далянь (бывшего русского порта Дальний). Рядом с последним расположено несколько курортов, пользующихся популярностью во многих странах, в том числе и в России. Но туристов привлекают в эти места не только волны Желтого моря, экзотические методы китайской медицины, но и история. Поток туристов благотворно сказался на судьбе остатков русского Порт-Артура. Некоторые из укреплений (батареи Электрического утеса и Золотой горы, форт №2 и др.) превращены в музеи и открыты для посещения.

Что же касается России, то, увы (сколько же раз приходится писать «увы», говоря о сохранении исторической памяти!!!), ни одного памятника героическим защитникам Порт-Артура в нашей стране нет. Чуть больше повезло морякам — на памятных досках недавно отреставрированного Большого Морского собора в Кронштадте выбиты имена всех офицеров Первой эскадры Тихого океана, погибших при защите крепости. На площади перед собором стоит памятник погибшему в Порт-Артуре вице-адмиралу Степану Осиповичу Макарову. Памятник одному из героев обороны крепости можно видеть в белорусском городе Полоцке, где установлен бюст начальника сухопутной обороны крепости, командира 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанта Романа Исидоровича Кондратенко. После Русско-японской войны имя погибшего генерала было присвоено Полоцкому кадетскому корпусу, перед зданием которого и был установлен бюст героя. В 1932 году памятник «царскому сатрапу» снесли, но в 2008 году восстановили на прежнем месте.

Впрочем, один пусть и довольно непривычный для современного рационального сознания памятник героям Порт-

Артура в нашей стране есть. Речь идет о Порт- Артурской иконе Божией Матери. Сказание о ее обретении столь необычно, что приведем его тут почти полностью.

Ровно за два месяца до начала Русско-японской войны, 11 декабря 1903 года, в Киево-Печерскую лавру, в Дальние пещеры, пришел поговеть из Бессарабской губернии старик матрос, участник обороны Севастополя. Он усердно молился о русском флоте в Порт-Артуре. Однажды во сне ему было видение: стоящая спиной к заливу моря Пресвятая Богородица, держащая в руках продолговатый плат с сиреневой каемкой, на котором был изображен лик Спасителя. Хитон Божией Матери был синим, а верхнее одеяние — коричневым. Обе стопы Ее попирали обнаженные и отточенные обоюдоострые мечи. С правой стороны над пречистым ликом Богородицы находился архистратиг Михаил, с левой — архангел Гавриил. Над Нею ангелы держали в облаках царскую корону, увенчанную перекрещивающимися радугами с крестом наверху. Еще выше Бесплотные Силы поддерживали облака, на которых восседал Господь Саваоф; над ним была надпись по сиянию: «Да будет едино стадо и един пастырь».

Пресвятая Богородица успокоила пораженного страхом матроса и поведала ему, что вскоре начнется война, в которой Россию ждут тяжелые потери и испытания. Владычица Небесная приказала изготовить образ, точно отображающий видение, и отправить икону в Порт-Артурскую церковь, обещая помощь, покровительство и победу русскому воинству тотчас по прибытии образа на указанное место.

Видение старика матроса, севастопольца, стало известно богомольцам Киево-Печерской лавры. Когда пришло первое известие о начале Русско-японской войны, 10 тысяч богомольцев по пятачку (более от одного лица не принимали) собрали сумму,

необходимую на материалы для иконы. За работу мастера ничего не взяли.

Образ был изготовлен точно по указанию матроса. На нем эмалированной вязью было написано: «В благословение и знамение торжества христолобивому воинству Дальней России от святых обителей Киевских и 10 000 богомольцев и друзей».

Летом 1904 года икона прибыла на Дальний Восток, о чем подробно рассказали «Владивостокские епархиальные ведомости» (М 16—17, 1 сентября 1904 года; № 2, 15 января 1905 года; № 10, 15 мая 1905 года). 2 августа Преосвященный епископ Владивостокский и Приморский Евсевий (Никольский) в кафедральном соборе принял святую икону «Торжество Пресвятой Богородицы», предназначенную для Порт-Артурского собора и до того времени находившуюся у начальника Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Н.И. Скрыдлова. Вице-адмирал Н.И. Скрыдлов, которому это поручение было дано государыней императрицей Марией Федоровной, по прибытии во Владивосток обратился к ней с просьбой о разрешении временно поставить икону во Владивостокском кафедральном соборе. Ее императорское величество изъявила согласие в телеграмме, которая была получена во Владивостоке 2 августа.

Многие верующие выражали недоумение и неудовольствие тем, что Порт-Артурская икона не доставляется к месту назначения. Однако задержка с отправкой была обусловлена отсутствием свободных кораблей, способных безопасно доставить икону, и активными военными действиями в осажденном Порт-Артуре.

С иконы «Торжество Пресвятой Богородицы» было снято несколько копий. Вначале было сделано несколько копий фотографическим способом. С фотокопии один владивостокский живописец сиял еще одну копию (писана на дереве масляными

красками в уменьшенном размере). Предполагалось, что несколько фотокопий иконы будут посланы сухим путем по почте в Чифу на имя русского консула с просьбой при первом удобном случае переправить их в Порт-Артур.

Копию иконы на дереве было решено отослать в Порт-Артур первым же транспортом. Доставить живописную копию иконы в Порт-Артур взялся доброволец-матрос Пленков, это было в октябре. Но транспорт попал в сильный шторм и вернулся во Владивосток. Вторично на этом же транспорте икона была отправлена 16 ноября. Результаты этой поездки остались неизвестными.

Было предпринято еще несколько попыток доставить икону в крепость, но все они окончились неудачей, и изготовленный специально для Порт-Артура список иконы оказался в походной церкви командующего Маньчжурской армией генерал-адъютанта Куропаткина.

Сама икона, находившаяся во Владивостоке, исчезла после того, как храм, в котором она хранилась, был взорван большевиками (в 1938 году). Однако в 1998 году в антикварном магазине в Иерусалиме паломники из России обнаружили и выкупили образ Божией Матери Порт-Артурская. Экспертиза подтвердила, что икона действительно изготовлена в начале XX века, т. е. это либо исходный образ, созданный в Харькове, либо один из списков, изготовленных во Владивостоке для передачи в Порт-Артур. В настоящее время вновь обретенная икона находится Свято-Никольском кафедральном соборе Владивостока.

Видимо, в этом и заключался Промысел Божий об этой иконе. Она не смогла спасти город, но стала вечным неуничтожимым памятником его защитникам. Сносились монументы, взрывались храмы, перерабатывались в макулатуру книги, с «идеологически неверным» содержанием, а икона жила.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Списки с Порт-Артурской иконы имеются сейчас во многих храмах России. А сколько их на домашней иконной полке тех, кто верит в Бога и помнит историю своей страны. И пусть город Порт-Артур исчез из списков населенных пунктов и баз данных, в памяти русского народа он будет жить, покуда жив и сам русский народ.

Заключение

Неподалеку от стен Спасо-Бородинского монастыря находится небольшой памятник лейб-гвардии Конноартиллерийской батарее. На сером граните золотые буквы: *«Доблесть родителей — наследие детей. Все тленно, все преходяще, только доблесть никогда не исчезнет — она бессмертна».*

Крепости, об обороне которых рассказывалось на страницах этой книги, находятся за границами современного российского государства, да и само это государство официально не признает себя правопреемником Российской империи. Российская Федерация — наследник Советского Союза, возникшего как отрицание традиционной русской государственности, и по сию пору не пытается преодолеть этот разрыв. Может быть, потому и нет памятников, поставленных нашим государством ни в Бобруйске, ни в Бомарзунде, ни в Порт-Артуре? Может, потому и нет памятников героям этих сражений в России?

Впрочем, что толку попусту винить государство, у которого и без того хватает повседневных забот. И всякий раз, когда чиновники выделяют средства на строительство или восстановление исторического памятника, в прессе возникают вопросы — а нельзя ли эти средства использовать как-то по-другому, детский сад на них построить или дорогу? Плохо ведь с дорогами в современной России, да и с детскими садами не очень.

Но помимо государства есть общество. Да, наше государство не является правопреемником Российской империи, но мы — потомки и наследники подданных русского царя. И значит,

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

намять о том, «как наши деды воевали», — это и наша память, и мы должны нести ответственность за сохранение.

Между тем жители современной России плохо знают даже свою семейную историю. Разрыв проходит по времени 30-х годов, когда было опасно хранить память о прошлом и она была утеряна. В большинстве русских семей смогут уверенно сказать, где воевал их дед или прадед в Великую Отечественную войну, но лишь единицы могут сказать то же самое о своих предках, сражавшихся за Россию на полях Первой мировой, Русско-японской и других войн империи. А ведь потомки героев Бобруйска, Бомарзунда, Порт-Артура живут среди нас, живут и не знают о доблести предков. И русское кладбище в китайском Люйшуньюкоу зарастает травой...

Пока еще не поздно восстановить времен порушенную нить. Еще стоят каменные стены укреплений Бобруйска, еще держатся руины башни С в Бомарзунде, видны еще бетонные укрепления Порт-Артура, но главное, в российских архивах еще хранятся бесценные свидетельства семейной истории — исповедные ведомости, метрические книги, ревизские сказки. Еще можно найти дорогу в прошлое. Эта дорога не проста и не коротка, но если не пройти по ней в свое прошлое, то будет ли она продолжаться в будущее?

«Дорогу осилит идущий»...

Библиография

Представленные в данном разделе книги не исчерпывают всех источников, использованных автором при написании. Это скорее литература для- дополнительного чтения, в которой любознательный читатель сможет найти больше информации о заинтересовавших его событиях.

КО ВСЕЙ КНИГЕ

Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. в 2 тт. М.: Центрполиграф, 2010.

Наиболее полный биографический справочник генералов и адмиралов Российской империи, включающий в себя сведения о более чем 15 тысячах персоналий.

Шперк В.Ф. Фортификационный словарь. М.: Изд-во Военно-инженерной академии, 1946.

Яковлев В.В. История крепостей. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000.

В краткой форме на конкретных примерах автор книги — профессор Военно-инженерной академии В.В. Яковлев рассказывает о развитии фортификации и осадного искусства с древнейших времен до начала XX века. Особое внимание в книге уделено развитию фортификации в России. Написана по-военному сухим, но понятным образованному читателю языком.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Безотосный В.М, Разведка и планы сторон в 1812 году.
М.: РОСПЭН, 2005.

Одна из немногих работ в отечественной историографии. в которой даются описание и анализ предвоенного планирования русской армии.

Клаузевиц К. 1812 год. М.: Облиздат, 1997.

Анисимов Е. Багратион. М.: Молодая гвардия, 2009.

Наиболее подробная на сегодняшний день научная биография полководца. Особенную ценность представляет описание действий армии князя Багратиона в летней кампании 1812 года, составленное с использованием новейших исследований российских историков.

Bobruisk Travel guide. Минск: Рифтур, 2008.

Один из немногих путеводителей по городу, в котором подробно описывается ранняя история Бобруйска и Бобруйской крепости. К сожалению, книга издана только на английском языке.

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОСПЭН, 2004.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. М.: Яуза; Эксмо, 2008.

Первое российское официальное описание войны 1812 года.

Лякин В.А. Мозырь в 1812 году. Минск, 2004.

К ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Анисимов Е. Багратион. М.: Молодая гвардия, 2009.

Наиболее подробная на сегодняшний день научная биография полководца. В теме данной главы интересно описание похода русских войск в Финляндию в 1808—1809 годах.

Туоми-Никула Йорма & Пяйви. **Императоры на отдыхе в Финляндии.** СПб.: Коло, 2003.

Интересная книга современных финских историков охватывает гораздо больше аспектов русско-финских отношений, нежели можно судить по ее заголовку. В частности, подробно рассмотрены вопросы непосредственного участия русских императоров в управлении Великим княжеством Финляндским.

Зайончковский А.М. **Восточная война 1853—1856.** СПб.: Полигон, 2002.

Классический труд видного военного историка начала XX века. В нем подробно рассмотрены причины и общий ход войны. Событиям на Балтике посвящена последняя глава 2-й части 2-го тома.

Кривцов Н.В. **Русская Финляндия.** М.: Вече, 2009.

Один из лучших современных исторических путеводителей по Финляндии.

Богданович М.И., **Восточная война 1853—1856 гг.** СПб., 1877.

Еще один классический труд русского военного историка второй половины XIX века, в котором уделено большое внимание событиям на Балтике.

Бородкин М. **Война 1854—1855 гг. на финском побережье. Исторический очерк.** СПб., 1904.

Наиболее подробное описание событий на Балтийском театре военных действий во время Крымской войны, в т. ч. осады Бомарзунда.

К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Порт-Артур. Том 1. Сборник документов М.: Древлехранилище, 2008.

Издание содержит объем документов относящихся к строительству крепости, ее обороне и суду над командованием после сдачи.

Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

Свечин А.А. **Предрассудки и боевая действительность.** Сборник. М.: Финансовый контроль, 2003.

Дневник полковника С.А. Рашевского (Порт-Артур, 1904). М.-Л, 1954.

Лилье М.И. **Дневник осады Порт-Артура.** М., 2002.

Ларенко П.Н. **Страдные дни Порт-Артура.** Издана под названием «Русско-япоиская война: Взгляд побежденных». М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Мемуарные издания, в которых подробно, практически день за днем, описана обстановка в осажденной крепости глазами ее защитников.

Романовский Ю.Д., фон Шварц А.В. **Оборона Порт-Артура.** В 2-х ч. СПб., 1908—1910.

Лучшее русское дореволюционное исследование, посвященное обороне крепости, написанное ее непосредственными участниками.

Янчевецкий Д. **У стен недвижимого Китая.** Издана под названием «1900. Русские штурмуют Пекин». М.: Эксмо, 2008.

АЛЕКСАНДР МУЗАФАРОВ

Описанные в книге события происходили в 1900—1901 годах, т. е. за три года до начала Русско-японской войны, но позволяют получить представление о театре военных действий и многих военачальниках, которым через три года придется защищать Порт-Артур.

Краткий словарь фортификационных терминов

Амбразура (*фр.* embrasure — бойница, оконное отверстие в стене, расширяющееся внутрь комнаты) — горизонтальный вырез в бруствере или стене укрепления таких размеров и такой формы, чтобы дуло орудия или другого огневого средства могло входить в него, поворачиваться в стороны и, если нужно, опускаться и подниматься на требуемые углы. Имеет вид усеченной пирамиды, обращенной обычно широким основанием наружу.

Бастея — полукруглая каменная крепостная постройка XVI в., заменившая крепостные башни, для продольного обстреливания крепостной ограды. Б. располагались главным образом в исходящих углах ограды, имели большой выступ в поле и открытую горжу,

Бастион (*ит.* bastionato — всякая выступающая постройка) — пятиугольное долговременное укрепление в виде люнета, с двумя фасадами, двумя фланками и открытой горжей, возводившиеся на углах крепостной ограды и примыкавшие к ней. Обращенные друг к другу половины двух смежных Б. и соединяющий их участок ограды куртина образуют бастионный фронт. Сочетание нескольких бастионных фронтов, усиленных вспомогательными постройками, называлось бастионной системой. Изобретатель Б. неизвестен. Исторически достоверно

лишь, что первые два Б. были построены в 1527 году итальянским инженером Сан-Микеле при укреплении Вероны. Предшественником бастионов Сан-Микеле явились прямоугольные укрепления другого итальянца — Мартини, выстроенные им в конце XV века.

Батарея — в фортификации — укрепление, назначенное для действия из него нескольких рядом стоящих орудий. Так же могут назвать группу орудий, размещенных на одном укреплении — батарея бастиона или батарея форта. В крепостях начала XX века батареями также называли отдельные укрепления, предназначенные для размещения крупнокалиберных крепостных орудий и расположенные в промежутках и несколько позади фортот. (Так были размещены батареи крепости Порт-Артур.)

Башня — высокая пристройка к крепостным стенам, обычно несколько выступающая за плоскость стены и имеющая высоту в среднем в 1,5—2 раза больше высоты стены. Являлась необходимой составной частью крепостных оград в древние и Средние века до появления артиллерии, когда была заменена вначале бастеями, а затем бастионами. Башни имели назначение: а) для продольного обстреливания крепостных стен и подступов к ним; б) для обеспечения сообщения с полем; в) в качестве безопасных помещений для войск и применявшихся при обороне машин; таким образом, башни являлись своеобразными опорными пунктами крепостной ограды. В первой половине XIX века Б. также стали называть каменные укрепления, приспособленные для размещения тяжелых орудий и имеющие возможности к круговой обороне (такими были башни крепости Бомарзунд или башня Малахова кургана в

Севастополе). Эти башни были предками отдельно стоящих фортов и артиллерийских батарей.

Блокада крепости — окружение крепости войсками для прекращения всех внешних ее сношений. Вследствие этого гарнизон лишен возможности получить какую-либо помощь со стороны и из-за истощения жизненных и боевых запасов, в конце концов, бывает вынужден сдать крепость (чаще всего от голода). В древние и Средние века при блокаде крепость обычно обносилась укреплениями, составляющими контрвалационную линию. В XIV—XVI веках последняя носила название также блокадной линии и состояла из отдельных укреплений, соединенных рвом и валом.

Брешь — пролом в крепостной стене или стене укрепления, позволяющий противнику ворваться внутрь открытой силой.

Бреширование — артиллерийская стрельба с целью обрушения вертикальных крепостных укреплений или проделывания в них брешей.

Бруствер (нем. brustwehr — грудная защита) — часть фортификационного сооружения, представляющая собой закрытие от прицельных выстрелов и взоров противника. В старых укреплениях, где Б. достигал высоты 1,4 метра и больше, он являлся одновременно и преградой штурму вместе со рвом перед ним. Б. бывают земляные, металлические, броневые, железобетонные и вообще из любых материалов. Толщина Б. для полевых укреплений определяется условием непробиваемости пулей, а для долговременных — условием неразрушаемости снарядом.

Делались они в крепостях в виде вертикальной стенки — парапета с бойницами, а в полевых укреплениях — из бревен.

Верк (*нем.* Werk — укрепление) — отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону.

Гласис (*лат.* glatia — покатость, гладкая длинная отлогость) — пологая насыпь, перед наружным рвом крепости. Возводили с целью улучшения условий обстрела впередилежащей местности, маскировки и защиты укрепления.

Горжа (*фр.* gorge — шея, горло) — тыльная сторона отдельных укреплений.

Дефиле (*фр.* defile — теснина) — теснина, узкий проход, образуемый непроходимой или трудно проходимой по сторонам местностью. Д. — понятие относительное, зависящее от численности войск: Д. для дивизии не будет Д. для полка, а тем более для батальона. Д. делились на открытые и закрытые; первые могут обстреливаться как с фронта, так и с флангов, вторые — только с фронта.

Долговременная батарея — батарея, возведенная из тех же материалов, что и долговременный форт. В крепостях начала XX века (например, в Порт-Артуре) возводились в промежутках между фортами.

Казарма оборонительная — казарменные помещения, приспособленные к обороне и безопасные от огня осадной артиллерии. Представляли собой многоэтажные (2—3 этажа)

каменные или кирпичные постройки с толстыми стенами и сводами, приспособленные для действия из них артиллерии. В них устраивались казематы на 1—2 орудия, действовавшие через большие амбразуры, в мирное время закрытые щитами. К. о. строились во всех имеющих самостоятельное значение крепостных укреплениях, образуя самостоятельные общие и частные ретраншементы и редюиты. Часто их помещали в горже фортов (горжевая казарма). Иногда оборонительными казармами являлись многоэтажные капониры. С появлением тяжелой осадной артиллерии уже в конце XIX века потеряли свое значение.

Каземат — защищенное от артиллерийского огня помещение, служащее для размещения крепостной артиллерии (в этом случае имеет амбразуру) или для укрытия гарнизона, боеприпасов и т. д.

Канонир — фланкирующая постройка, дающая огонь по двум противоположным направлениям. В крепостях под К. понималась казематированная оборонительная постройка на дне крепостного рва, примыкавшая к эскарпу и назначенная для продольного обстреливания рва орудийным, пулеметным и ружейным огнем. Для обстрела подходов к соседним фортам делались промежуточные полукапониры, расположенные в горже.

Крепостной вал — земляной вал, которым до появления фортовой крепости, была обнесена вся крепость, а после — ядро крепости. Назначением его было служить вместе со рвом преградой для штурмующих, давать превосходство командования крепостной артиллерии над противником, удобство

обстрела окружающей местности и осадных работ противника и прикрывать внутренность крепости от продольной стрельбы. Состоял из бруствера, валганга и ряда дополнительных сооружений.

Крепость — стратегический пункт, укрепленный средствами долговременной фортификации и снабженный постоянным гарнизоном, вооружением, запасами и управлением.

Куртина (*ит. curitne* — завеса) — участок крепостной ограды между фланками двух смежных бастионов или между двух башен.

Люнет (*фр. lunettes* — очки) — открытое с горжи полевое укрепление с одним, а чаще с двумя фасадами и двумя фланками. Впервые применено было во второй половине XVII века французским полководцем Тюреном во время Франко-испанской войны. В конце XVIII и начале XIX века стали возводиться в крепостях впереди гласиса. Имели главным образом наблюдательное назначение, откуда и название.

Минная (подземно-минная) война — боевые действия противников, когда за невозможностью уничтожить артиллерией укрепления другой стороны прибегают к устройству подземных мин, т. е. стараются подойти минными галереями под укрепления противника, разрушить их взрывом и занять воронку, образовавшуюся при взрыве горна. Противник в свою очередь стремится своими контрминами не допустить до своих укреплений и разрушить заложенную минную систему. Такие войны известны с глубокой древности при осаде укрепленных городов.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Одежда — в фортификации — искусственная облицовка земляных отлогостей для предохранения их от разрушения, обвала и размыва и уменьшения заложения отлогостей. По материалу могут быть О. дерновые, из земляных мешков, из хвороста, плетней, жердей, досок, иногда применяют даже солому и камыш, но последние вследствие легкой возгораемости все же не рекомендуются. При наличии камня применяют и его, хотя камень при попадании снарядов увеличивает поражаемость своими осколками.

Полевые укрепления — укрепления, строившиеся при непосредственном соприкосновении с противником самими войсками из местного материала. Это определение было дано приказом по Николаевской инженерной академии № 109 от 21 мая 1901 года, причем под войсками понимались и саперные части.

Полигон — многоугольник, вдоль сторон которого располагаются крепостные фронты. Стороны многоугольника называются линией полигона; углы, ими образованные, — углами полигона, а прямые, делящие углы пополам, — капиталиями углов полигона.

Постепенная атака — последовательное, систематическое уничтожение активных и пассивных средств обороны огнем осадной артиллерии и такое же последовательное, постепенное приближение к крепости пехоты осаждающего, которая, занимая ряд приближающихся к крепости позиций и производя траншейные работы, подходит вплотную к крепостным веркам и овладевает ими. Крепость предварительно изолируется от внешнего мира, т.е. предоставляется собственным силам и

средствам. Методы П. а. были известны как в глубокой древности, так и в позднее Средневековье. Впервые упорядочил и разработал метод П. а. Де-Виль (атака Де-Виля), а затем Вобан (атака Вобана), метод которого применялся почти без изменения и в XIX веке. В связи с появлением нарезной артиллерии, фугасных снарядов и крупной осадной артиллерии метод Вобана был в конце XIX века изменен. П. а. стали делить на четыре периода: первый период — обложение крепости, организация снабжения осадной армии и устройство позиции обложения; второй период — артиллерийская атака, устройство артиллерийских позиций и прикрывающей их первой параллели; третий период — ближняя или инженерная атака — устройство следующих параллелей, подготовка к штурму и его производство; четвертый период — атака второй оборонительной позиции крепости и ограды ядра крепости.

Редут - сомкнутое укрепление в виде правильного или неправильного многоугольника, усиленное преградами штурму и самостоятельное в смысле обороны. Р. появились в XVI веке и как основная форма укреплений прошла через XVII, XVIII и XIX века.

Редюит (*фр.* réduit — убежище) — внутреннее укрепление, устраивавшееся в сомкнутых укреплениях для боя внутри последних и для усиления их внутренней обороны. Первоначальное значение Р. было служить убежищем для гарнизона, атакованного и теснимого со всех сторон. Под Р. понимается также и всякий укрепленный пункт, расположенный позади главных укреплений и составляющий последний оплот обороны. Так, например, для крепости таким Р. является ее укрепленное ядро.

Ретраншемент (*фр.* retrancher — отделить, укрепить) — фортификационные постройки, расположенные позади какой-либо главной позиции обороняющегося, обстреливающие пространство за нею и принуждающие противника, овладевшего главной позицией, вести дальнейшую атаку. Понятие «ретраншемент» применялось как в долговременной, так и в полевой фортификации.

Ров — препятствие, возводившееся перед стенами или валами укрепленных пунктов как долговременного, так и полевого характера с древнейших времен вплоть до Первой мировой войны 1914—1918 годов. Вначале рвы появились не как самостоятельные препятствия, а в результате возведения валов, для которых необходима была земля: се выгоднее было брать тут же, чем подвозить издалека. Там, где стены возводились из кирпича или камня, рвы не делались. С появлением огнестрельного оружия — артиллерии — возникла необходимость понизить стены и валы, сохранив, однако, общую высоту препятствия. Во всех случаях, чтобы выполнить свое назначение, рвы должны были находиться и под действительным огнем обороны. Рвы делались сухими и водяными, когда можно было из ближайших водоемов наполнять их проточной водой

Сапа (*фр.* sapeг — подводить подкопы) — прием работ при отрывке ходов сообщения или траншей под действительным ружейно-пулеметным огнем, при котором отрывку производят постепенно с одного конца со дна рва, не показываясь на поверхности. При устройстве насыпи с одной стороны и в голове С. называется одиночной, а при устройстве насыпи с двух сторон и в голове — двойной. Если отрытые участки в процессе работы немедленно перекрываются, С. называется покрытой.

Все эти типы С., в отличие от летучей сапы, называются перекидными сапами.

Сапер (*фр.* saper — подводить подкопы) — так в XVII—XVIII веках назывались рабочие или солдаты, специальностью которых было делать подкопы и производить разрушение крепостных сооружений противника при осадах. Впоследствии С. выделились в самостоятельные части, и их обязанностью стало производство не только осадных, но и всех вообще инженерных работ.

Тет-де-пон (*фр.* tete-de-pont — голова моста) — предмостное позиция, имеющая целью облегчить своим войскам наступление или отход через переправу и обеспечить этим свободу действий на обоих берегах реки, П. п. должна прикрывать мост или район мостов и переправ от артиллерийского огня противника и обеспечивать от обхода с флангов, для чего последние упираются в реку. Внутреннее пространство (предмостный плацдарм) позиции должно быть рассчитано на развертывание в боевой порядок войск при наступлении и на свертывание при отходе. Предмостный плацдарм должен быть также обеспечен от нападения авиации противника. В голове моста должно быть отдельное укрепление, имеющее назначение прикрыть отход защитников укреплений П. п. и дать время разрушить мост. П. п. может быть односторонней, возведенной на стороне противника, или же может охватывать район моста или мосты с обеих сторон реки. В первом случае позиция называется одиночным тет-де-поном, во втором — двойным тет-де-поном.

Фас (*фр.* face — лицо) — сторона укрепления, обращенная в поле. Ф. называются также прямолинейные участки проводочных препятствий и противотанковых рвов.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Фланк (*фр.* flanc — бок) — короткая сторона укрепления, перпендикулярная или почти перпендикулярная линии фронта. В бастионной системе — сторона бастиона между фасом и куртиной, где обычно устанавливались орудия для обстреливания рва перед куртиной.

Форт (*лат.* fortis — сильный, крепкий) — сомкнутое укрепление долговременного или временного характера, основной элемент пояса внешних укреплений крепости.

Фортовый пояс — главная позиция крепости, состоящая из отдельных фортов, расположенных в нескольких километрах от ядра крепости и образующих внешний пояс ее укреплений.

Форштадт (*нем.* vorstadt) — в городе-крепости — жилые кварталы, вынесенные за периметр оборонительных сооружений. В более широком значении — предместье города.

Фронт — сочетание фасов долговременного укрепления (крепости), имеющих самостоятельную фланговую оборону рвов.

Центральная ограда — центральное укрепление крепости, имевшее сплошную круговую ограду вокруг ядра крепости и состоявшее из валов со рвом впереди, соединяющих отдельные опорные пункты — верки крепости (форты, бастионы). Рвы получали продольную оборону из фланкирующих построек опорных пунктов или из отдельно расположенных сооружений. Назначение Ц. о. — обеспечивать ядро крепости от атаки открытой силой и служить тыловой позицией на случай прорыва противника через промежутки между фортами.

Цитадель (*ит. citadella*—небольшой городок) — внутреннее укрепление крепости, имевшее самостоятельную оборону, являвшееся общим редюнтом крепости и служившая последним опорным пунктом для гарнизона крепости в случае падения основных укреплений. Ц. должка быть достаточно обширной, чтобы весь оставшийся гарнизон мог в ней поместиться, и иметь достаточные запасы. Первоначальное назначение Ц. было другое: в ней помещался гарнизон завоевателя, чтобы держать население в повиновении. С развитием абсолютизма в городах для такой же цели возводились Ц. для правительственных войск.

Шанец, шанцы (*нем. Schanze* — укрепление) — так с XVII века назывались у нас отдельные полевые укрепления. В XIX веке термин исчез.

Эскарп (*фр. escarpe* — крутой) — откос рва с внутренней стороны укрепления, крепости, форта и пр.

Ядро крепости — центральная укрепленная часть фортовой крепости. Укрепления ядра составлял ряд опорных пунктов, связанных между собою фронтами разнообразного начертания и представлявших собою центральную ограду крепости.

Приложение

Моим врагам — Отповедь генерала Стесселя

(Текст издан отдельной брошюрой в Санкт-Петербурге в 1907 году. Последняя публикация — в книге: Русско-японская война: Взгляд побежденных. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.)

До сих пор, в течение двух с половиною лет, несмотря на тяжелые и незаслуженные мною оскорбления, я хранил упорное молчание.

Сначала потому, что был «обязан» молчать, а затем с привлечением меня к суду — в ожидании справедливого разбора дела.

Но неотступные просьбы лиц, близко знавших меня и болеющих за меня душой, а главным образом косвенное оскорбление доблестного гарнизона, «не помешавшего преступить сдаче», побудили меня ответить моим обвинителям.

Передо мною два обвинительных акта: один официальный, другой сплетенный нечистыми руками подлых клеветников. Все, что не нашло себе места в официальном акте, то расцвело пышным клеветническим цветком в «Правде о Порт-Артуре», в фельетонах Купчинского и К°.

Канвой для всех обвинений, как 1-го обвинительного акта, так в особенности 2-го, служит доклад порт-артурского коменданта генерала Смирнова, который вместо того, чтобы выполнить свой прямой долг, т. е. в совместной и дружной

работе соединиться со мной в ответственном деле обороны крепости, вложил весь свой талант (о! таковой у него имеется) в составление искариотского доклада, сотканного из подтасовок и искажений фактов.

Никогда не бывший в бою, генерал Смирнов получил назначение коменданта неожиданно для всех, кто его знал.

Приехал он в Порт-Артур в полном убеждении, что война пустячная, что японцы зарвались и что все лавры и награды за усмирение их достанутся, конечно, ему.

Но едва он приехал в Порт-Артур, как был получен приказ наместника о том, что он оставляет меня в крепости, и мне, согласно Высочайшему повелению, были предоставлены права командира Отдельного корпуса, т. е. командующего армией, а генералу Смирнову права командира не Отдельного корпуса с подчинением его мне.

Это был страшный удар для его честолюбивых замыслов, и генерал Смирнов решился, поскольку это позволят обстоятельства, противодействовать мне и добиваться моего отозвания.

Отсюда пошла рознь и непримиримое отношение генерала Смирнова ко мне и к ближайшим моим помощникам.

Губительная рознь!.. Так как мы переживали страшные дни не в неприступной твердыне, а в плохо укрепленной крепости, и только когда крепость была сдана, всем стало известно, до какой степени мало укреплена была эта «твердыня» наша на Дальнем Востоке.

Тогда раздались голоса — «почему же Стессель не доносил в Петербург о полной неготовности крепости? — он был комендантом Порт-Артура и вся вина должна пасть на него, как за сдачу, так и за неготовность крепости». Общество негодовало, и совершенно справедливо, а я молчал в ожидании, что Военное министерство снимет с меня незаслуженные укоры.

Но ждал напрасно до сего дня. Пусть же узнают правду теперь. Я, генерал Стессель, был до войны комендантом не крепости Порт-Артура, а города — артиллеристы, инженеры, интенданты были мне не подчинены. Я ведал лишь бригадой и больше ничем. Моим единственным исполнительным органом был комендантский адъютант. Лишь в феврале 1904 г., когда началась война, мне подчинили инженеров, артиллеристов и интендантов, и я принял крепость по названию, а по существу крепость по типу строящихся против народцев, вооруженных копьями и стрелами, т. к. расстояние, на которое были удалены форты от жизненных мест крепости (казарм, госпиталей, складов и т.п.) и которое должно быть во всяком случае не менее дальности полета снаряда самых сильных метательных орудий противника, в Артуре равнялось в среднем полторы версты, а в некоторых местах было менее 1 версты.

Укрепляли его инженеры по планам из Петербурга (своего рода гофгерихсрат), а в Петербурге межведомственная комиссия, которой поручено было это дело, надумалась построить линию укреплений в зависимости не от местности и дальности пушечного огня, а от заранее предрешенного числа штыков гарнизона, считая на сажень периметра крепости по одному человеку. Профессор Величко, составлявший первоначальный, не принятый комиссией за дороговизну проект крепости, сам кратко и сжато обрисовал историю созидания крепостей. До изобретения пороха замок был крепостью; появился порох, обнесли замок валом; появление нарезных орудий вызвало постройку фортов на 3—4 версты от главной ограды, с увеличением же дальности огня, с введением прогрессивной нарезки в канале орудия и применением новых взрывчатых веществ, лиддита например, стали строить две линии фортов, относя первую линию на 10—11 верст от главной ограды, а вторую на

4, 6 и 8 верст. В самой крепости признавалась необходимым постройка бетонных погребов, казарм, бетонные же сооружения стали строить и на фортах. Наконец, броневые башни, переносная железная дорога вокруг фортотв и по радиустам к центру крепостит и воздушные шары дополняли, согласно данным науки, силу новых крепостей. То, что теперть наш Генеральный штаб считает новым словом — например, соединение фортотв на промежутках гласисом, — было давно уже проектировано в статьях «Инженерного журнала» за восьмидесятые еше годы, но статьи эти были гласом вопиющего в пустыне. Порт-Артур при наличии всех перечисленных совершенств в вооружении у неприятеля имел форты, удаленные от центра на 1 1/2 версты.

С первого дня обложения неприятельские осадные батареи стали обстреливать внутренность крепостит до противоположной ее ограды, где находились склады и госпитали, — ни переносной дороги, ни воздушного шара у меня не было. Линия фортотв, построенная максимум на 3 версты и минимум на версту от города, не могла прикрывать жизненных пунктов крепостит, да и самая линия эта была лишь наполовину закончена. К довершению несчастья Артура рядом был Дальний с доком и пристанями, где неприятель при бездействии нашего флота свободно выгрузил 11-дюймовые орудия.

Оглядываясь назад, я теперть вижу, что только с Божьей помощью я мог так долго держать Артур, — говорю с помощью Божьей потому, что Бог послал в крепость военного гения, человека, перед которым я преклонялся всегда и высоко ценил его, я говорю о покойном друге моем — Романе Исидоровиче Кондратенко.

Меня обвиняют теперть, что я вопреки закону подчинил ему инженеров (есть такой пункт в обвинительном акте); с чувством живейшей радости читаю я это обвинение, — в этом

моя заслуга перед царем и родиной, и я, если бы снова очутился в крепости и вновь пережил ужас осады, снова бы подчинился такому Кондратенко инженеров и сам бы подчинился ему, как это и сделал я фактически в Артуре. Если бы таким деятелем оказался комендант крепости, генерал Смирнов, я бы охотно шел с ним рука об руку, но он принес в крепость раздор, сеял ветер и пожинает теперь бурю. Он сразу захотел стать авторитетом, не приобретя в войсках свойственного таланту веса и значения.

Всех поразило, что прибывший комендант крепости, вместо того чтобы требовать вынесения вперед опорных пунктов, стал пререкаться из-за укрепления Угловой горы — той самой Угловой горы, которая стоила японцам несколько тысяч человек. Комендант требовал возведения укреплений за фортами, — и это еще в июне месяце, когда войска наши бились на Зеленых горах и когда необходимо было укреплять Волчьи горы, Трехглавую и Угловую. Всех поразила эта неосведомленность и упрямство коменданта в вопросе, составлявшем самое больное место крепости, и я, конечно, не имел права оставлять на такого человека крепость без боязни, что неприятель не захватит ее сразу, если он останется полновластным распорядителем, Я написал свое мнение откровенно генералу Куропаткину, и последний согласился со мною.

Комендант всеми мерами тормозил распоряжения генерала Кондратенко, ссорился с генералом Фоком по вопросам личного самолюбия и ладил только с корреспондентом Ножиным, с которым во времена затишья боевой бури объезжал позиции, везде неуклонно снимаясь для потомства.

Я заговорил о Ножине, хотя раньше и не хотел говорить о нем ни слова, но мне обидно читать в «Правде об Артуре» этого корреспондента о том, что генерал Кондратенко послушно ис-

полнял лишь советы Ножина во время сражения на Зеленых горах. Вообще Ножин и Купчинский очень щедры на разговоры с умершими уже деятелями, т. к. уверены, что мертвые обличать не станут. Но светлый ум генерала Кондратенко, его чистое сердце свидетельствуют, что грязные личности не могли иметь влияние на его решения, и если он терпел их, то причиной этого была лишь бесконечная снисходительность этого доброго человека.

Возвращаюсь к коменданту. Заручившись рекламой, он подкапывался медленно под здание артурской славы; во время бесконечных сражений его не было видно, — он был или дома, или на Опасной горе (прозванной артурцами «Безопасной»), которую щадили выстрелы неприятеля. Когда я решил послать парламентаря для переговоров о сдаче, он притаился, притих, он ждал, когда все совершится, он не созывал совета, не пытался противодействовать, не выезжал к войскам, т. к. всем сердцем желал сдачи, ждал ее. Когда же сдача совершилась, то, отъехав от Артура на безопасное расстояние, он понял, что наступило время для интриги, подкопа и доноса, и тут-то он начал говорить, чем был бы он, генерал Смирнов, если бы не было меня в Порт-Артуре. Теперь меня ожидает суд, а общество, со слов моих врагов, обвиняет меня в преждевременной сдаче. Но я спокоен. Пусть мне укажут хоть одну страницу инженерных журналов и сочинений по инженерному искусству, где бы допускалась мысль в XX веке о венчании гласиса, спуске в ров, ведении минной войны. Инженеры решали, что, приблизившись на версту, неприятель при силе осадной артиллерии уже захватит в свои руки крепость, делается ее господином, благодаря этому во многих крепостях забросили старые минные галереи, а новых строить не стали. Я разрушил эту иллюзию: у меня японцы просидели месяц во рву, а на

П форте — месяц сидели стенка об стенку с моими солдатами. Были ли где подобные примеры? Пусть меня осудят, но я горжусь обороной Артура. Комендант говорит, что мы не все сделали, что нам оставалась 2-я и 3-я линия обороны. И это говорит он, выславший из осажденной уже крепости без моего ведома шанцевый инструмент в Ляоян, вследствие чего солдатам нечем было копать землю. Обвинительный акт предъявляет мне тоже обвинение. Я на это скажу одно: в феврале, когда подчинили мне инженеров, я взял в свои руки оборону и несделанное годами постарался наверстать в страшные дни осады. Мы рыли под свист пуль, под гром снарядов, одной рукой держа лопату, другой винтовку, и когда не хватало воды, утрамбовывая землю, поливали ее кровью. И вот — работа героев учтена, и здесь, где упустили годы, стали высчитывать часы агонии крепости.

Крепость держалась, пока собиралась армия, — гарнизон ждал выручки, но выручка пятилась и пятилась назад на полях Ляояна и Мукдена, флот стал зимовать в Мадагаскаре.

Я говорил, что Порт-Артур будет моей могилой, — я мечтал о могиле славы, — но мог ли я, когда Артур совершил невозможное, во имя личных целей, во имя суетного тщеславия, выдать героев на резню ожесточенных упорной обороной японцев, — я видел, как они умирали, я видел страдания их в госпиталях, сердце мое не вынесло постоянных бесцельных ужасов, и я остановил резню. Комендант говорил, что я заботился о своей личной безопасности, но это можно говорить лишь при условии, что слушатели не знают карты Артура. Если бы я заботился о себе, то я переехал бы на Ляотешань и, двинув все силы на бездельную резню, мог бы в последнюю минуту с горстью штабных выкинуть из безопасного логовища Ляотешаня флаг; и меня, командующего войсками в Артуре, как ценный трофей

пощадили бы японцы, но я оставался на атакованном фронте, откуда и следил за боем на Большом Орлином Гнезде.

Я жду суда спокойно, я хотел бы вызвать свидетелями всех участников обороны, тогда все узнали бы, что генерал Стессель был до конца на своем посту, — и если он теперь живет, так только затем, чтобы не дать клеветникам забросать грязью исполнивший свято свой долг гарнизон Порт-Артура.

И я глубоко убежден, что и гарнизон этот, видевший меня в долгие месяцы осады ка позициях, засвидетельствует правду о своем старом, затравленном клеветниками генерале и смело скажет миру свое веское слово, слово героев Артура, которое заглушит громом своим мнение завистливых змей, выползших из своих нор и отравивших своим ядом немало сердец, с гордостью произносивших раньше слова о Порт-Артур.

Из всех моих обвинителей в печати наиболее определенными и наглыми являются Ножин и Купчинский. Ножин, сотрудник «Нового края», артурской газеты, деятельность которой я признал вредной для наших интересов, состоял в свите генерала Смирнова и, по моему глубокому убеждению, был ближайшим его помощником в составлении «доклада».

В виде признательности генерал Смирнов повсюду таскал его за собой, а «любопытный» Ножин, пользуясь случаем, делал фотографические снимки с наших фортов и с самого генерала Смирнова.

В своих отчетах в «Новом крае» он время от времени помещал заметки в роде следующих: «Сегодня кончила вооружаться такая-то батарея» или «Японские снаряды не долетают туда-то и туда-то». Если принять во внимание, что японские посты в то время были расположены уже близко от Артура и японцы ежедневно получали газету «Новый край», то станет вполне понятно, почему я не мог терпеть подобного

рода «деятельности» и вынужден был отобрать у него корреспондентский билет.

Считая вообще Ножина личностью крайне подозрительной, я отдал распоряжение подвергнуть его личному задержанию, а параллельно с этим произвести на его квартире обыск с целью отобрать у него снимки наших фортов.

Но Ножин исчез бесследно.

Только впоследствии мне удалось выяснить, при каких обстоятельствах бежал Ножин из Артура.

Но об этом будет речь впереди, а пока я ограничусь лишь только тем, что скажу, что Ножин оказался в Шанхае и на страницах шанхайских газет оповестил мир, что «душою» обороны Артура является не генерал Стессель, а «доблестный» генерал Смирнов.

Купчинский... Этого я почти не помню в Артуре, он уехал до осады и за полгода до сдачи крепости.

Уехал он на шлюпке с приезжавшим в Порт-Артур корреспондентом Борисом Тагеевым.

И вот, спустя большой промежуток времени, но возвращении из плена, явился к генералу Рейсу, уже в Петербурге, унтер-офицер, сопровождавший Тагеева, и представил его донесение.

Донесение это ввиду важности передано в Главный штаб 30 апреля 1905 года за № 270. Тагеев сообщал в нем, что, когда он с Купчинским выехал на китайской шаланде из Артура в Инкоу, на пути им на горизонте встретился японский миноносец, который мог их не заметить.

Тагеев и бывший с ним унтер-офицер хотели пройти мимо незамеченными, но Купчинский вдруг вскочил и стал махать белым платком миноносцу, после чего последний и взял всех троих в плен.

По донесению Тагеева, Купчинский начал немедленно рассказывать японцам все, что знал о Порт-Артуре, несмотря на то что его никто и не расспрашивал об этом. Тот же Купчинский, когда был в Японии в плену, вращаясь в кругу пленных офицеров, которые его еще не знали, был посвящен несколькими нашими офицерами в план бегства, которое они хотели устроить,

Во главе заговорщиков был поручик Святополк-Мирский.

Купчинский выдал заговорщиков японцам. Все офицеры тыла арестованы, а некоторые, как, например, Святополк-Мирский, подверглись даже истязаниям, а Купчинский едва ли не в знак признательности к нему японцев был отпущен из плена, но предварительно избит до беспамьяства нашими офицерами за свое шпионство. Все эти факты признает и не может не признать сам Купчинский.

Вот вам мои «обличители» в печати. После всего, что я сказал, я думаю, всякий поймет, почему я не вступал и не вступаю в полемику с этими господами.

Теперь перейдем к обвинительному акту. Я не думаю, конечно, возражать против каждого пункта, я не юрист, да, наконец, я свято верю в знание и талант моих защитников и всецело предоставляю им защищать меня.

Я вообще ранее считал неудобным говорить о нем до суда, но раз он почти целиком, да вдобавок дополненный вымышленными гадостями и пошлостями, был помещен в газетах, раз каждый мог его комментировать, как ему вздумается, то мне кажется, что я тем более имею на это право.

Как понять: «Получил предписание сдать крепость и выехать в армию»? Несомненно, это тяжелая дисциплинарная мера, сопряженная с большим позором для того, к кому

она применена, а слышало ли общество когда-нибудь об этом приказании, о том, что я смнен, что главным начальником в Порт-Артуре уже является генерал Смирнов? Или, наоборот, до общества долетела весть, что мои нрава и компетенция расширены, что с этого времени я не могу отдавать все свое внимание исключительно одной крепости и что лишь в силу этого для последней необходим особый комендант? И не узнало ли общество об этом приказании лишь спустя 2 с половиной года благодаря обвинителю?

Допустим, что я скрыл это приказание, желая удержать власть за собой.

Но генерал Куропаткин, он-то ведь во всяком случае знал об этом приказе: как же он мог молчать? Как мог он терпеть подобное безобразие, чтобы смненнй им генерал Стессель, вопреки категорическому приказу, продолжал командовать? Почему не донес государю императору? Как мог он ставить верховного вождя в ложное положение — вступать в непосредственные сношения с преступником и даже давать ему награды и особые права и назначения.

Я полагаю, что всякий поймет, что не мог действовать таким образом главнокомандующий, не мог он допустить такого бесчинства в осажденной крепости (как захват власти), когда он и так знал, что между двумя высшими начальниками происходят нежелательные прения.

А если это так, то какой же тут захват власти?

Действительно, я получил от генерала Куропаткина письмо, в котором он призывал меня к себе в армии и предлагал мне передать командование Смирнову ввиду того, что, по его сведениям, вверенные им войска отошли под верки крепости и, стало быть, укрепленного района больше не существуете, т. к. он фактически превратился в крепость.

Справедливо полагая, что заблуждение генерала Куропаткина произошло вследствие неправильного донесения — интриги со стороны Смирнова, а это в действительности и оказалось так, я отправил генералу Куропаткину письмо, в котором доводил до его сведения, что войска вовсе не отошли под верки крепости, что укрепленный район существует и что вследствие личных слабых качеств генерала Смирнова и его неспособности я считал бы более целесообразным передать командование не ему, а генералу Кондратенко или Фоку.

Долг обязывал меня так поступить, тем более что в своем письме после подробного доклада о положении дел я писал: «Но за всем тем, если Ваше Превосходительство признаете мое присутствие в армии необходимым, я немедленно исполню Ваше приказание и во что бы то ни стало постараюсь прибыть»,

Как свидетельствует теперь сам генерал Куропаткин, он, видя, «что генерал Стессель обладает надлежащим авторитетом, решил его оставить».

После этого инцидента я получил вскоре благодарность за свои действия, право награждать отличившихся, и, таким образом, мой поступок был санкционирован и ни о каком узурпаторстве не могло быть и речи, тем более что я был назначен начальником укрепленного района по высочайшему повелению и не было такового же повеления о моем перемещении.

Еще больший абсурд представляет этот вопрос с точки зрения военной психологии.

Читая обвинительный акт, все должны неизбежно рисовать себе такую картину: с одной стороны, законный, непрекаемый и притом деятельно распорядительный комендант, с которым солидарно, по-видимому, все высшее начальство крепости, в руках которого, стало быть, сосредоточена вся сила

и власть, с другой стороны, я, смещенный и не имеющий даже права оставаться в Артуре, могущий найти поддержку разве только в нераспорядительном, растерянном генерале Фоке да еще в своем начальнике штаба полковнике Рейсе.

И вот к величайшему недоумению, оказывается, что я, незаконный начальник, единолично командую, получаю награды и даю их другим, а настоящий законный военачальник, некий, так сказать, стратопедарх, окруженный якобы всеобщими симпатиями, пребывает в полном бездействии. И главное, что такое перемещение центра тяжести власти происходит само собой, естественно, без всяких насильственных действий. Войска безропотно мирятся с таким незаконным начальником; даже такой честный, храбрый, любимый войсками генерал, как покойный Кондратенко, беспрекословно становится под мое начало. Мало того — этот нетерпимый всеми генерал приказывает сдать крепость, и весь гарнизон во главе с храбрым комендантом подчиняется этому приказанию беспрекословно.

Да и что такое власть? Какое-либо реальное /движимое имущество, которое я могу скрыть и таким образом сделать его передачу другому лицу невозможной? Ведь не от меня же, несомненно, получил власть генерал Смирнов, а от самого государя, и что он несколько не был склонен преуменьшать значение этой власти, а скорее наоборот, о том свидетельствует, например, его знаменитый приказ: «С нами Бог, разумеете языцы».

Вот уж поистине надутое самохвальство! Как генерал Смирнов не мог понять всей неуместности подобной фразы в устах обыкновенного смертного. Да и какие же «языцы», когда и был всего один — язык — японцы.

Я бы мог привести еще целый ряд доводов против захвата мной власти, но мне кажется, что и без того 1-й пункт обвинительного акта не выдерживает даже самой поверхностной

критики и что возник он исключительно благодаря показанию генерала Смирнова, который, признавая «захват власти», не столько тем отягощает мою вину (ввиду полной нелепости такого обвинения), сколько рисует себя полным ничтожеством; это поняли юристы и не предъявляли мне раньше этого обвинения, оно явилось впоследствии, как результат работ «Частного присутствия Военного Совета».

«Вмешивался в права и обязанности коменданта, подрывая авторитет последнего».

Но пусть скажут мне, где существуют такие законы, которые запрещают старшему начальнику, несущему всю ответственность за общий ход дела, вмешиваться, когда это необходимо, в распоряжения подчиненного?

И притом в чем же это вмешательство выразилось? В отрешении от должности брандмейстера, назначении на должность врача, удалении жандармов, запрещении газеты, приказе об аресте корреспондента и т. д.

Вероятно, полагают, что если бы брандмейстер Вейканен не был удален, а Ножин оставлен в Порт-Артуре, то крепость была бы способна защищаться еще долгое время?

Как видно, генерал Смирнов для доказательства подрыва своего комендантского авторитета не нашел другой опоры, кроме перечисленных ничтожных фактов. Или уже «боевая» деятельность генерала Смирнова так тесно была связана с деятельностью Вейканена и Кожина, что какой бы то ни было удар по этим молодцам неизбежно захватывал и «авторитет» коменданта? Но не доказывает ли это прежде всего то, что и вся-то «боевая» деятельность коменданта ограничивалась газетно-брандмейстерской сферою?

«Не принял меры к увеличению продовольственных средств крепости».

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Я полагаю, что если бы это и было справедливо, то обвинять меня в этом преступлении можно было бы лишь тогда, если бы гарнизон сдался от голода, но этому противоречит п. 10 обвинительного акта, говорящий, что «... количество продовольственных припасов обеспечивало возможность продолжения обороны».

В печати и обществе наделали много шума «заметки» генерала Фока.

Это обвинение в моем якобы потворстве генералу Фоку прямо нелепо; правда, иногда в тесном кругу мы прочитывали острые эпиграммы генерала Фока на то или другое известное в Артуре лицо, но ни о каких «заметках» я не имел понятия.

Да и вообще, трудно себе представить военному человеку, как могли какие-нибудь заметки «понижать дух гарнизона».

Солдат, особенно в бою, превосходно сумеет отличить хорошего начальника от плохого, не нуждаясь для этого ни в каких заметках. Сам этот 4-й пункт обвинения напоминает мне прием доброго старого времени, когда не стеснялись для усиления вины прибавлять: «А вот такие-то слышали, что он и начальство ругает».

Обвинение в неправильных донесениях возникло главным образом вследствие чрезвычайно оригинального и совершенно произвольного толкования моих донесений. Так, например, выражения: «Я отдал приказание об отступлении с Киньчжоуской позиции» или «В этом деле мы выпустили все снаряды», объясняют в том смысле, что я хотел этим подчеркнуть свое участие в бою, что в действительности мне и в голову не приходило. Выражения «мы сделали то-то» сплошь и рядом встречаются не только в донесениях главнокомандующего армиями о действиях отрядов, находившихся от него в нескольких переходах,

но даже и в донесениях военных корреспондентов, однако же никто из них из мест своих редакций никуда не отступал.

Ставят в вину выражение мое в донесении генералу Куропаткину 1 июня, что я бывал при всех столкновениях, тогда как, кроме Кинжоуского боя, до 1 июня никаких столкновений не было, кроме бомбардировок, во время которых все население Артура подвергалось опасности. При этом не знаю, умышленно или неумышленно забывают целый ряд японских атак с моря с целью брандерами загородить выход нашему флоту, и о том, что во время всех этих атак я безотлучно находился на Электрическом утесе, наиболее близком к месту действия.

Не представляет же себе обвинитель бой в блестящем шлеме с «семикожным» щитом и «длиннотенною» пикой в руке... а бомбардировку неужели он не считает даже и столкновением!..

Признают неправильным мое донесение 16 декабря, что снарядов у нас почти нет, тогда как на совете того же 16 декабря генералы Никитин и Белый заявили, что снаряды для обороны еще есть, но при этом умалчивают о том, что тот же генерал Никитин сказал, что остается не более 10 снарядов на скорострельное орудие, т. е. на 5 минут стрельбы, а генерал Белый в последний месяц на все просьбы с батареей о присылке снарядов и на мои требования усилить огонь отвечал, что не может этого сделать по недостатку снарядов.

Обвинение в том, что я представлял к наградам незаслуженно, является в высшей степени странным. Оценка деятельности подчиненных неизбежно является вообще делом субъективным и далеко не всегда может быть уложена в рамки статута, особенно в той совершенно исключительной обстановке, в которой приходилось жить и действовать артурскому гарнизону. Ссылка на слова генерала Рейса, что он не считает

себя заслужившим награждения Георгием, решительно ничего не доказывает, кроме скромности этого генерала, и я убежден, что на поставленный таким образом вопрос большинство награжденных ответили бы то же самое. Конечно, я не имею в виду офицеров типа генерала Смирнова, который требовал себе Георгия за то, что замкнул из блиндажа ток, взорвавший камуфлет, значительно облегчив минные работы... японцев.

«Состоя начальником укрепленного Квантунского района и старшим начальником в крепости Порт-Артур, вопреки мнению военного совета, сдал крепость» и т. д.

На суде будут выяснены в мельчайших подробностях те роковые причины, которые заставили меня единолично сдать крепость.

Сейчас же я лишь в общих чертах могу набросать картину, при которой я вынужден был поступить так, а не иначе.

Большинство членов совета 16 декабря указывало, что держаться следует, пока мы имеем в руках первую линию, т. е. форты, потому что вторая и третья линии представляли собой лишь слабые полевые позиции и держаться на них не представлялось возможным. На этом совещание кончилось и я объявил, что беру на себя окончательное решение в зависимости от дальнейших обстоятельств.

Совет был 10-го, а с того дня события пошли невероятно быстрым темпом, 18-го пало наше последнее долговременное укрепление № 3. Овладев им, японцы получили возможность обстреливать во фланг и отчасти в тыл участок Китайской стенки до Заредутной батареи и Волчью мортирную и Заредутную батареи, почему держаться здесь стало совершенно невозможно и их пришлось очистить. Войска отошли на 2-ю линию. 19 декабря с утра японцы повели жестокую атаку на Большое Орлиное Гнездо, одновременно с сильнейшей бомбардиров-

кой последнего, быстро уничтожившей все закрытия. Пять штурмов были отбиты, шестым — японцы овладели Большим Орлиным Гнездом, очутившись в тылу Куропаткинского люнета, батареи литера Б, Большого и Малого Орлиного Гнезда, так как укрепления эти не были приспособлены к обороне с тыла и легко могли быть отрезаны от крепости, то и их пришлось очистить.

Большое Орлиное Гнездо было последним сколько-нибудь серьезным препятствием на пути движения японцев в Старый город.

Наша крепостная артиллерия не могла содействовать отбитию штурма потому, что поле действия слишком приблизилось к крепости, находилось уже в так называемом мертвом пространстве, а для полевой артиллерии у меня осталось всего по 10 патронов на орудие, т. е. даже при медленном огне на 3—4 минуты стрельбы.

К этому времени мы могли сосредоточить для обороны всех полевых позиций восточного фронта 5—6 тысяч штыков против 30—40 тысяч японцев.

За этой позицией непосредственно находился Старый город, где все дома были набиты больными и ранеными. Ни мы, ни японские генералы не могли ручаться за то, что произойдет. Разве можно остановить озверевшего солдата?

3 августа, когда японцы прислали парламентариев с предложением сдать крепость, они заявили, что если крепость будет взята с бою, то японские начальники не ручаются за зверство своих войск и возможность повальной резни.

И это не было словами: 10 лет тому назад, взяв тот же Порт-Артур, они не оставили там в живых ни одного раненого.

В 3 часа 40 минут дня стало ясно, что к ночи японцы станут хозяевами Артура. Между тем послать парламентаря можно

было только до наступления темноты, т. е. мне оставалось: или 1) послать его, не собрав совета; или 2) собрать совет, зная, что не успею послать парламентаря. Полагая, что сохранение жизни нескольких тысяч людей важнее соблюдения чисто формального требования, я решился на первое.

На рассвете, да и раньше еще, с Орлиного Гнезда, японцы, конечно, увидали бы, что у нас уже ничего нет, ни резервов, ни позиций.

Да они со мной потом и разговаривать не захотели бы, а предложили бы сдаться на волю победителей, и только.

Мы не имели бы возможности ни испортить орудий, ни взорвать судов, ни затопить снарядов, ни выслать миноносцев со знаменами.

Если суда были взорваны слабо и в настоящее время они подняты, то в этом виноват не я, а адмиралы, которые как стояли в бассейне на мели, так и затопились.

Только один адмирал Эссен имел мужество, выйдя на рейд, затопить на 50-саженной глубине свое судно, предварительно пустив ко дну несколько японских миноносцев. Между тем на военном совете 16 декабря адмирал Вирен и другие говорили мне, что у них готово все для уничтожения.

На этом совете чудеса храбрости (конечно, на словах) выказывал генерал Смирнов. По его мнению, держаться следовало, так как на Китайской стенке мы продержимся 2 недели, на 2-й линии укреплений — неделю, на 3-й — три недели.

На деле же оказалось: на Китайской стенке держались 2 часа, на 2-й линии несколько часов. 3-я линия состояла из нескольких почти не укрепленных горок и внутренней ограды, которая, будучи построена после китайской войны для обеспечения города от внезапного нападения какой-нибудь шайки боксеров, не имеющей огнестрельного оружия, совершенно

не была применена к местности, командовалась с близприлегающих высот и потому решительно никакой оборонительной силы не имела.

Тот же самый Смирнов еще за полгода до сдачи «доносил» генералу Куропаткину, что он ручается продержаться в крепости до 1 октября, чего никоим образом не сумеет сделать генерал Стессель, а между тем я держался до 21 декабря, и говорю по чистой совести, что сдал крепость только тогда, когда сопротивление было бесполезно.

Что роковым образом влияло на успешность обороны, так это полное бездействие флота и отсутствие дисциплины в высших флотских начальниках. Так, адмиралы Лощинский и Григорович не только открыто мне не подчинялись, но в очень резких формах отклоняли малейшее мое необходимое вмешательство.

Быстрое и неожиданное появление японцев в пределах Квантуна было делом серьезным, так как оборона подступов к Артуру с севера была совсем плохо оборудована и даже не имела пушек, а многие укрепления были только намечены.

Ввиду всего этого наместник приказал командующему эскадрой адмиралу Витгефту сдать в мое распоряжение орудия, в количестве: 23 6-дюймовых, 6 120-тонных, 75-тонных и 37-тонных и 2,5-дюймовых для установки их на северном сухопутном фронте, так как эскадра, ослабленная взрывом «Победы» в день гибели «Петропавловска», в течение ремонта этого броненосца не могла быть активной.

Сделав распоряжение относительно передачи морских орудий сухопутному начальству, выразившееся в приказе командующего эскадрой адмирала Витгефта от 29 апреля за № 32, наместник (кажется, 22 апреля) едва успел выехать вместе со своим штабом из Артура в Мукден.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Наладив дело по упорядочению укреплений, а также разработав план замедления движения японцев к Артуру и наметив ряд оборонительных позиций, я, правильно понимая назначение и деятельность флота, всегда был готов по приведении эскадры в порядок по первому же требованию командующего адмирала вернуть все то, что мне было дано с эскадры, так как я вовсе не желал ее ослаблять.

Также я считал себя вправе привлекать к участию в задержании японской армии малые и специальные суда обороны, как то: канонерские лодки и миноносцы, которые, по моему настоянию, и высылались адмиралом Витгефтом для флангового обстрела японцев под Кинчжоу, на Зеленых горах и занятых японцами других береговых пунктах. И японцы надолго бы задержались в своих наступательных движениях к Артуру, если бы на мою просьбу выслать миноносцы и лодки в заливы Талиенван и Кинчжоуский при штурмах кинчжоуских укреплений адмирал Лоцинский исполнил свой долг более добросовестно и не ограничился бы высылкой в залив Талиенван только одной лодки «Бобр» и двух миноносцев, предоставив возможность японцам поставить несколько своих лодок и миноносцев в заливе Кинчжоу и до того безнаказанно, что, даже сев на грунт в малую воду, суда японские с успехом выполнили по отношению одного из наших флангов то, чего так настойчиво требовал я от адмирала Витгефта.

Распоряжение адмирала Витгефта, отданное по моему настоянию, принималось начальником морской обороны адмиралом Лоцинским в самой неприличной для морского офицера форме.

На приказание адмирала Витгефта, переданное его флаг-офицером лейтенантом Азарьевым, идти немедленно на рейд к Сикао для обстрела неприятеля, адмирал Лоцинский грубо

и недовольным голосом и, не стесняясь команды на шканцах, кричал, что он не понимает такого приказа, которое рискованно для лодок... что таких приказаний отдавать нельзя, что не дело лодок или судов флота бороться с сухопутными батареями японцев, что это дело наших сухопутных батарей и что, если они не могут бороться, нужно сдаваться... а не подвергать лодки опасности быть взорванными... Кроме того, Лощинский захватил на каждую лодку лишь по 15 снарядов, воспользовавшись приказом Витгефта, распорядившегося во время бомбардировок не иметь на лодках более 15. Когда адмирал Витгефт в справедливом гневе спрашивал Лощинского, как он мог захватить только 15 снарядов в бой, когда распоряжение его относилось лишь ко времени стояния в бухте, адмирал Лощинский не постыдился цинично возразить, что он понял так приказ и не взял более 15, чтобы не было взрыва.

По выяснении способности сухопутного гарнизона с успехом задерживать наступление японцев я продолжал настаивать на выходе эскадры в море и на активной ее деятельности еще в мае, как только суда эскадры были приведены в исправность и полную способность действовать.

Постоянные мои настояния о необходимости выхода эскадры из пассивного состояния побудили адмирала Витгефта собрать флагманов и командиров судов 1-го ранга для обсуждения вопроса, затронутого мною. За исключением командира «Севастополя», капитана 1-го ранга Эссена, большинство командиров на этом собрании решило, что «флот должен выйти в море тотчас же, как он будет готов к бою, выход же немедленный, как желают сухопутные начальники, несмотря ни на какое положение дел на сухопутном театре военных действий, невозможен за неготовностью судов. О времени готовности флота сообщить начальнику укрепленного района по выясне-

июю обстоятельств, но во всяком случае не раньше как через неделю. По частям же выход флота недопустим в тактическом отношении и не может привести к какому-либо благоприятному результату» (протокол от 23 мая 1904 года).

Факт отдельного, хотя и единственного мнения капитана 1-го ранга Эссена, не согласного со взглядами всех остальных командиров, достаточно верно обрисовывает неспособность духа и полную неспособность к занимаемым постам тех из командиров, которые, подобно капитану Эссену, имели в своем распоряжении исправные корабли, но от активной деятельности отказались, тем более заслуживающих нареканий, что не потрудились хорошенько разобрать и уяснить то, что в своем отдельном мнении предлагал самый молодой их товарищ.

Из того, что Эссен допускает возможность присоединения «неисправных» судов к вышедшим уже в море исправным, ясно, что неисправность тех судов была тесно связана с упадком и обнищальностью духа их командиров.

Собирая флагманов и командиров для ответа мне, адмирал Витгефт в то же время не забывал жаловаться в телеграммах наместнику на то, что Стессель его жмет и, дескать, ничего не понимая в технике сложного морского дела, все время настаивает на выходах эскадры.

Конечно, наместник, будучи сам адмиралом, не мог не оказать поддержки адмиралу Витгефту, которая и выразилась в телеграмме наместника ко мне, с указанием на то, чтобы я не забывал, что флаг подчинен только адмиралу Витгефту.

«Ввиду настойчивости, с которой Вы обращаетесь к адмиралу Витгефту с требованием о выходе флота, — говорится в телеграмме наместника от 4 июня, — я должен напомнить Вашему Превосходительству:

1) крепости надлежит упорно обороняться и служить до последней крайности убежищем флоту, 2) флот находится в непосредственном распоряжении и на ответственности начальника эскадры, почему его выход в море может последовать только по усмотрению адмирала Витгефта, 3) Ваши обязанности как высшего военного начальника должны заключаться в напряжении всех сил для самой упорной обороны и никоим образом не считать, что для спасения крепости мы должны жертвовать флотом».

Неудачная попытка прорваться во Владивосток и смерть Витгефта настолько сильно повлияли на моральную сторону всех командиров, что они поспешили в собрании своем с участием заведующего обороной берегов контр-адмирала Лощинского и командира Порт-Артура контр-адмирала Григоровича 6 августа составить следующее бесповоротное решение: отказаться окончательно не только от всякой попытки выполнить еще действующее высочайшее повеление, т. е. прорваться во Владивосток, но также от каких бы то ни было выходов в море для плодотворной и активной деятельности против японцев, почему постановлено было теперь же оказать крепости помощь всеми средствами как орудиями, так людьми, какие могут дать суда, оставив только для себя возможность сражаться на якоре.

Так легко отказавшись от всех своих функций морских офицеров и так самонадеянно признав себя способными к управлению функций сухопутных офицеров, и помимо какого бы то ни было желания участвовать в этом добровольном превращении с моей стороны весьма естественно, что собрание флагманов и командиров при участии адмиралов Лощинского и Григоровича, а также капитана 1-го ранга Вирена на заседание свое меня не пригласило и, уж конечно, не осведомило о состо-

явшемся решении, выразившемся в протоколе, приложенном к отношению адмирала Вирена ко мне от 26 ноября 1904 года за № 92.

Между тем я, ничего не подозревая, продолжал докучать адмиралам, настаивая на вполне возможном выходе эскадры в сентябре, по окончании починки судов.

Немудрено, что постоянные мои указания адмиралам, в чем состоит их долг перед Россией, зародили в них ко мне чувство недоброжелательное, близкое к ненависти и смешанное с ощущением какого-то панического страха, что душевная немощь их как-нибудь откроется там далеко, в России, где вполне оценят настойчивость ненавистного теперь им генерала Стесселя.

Боязнь, что я узнаю их преступную решимость свести на нет славные корабли нашего Тихоокеанского флота, что я выведу их на свежую воду, побудила их пойти на вероломный поступок.

К адмиралам присоединился генерал Смирнов, солидарный с ними во всех своих взглядах и поступках и одинаково с ними оберегавший свою особу.

Сознание своего малодушия и страх ответа побудили генерала Смирнова не только войти в общение с другими равноценными с ним героями Морского ведомства, сплотиться с ними, но и принять деятельное участие в том, что зародилось под влиянием злобы и страха в головах адмиралов Лощинского и Григоровича и что вылилось в таком преступном и вероломном факте, как посылка Ножина из пределов Артура для моего очернения и обеления всех остальных героев: знаменитого коменданта и талантливейших моряков-героев, начальника отдельного отряда броненосцев и крейсеров, им затопленных сознательно под Перепелиной горой, и начальника морской и минной обороны, еще в июле кричавшего о сдаче и из страха

японских снарядов спускающего свой контр-адмиральский флаг с мачты той лодки, на которой он обитал.

Внимательно, даже талантливо выработав план, ввиду его особенной специфической важности, адмиралы уже не останавливались ни перед чем, лишь бы только довести задуманное дело до конца... И действительно, они довели его до конца, не постеснявшись для него пожертвовать даже лучшим миноносцем.

Наиболее рельефно преступная деятельность адмиралов сказалась именно в истории «спасения» Ножина от ареста, для чего был взорван миноносец «Расторопный», стоящий с вооружением около 1 миллиона рублей.

Произошла вся эта история при следующих обстоятельствах.

Отобрав у Ножина корреспондентский билет, я был убежден, что он захочет бежать из Артура, и предупредил коменданта, чтобы он никоим образом не выпускал его. После ряда приказаний наконец я получил известие, что Ножин находится на одном из миноносцев. Тогда я немедленно послал жандармского ротмистра Познанского предупредить об этом контр-адмиралов Григоровича и Лощинского. Последний категорически заявил Познанскому, что Ножина у них и не было.

Но в это время как раз явился капитан 2-го ранга Кривицкий, сообщивший, что он только что с «Сердитого» и видел там Ножина. По моему настоянию был отдан приказ по флоту не принимать Ножина на суда, но Ножин как в воду канул.

Познанский его искал, но не нашел. Найти было мудрено, так как Ножин в это время находился на канонерке «Отважный», на которой Лощинский держал свой флаг. Вывезли Ножина следующим образом. 2 ноября к выходу в море был назначен миноносец «Расторопный» под начальством лейтенанта

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Лепко; чтобы провезти на нем Ножина, пришлось лейтенанта Лепко заменить лейтенантом Пленом, который все время ранее был на сухопутных позициях и потому приказа не знал.

Плену было приказано высадить Ножина в Чифу, а миноносец взорвать (Лепко брался вернуть миноносец обратно целым).

Из этого видно, с какими помощниками мне приходилось иметь дело, и как они понимали военную дисциплину, и как относились они к вверенному их заботам народному имуществу.

Миноносец «Расторопный», на котором был отправлен Ножин, своей исправностью послужил не для того, чтобы нанести чувствительный вред нашим врагам — японцам, но чтобы перевезти из Артура и разнести по всей земле тьму грязи, выливаемую и по сие время.

Сослужив такую грязную службу, «Расторопный» бесславно погиб, не использованный и не смывший с себя позорного пятна предательства, будучи взорван случайным, чуждым ему офицером, послужившим покорным орудием Григоровичу, Лощинскому и Смирнову.

Занятый защитой Артура, я не подозревал, конечно, о том, что собирается над моей головой и что угрожает моей чести.

После взятия Высокой горы японцами я, видя полную бездеятельность флота, обратился снова к начальнику больших кораблей адмиралу Вирену с увещеваниями выйти из-под японских снарядов, спокойно топящих, как на смотре, по одному и по два судна ежедневно.

«После занятия Высокой горы, — писал я ему 25 ноября за № 2241, — 23 ноября и невыхода до этого числа эскадры в море я остаюсь при прежнем своем убеждении, что с момента занятия этой высоты неприятелем суда будут упразднены в

самом непродолжительном времени и погибнут в бассейнах даром».

«По моему предложению, еще во время устройства нами Высокой горы, адмиралы ходили на эту гору, но я не знаю, уверились ли они тогда, глядя сверху на бассейны, что ожидает суда эскадры, если они останутся стоять, а гора будет занята. Теперь это совершилось и, к несчастью, общее мнение сухопутных генералов грозно начинает оправдываться. 22 и 23 ноября “Полтава” и “Ретвизан” уничтожены. Что же дальше? Боевой флот, на соединение с которым идет эскадра Рождественского, погибнет, как мишень, в лужах Порт-Артурских бассейнов. Миллионы погибнут, как в том случае, если бы эскадра потеряла суда в бою с противником, так и теперь, будучи перебиваема по очереди в бассейнах Артура; но, кроме миллионов, есть нечто важнее, в первом случае она не погибнет, во втором — вечный срам; в первом случае Рождественский мог бы получить хоть один корабль, во втором — ни одного. Мнение сухопутных начальников всегда было за выход, а мое и за постоянную готовность к бою эскадры. Японцы ныне обратят все свое внимание на скорейшее уничтожение судов, дабы ослабить силу Рождественского, т. е. не дать ему отсюда ни одного судна. Я, как старший здесь начальник, считаю себя вправе, хотя мне флот и не подчинен, требовать немедленного выхода нашей эскадры и прошу поставить меня в известность относительно дальнейших планов эскадры».

На это последовал ответ адмирала Вирена с приложением протокола от 6 августа (от адмирала Вирена к генералу Стес* селю от 26 ноября за № 92) следующего содержания:

«Выход эскадры 28 сего июля для прорыва во Владивосток был предпринят по Высочайшему повелению, переданному телеграммой Наместника Его Императорского Величества

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

на Дальнем Востоке, хотя большинство адмиралов и командиров были того мнения, что этот прорыв невозможен, принимая во внимание превосходство сил неприятеля, как по числу судов, числу орудий, так и отдельных крейсерских и минных отрядов, большой скорости хода и большего расстояния до Владивостока без наших портов по пути, а также необходимости прорваться через неприятельский пролив у острова Цусима.

В лучшем случае наши суда, истратив свои снаряды в переменных боях с эскадренными броненосцами и при отражении ночных минных атак и подбитые, как эскадренный броненосец “Цесаревич”, искали бы убежище в нейтральном порту и умерли бы для этой войны.

Едва ли кто-либо дошел до Владивостока, так как самому быстроходному крейсеру “Новик” при благоприятных условиях не удалось этого сделать.

Вся наша эскадра была бы потеряна еще в конце июня, в то время как японский флот имел полную возможность благодаря вышеуказанным преимуществам и тому обстоятельству, что он, идя с нами, параллельно шел к своим портам, так вести бой, что никто из его кораблей не был бы выведен из строя, и как бы неприятельские суда ни были подбиты после этих боев, японский флот успел бы вполне обновиться и поправиться до прихода эскадры адмирала Рожественского, который не мог и не может состояться раньше конца декабря, а вернее Нового года, т. е. встретить его в таком состоянии, в каком он теперь находится.

По возвращении части нашей эскадры в Порт-Артур после боя 28 июля с менее чем половинным запасом снарядов и искалеченными судами и многими разбитыми пушками — эта задача, т. е. прорыв во Владивосток, стала совершенно

невозможной. Через несколько дней по приходе эскадры начались августовские штурмы, в которых принимал серьезное участие десант, причем погибло несколько офицеров и много нижних чинов.

Собранием флагманов и командиров 6 августа составлен был протокол, копию которого при сем прилагаю.

Согласно этому протоколу, было решено помогать крепости всеми средствами до последней возможности, что нами до сего дня и было исполнено с полным старанием и добросовестностью.

Все орудия, которые требовались на позиции, давались с судов и устанавливались, снаряды всех калибров постепенно почти все израсходованы на береговых батареях для обороны крепости, чины отряда работают всякий по своей специальности, для той же цели и принимали самое деятельное участие при отражении штурмов в сентябре на Высокой горе, в октябре и, наконец, в ноябре на Курганной литера Б и Высокой горе, где погибло так много офицеров и нижних чинов.

Благодаря минной обороне все приморские батареи с их наиболее сильными орудиями были использованы для обороны берегового фронта, усилив его во много раз.

До занятия Высокой горы корабли чинились по возможности, но эскадре адмирала Рожественского они могли бы помочь только по освобождении Порт-Артура с суши, когда бы нам подвезли снаряды и дали бы возможность окончательно починиться.

Об этом адмирал Рожественский отлично знает.

Теперь суда отряда затоплены неприятелем, но после того как почти весь боевой материал, т. е. много орудий, все снаряды, мины, прожекторы и личный состав были использованы для обороны крепости.

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Команды и офицеры перебрались на берег, причем комендоры работают, как и раньше, в лаборатории, ими же пополняется убыль на батареях; минеры заняты выделкой бомбочек, и много машинистов отливают и готовят снаряды и мины; остальная часть команды с офицерами, около 500 человек, составят последний резерв, и таким образом отряд до конца всеми средствами и личным составом поможет крепости обороняться против неприятеля.

Что касается до затопленных судов, то приняты меры, чтобы целые еще орудия не достались бы трофеями неприятелю, если крепость падет.

Один уцелевший броненосец «Севастополь», но не вполне исправный, поставил на счастье у Белого Волка, где он, конечно, будет подвергаться минным атакам и рискует затонуть на рейде, но хотя временно будет защищен от 11 мортир.

Конечно, горестно так потерять свой флот, но если Бог нам даст отстоять крепость до выручки с суши, то я уверен, что все беспристрастные люди скажут, что без той помощи, которую дал флот, Порт-Артур был бы уже давно в руках неприятелей.

Раньше чем заводить флот на Востоке, следовало бы устроить крепость-убежище, так как не флот существует для крепости, а крепость для флота, тогда от флота и можно требовать исполнения его прямого назначения.

Это еще сознавал наш Великий Император Петр, построив крепость Кронштадт, где в офицерской караульной комнате начертаны следующие исторические слова Великого Императора: “Оборону флота и сего места хранить до последней капли крови, как наиважнейшее дело”.

Конечно, всякий флот строится, чтобы сражаться с неприятельским флотом, но чтобы он мог это исполнить, ему

необходимы порта-убежища, без которых ни один флот существовать и оперировать не может.

Суда не киты.

И не знаю, где больше сраму, в том ли, что флот погиб, защищая свое убежище, т. е. часть русской земли, называемой твердыней, использовав для этого весь свой боевой материал и личный состав, или в том, что это убежище, твердыня оказалась такой ловушкой для флота, какую мы могли бы пожелать самому злейшему врагу».

Я ответил Вирену, положив на отношении его следующую резолюцию:

«Все высказанное здесь относительно малой пригодности артурской гавани я считаю верным, но не могу все-таки согласиться с тем, что наш флот имел право не выходить, а замкнуться на заклание в бассейнах, когда сами же признают эти бассейны ловушкой, что и верно. В морском бою с противником нельзя и предположить, чтобы весь флот погиб, теперь же он погибнет весь, разве “Севастополь” останется, и именно потому, что вышел из бассейна. Относительно собрания флагманов и командиров 6 августа я поставлен в известность только теперь, 26 ноября; хотя, разумеется, единогласное решение специалистов морского дела значит много, но я все-таки не согласен, что было необходимо это сделать, так как решение это есть решение полного уничтожения флота на якоре. Разумеется, средства флота помогли крепости, в этом не может быть сомнения, но эскадра-то, обезоружившись по собственной воле, что сделала? Обратилась в суда, обреченные на полную пассивность, а команда из матросов в сухопутных солдат; теперь уже возврата нет; теперь без всякого деления все — сухопутные воины, а потому с момента упразднения судов я считаю, что все защитники, как действующие на сухопутье, должны составить гарнизон и

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

всецело подчиниться сухопутному старшему начальнику, т. е. мне. Прошу также дать сведения о запасах продовольственных, как бывших на судах, так и в порту».

Последняя моя законная просьба о запасах и материалах была оставлена адмиралом Виреном без ответа.

Как искажена деятельность моя морскими начальниками, так же подтасованы врагами моими цифры сдавшегося гарнизона.

Откуда явилась цифра в 23 тысячи вместо тех 10 тысяч, которые, по моим словам, оставались к 19-му на позиции.

Постараюсь объяснить. В день сдачи крепости из госпиталей было выпущено несколько тысяч раненых и больных, которые пожелали вернуться в части, чтобы «идти с товарищами в плен», в чем и оказали им полное содействие врачи Субботин, Ястребцов и Бунге, стремившиеся на родину. 3000 человек из этих здоровых вновь легли в госпиталь, за исключением тех, которые за минутную вспышку бодрости заплатились жизнью.

Из остальных 20 тысяч здоровых, сдавшихся в плен, 10 тысяч (50%), по свидетельству врачей Красного Креста, было цинготных и раненых, не занимавших госпитальную койку лишь потому, что таких коек не было больше в госпиталях. Наконец. 10 тысяч последних здоровых в громадном большинстве, по свидетельству тех же врачей, нуждались в амбулаторном лечении.

19 декабря 1904 года — по показанию очевидцев — резервы в 50- 60 человек шли, опираясь на палки, ружья, поддерживая друг друга...

Что же, разве это не истощение сил гарнизона при обороне крепости, разве это люди, а не тени?..

Правды хочет общество и правды хочу я, не для личной выгоды, а для славы Артурского гарнизона, выполнившего свой долг до конца.

Что же делал комендант крепости в последние дни Артура, если даже он не пожелал лично присутствовать во время последнего боя, скрываясь на дачных местах вместе с адмиралом Виреном, если он во имя самолюбия не приехал ко мне с советом? Когда я послал парламентаря, то позаботился ли он о здоровье нижних чинов, выпущенных больными из госпиталей?

Он три раза объезжал войска — правда, из рядов этих войск слышались нелестные для него отзывы: кто этот генерал, — мы его в сражении не видали, — был даже такой случай, в наивной простоте рассказанный апологетом генерала Смирнова, военным судьей, генерал-майором Костенко. Когда этот генерал объезжал полка, то его солдаты приняли за коменданта и спрашивали распоряжений, — но все это не могло помешать коменданту хоть в день сдачи быть полезным Артуру. Глядя на измученные лишениями осады, ранами и цингою лица больных героев Артура, комендант ни одним словом не приостановил наплыв больных и раненых, строившихся для подсчета японцами числа пленных. Он, который так много кричит о свгсм патриотизме, сияющий и веселый, радовался, что растет цифра сдавшегося гарнизона, и потирал от удовольствия руки! Что ему позор России, когда явилась возможность раздуть огонь — всему миру показать: «Вот как сдался Стессель — с целой армией». И злорадно подсчитывая число рядов, генерал Смирнов чувствовал, что настало время его торжества — торжества интриги, обмана и доноса.

Я не объезжал войска — мне было больно, безвыходно тяжело, но, если бы я знал, что злоба генерала Смирнова перешагнет и через этот предел — жизнь, здоровье войск, — я бы сам явился к палатке, где пересчитывали пленных, и выпил бы лучше чашу унижения до дна во имя спасения жизни не только нескольких тысяч, но даже одного солдата. Но генерал

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Смирнов, чуждый гарнизону, считавший жизнь солдат — «бегунцов и смердов», как он говорил, за ничто, бросил во имя личных счетов со мной на чашу обвинения жизнь этих героев. Бедные жертвы зависти и злобы, герои титанической борьбы, вы покоитесь на кладбищах Артура, но будет время, когда предстанем мы на суд Божий с генералом Смирновым — вы явитесь там свидетелями за меня и скажете, во имя чего потеряли вы свою жизнь.

Генерал-лейтенант Стессель
1907 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Как наши деды воевали.....	3
Об источниках.....	4
О крепостях.....	9
История русской фортификации.....	20

Бобруйск. 1812

На пути двенадцати языков.....	32
На границе двух русских миров.....	34
Когда крепости еще не было.....	38
Почему Бобруйск, или Слово о военных планах.....	41
Рождение твердыни.....	53
Ловушка, которая не захлопнулась.....	62
В осаде, или Русский форпост в «Великой Литве».....	68
От достройки до склада.....	79
По старой царской дороге.....	88

Бомарзунд. 1854

Один против десяти.....	97
Пешком по морю, или Россия приходит на Аланды.....	101
Танец императора, или Как покорить страну улыбкой.....	109

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Правый флаг западного рубежа империи.....	113
Крепость готовится к бою.....	121
Перед грозой.....	128
Крепость принимает бой.....	132
После боя.....	138
Память.....	140

Порт-Артур. 1904

Одиннадцать месяцев непрерывной борьбы.....	147
Тайна штабс-капитана Степанова.....	148
Когда правая рука не знает, что делает левая, или Почему Россия проиграла Русско-японскую войну?.....	161
Шпионский роман.....	177
Путь солдата.....	178
Квантунский укрепленный район и его командующий.....	185
На дальних и ближних подступах.....	189
Снова спор о командовании.....	197
Государь император повелел идти во Владивосток.....	199
Штурм и натиск.....	202
Гордость и человеколюбие.....	205
Клевета и суд.....	217
Память.....	223

АЛЕКСАНДР МУЗАФАРОВ

Заключение.....	230
Библиография.....	232
Краткий словарь фортификационных терминов.....	237
Приложение.....	249

Научно-популярное издание

От Руси к империи

Музафаров Александр Азизович

ЗАБЫТЫЕ БИТВЫ ИМПЕРИИ

Редактор *А.А. Скороход*

Корректор *О.В. Бубликова*

Верстка *И.М. Сорокина*

Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 08.11.2012. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Гарнитура «PeterburgС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 9. Тираж 2000 экз. Заказ № 1493.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

ООО «Издательство «ВЕЧЕ»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, (499) 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (e-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru

В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книга», «Новый книжный».

Вторгшиеся в Россию наполеоновские войска ждал неприятный сюрприз – на берегах полноводной Березины, где еще недавно располагался лишь небольшой городок, возвышалась грозная твердыня. «Ни одна крепость не была России столь полезной, как Бобруйск в 1812 году» – писал о ее обороне первый официальный историк Отечественной войны В.Н. Михайловский-Данилевский.

В 1854 году на самых дальних западных островах Российской империи принял неравный бой гарнизон недостроенной крепости Бомарзунд. Русские солдаты и финские стрелки 10 дней сражались против десятикратно превосходящих сил противника, поддержанных мощным флотом. Они до конца выполнили свой долг перед Государем и Отечеством.

В 1904 году русская крепость Порт-Артур 11 месяцев выдерживала осаду превосходящих сил японской армии и флота. В советское время много говорили о трусости, измене и бездарности руководителей крепости, но за весь XX век не было случаев более длительной обороны осажденной крепости.

В нашей стране почти нет памятников героям Бобруйска, Бомарзунда и Порт-Артура. Может быть, потому, что наши современники ничего не знают об этих забытых битвах Империи? Пришло время вспомнить о них.

ISBN 978-5-4444-0155-2

9 785444 401552

